

Современные религиозные культы и движения

Гай Гленн Аткинс

Modern Religious Cults and Movements

Gaius Glenn Atkins

Электронная книга проекта "Гутенберг" о современных религиозных культах и движениях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Современные религиозные культы и движения

Автор: Гай Гленн Аткинс

Дата выхода: 15 августа 2006 [Электронная книга №19051]

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Грэм Макрет и команда онлайн-редакторов по адресу <http://www.pgdp.net>

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ И ДВИЖЕНИЯ" ***

Современные религиозные культы и движения

Работы **Гая Гленна Аткинса**

Современные религиозные культы и движения

Доктор Аткинс написал заслуживающую внимания и ценную книгу, посвященную новым культам, некоторые из которых вышли на первый план за последние пару десятилетий, такие как: Исцеление верой; Христианская наука; Новая мысль; Теософия и спиритуализм и т.д. \$ 2.50

Неоткрытая Страна

Работа доктора Аткинса на протяжении всей работы отличается ясностью изложения, отточенной дикцией и убедительными фразировками. Твердое понимание элементарных истин христианской веры в сочетании с необычной способностью интерпретировать мирские переживания в терминах духовной реальности. \$1.50

Иерусалим: прошлое и настоящее

"Одна из книг, которая поможет избавить нас от неутолимой жажды острых ощущений и прояснит, что мы можем по—настоящему читать историю только тогда, когда читаем ее как "Его историю", и что мы достигаем всего наилучшего только тогда, когда надежда души реализуется гражданством в "Граде Божьем"". —*Баптистский мир*. \$1.25

Пилигримы одинокой дороги

"Очень необычная группа исследований великих мистиков, демонстрирующая реальное проникновение в более глубокий опыт религиозной жизни". — *Христианская работа*. \$2.00

Встреча с Жизнью

"Жизнь представлена как путешествие с различными "постоялыми дворами" на пути, такими как Конец дня, Конец недели, конец месяца, конец года — все это наводит на мысль об определенных впечатлениях и обязанностях". Бумага, 25 листов.

Современные религиозные культы и движения

Автор ГАЙ ГЛЕНН АТКИНС, доктор медицинских наук, Л.Х.Д.

Служитель Первой конгрегационалистской церкви, Детройт, Мичиган.

Автор книг "Пилигримы одинокой дороги", "Неизведанная страна" и др.

Нью-Йорк Чикаго

Флеминг Х. Ревелл Компани

Лондон и Эдинбург

Авторское право, 1923, ФЛЕМИНГ Х. РЕВЕЛЛ КОМПАНИ

Нью-Йорк: Пятая авеню, 158

Чикаго: Норт-Уобаш авеню, 17.

Лондон: Патерностер-сквер, 21

Эдинбург: Принсес-стрит, 75

В.Е.М.С.

Чья постоянная дружба на протяжении многих лет была подобна огню в его очаге, сияющему дару и благодарному воспоминанию

Введение

Последние тридцать лет, хотя с точки зрения датировки это лишь приблизительное определение, стали свидетелями заметного развития религиозных культов и движений, в значительной степени выходящих за рамки исторического католицизма и протестантизма. Один из этих культов хорошо организован и в течение двадцати лет рос пропорционально быстрее, чем большинство христианских общин. Влияние других, более слабо организованных, имеет далеко идущие последствия. Некоторые из них пытаются придать религиозное содержание нынешнему направлению науки и философии, и, в целом, они представляют собой свободное движение того, что можно назвать творческим религиозным сознанием нашего времени.

Конечно, существует огромная и постоянно пополняющаяся литература, посвященная конкретным культам, но, по-видимому, до сих пор не было предпринято попыток выяснить, не может ли существовать нескольких неожиданно простых центров, вокруг которых, несмотря на их поверхностные различия, они действительно организуются.

Далее следует попытка в этих направлениях. Это действительно очень большая задача, и в лучшем случае она может быть выполнена лишь ориентировочно. Тот, кто берется за это, вполне может начать с признания собственной ограниченности. Современные оценки движений, на волне которых мы сами находимся, подлежат постоянному пересмотру. Собственные предрассудки человека, независимо от того, насколько сильно он может бороться с ними, влияют на его выводы, особенно в области религии. Действительно обширный предмет также налагает свои ограничения даже на самого искреннего ученика, если только он не специализировался всю жизнь на своей теме; даже тогда ему пришлось бы просить милосердия у своих читателей.

Для подобных попыток была заложена основа во многих различных направлениях. В широком смысле "Разновидности религиозного опыта" Уильяма Джеймса, возможно, были работой-первопроходцем. Суггестивный анализ профессора Джеймса признает, что религиозные переживания могут принимать самые разные формы, и подтверждает их право на серьезное отношение к исследователю как к достоверным фактам. Вся тенденция организованного христианства — и протестантизма в большей степени, чем католицизма, — заключалась в сужении религиозного опыта до общепринятых форм, но сама религия нетерпима к формам. У него есть свои пограничные области, темные области, которые лежат между принятием того, что Сабатье называет "религиями авторитета", с одной стороны, и традиционными типами благочестия или практической доброты - с другой. Те, кто обретают свою религию в таких регионах — возможно, их можно было бы назвать жителями пограничных земель, - обнаруживают авторитет своей веры в философии, которые по большей части не имеют одобрения школ, и демонстрируют реальность своей веры на личном опыте, для которого существует очень мало доказательств, кроме их собственного свидетельства, — и само их свидетельство часто бывает достаточно запутанным.

Но Джеймс не делал попыток соотнести свои руководящие концепции с конкретными организациями и движениями, за исключением самых общих. Его фундаментальные принципы, различие, которое он проводит между "единожды рожденным" и "дважды рожденным", между религией здорового мышления и нуждами больной души, психологические основы, которые он предлагает для беседы, и более редкие религиозные переживания чрезвычайно проливают свет, но все это лишь туманность, из которой религии организованы в системы; системы еще предстоит рассмотреть.

В последнее время возник новый интерес к мистицизму, самому по себе пограничному слову, странно сложному для определения, но в целом означающему убеждение в том, что с помощью определенных духовных дисциплин — обычно называемых мистическим путем — мы можем прийти к знанию Бога и духовного порядка из первых рук, ни в каком смысле не зависящему от разума или показаний органов чувств. Некоторые современные движения сродни мистицизму, но не все они могут быть справедливо включены в какую-либо историю мистицизма. Они также не могут быть включены ни в какую историю христианства; некоторые из них полностью игнорируют христианскую религию; некоторые из них чрезмерно подчеркивают менее важные ее аспекты; один из них пытается переделать христианство по его собственным образцам, но, безусловно, придает ему качество в таком обращении с ним, которое не может быть подкреплено никаким критическим анализом Евангелий или рассматриваться как логическое развитие христианской догмы. Вот действительно новые приключения в религии с новыми Евангелиями, новыми пророками и новыми символами веры. К ним нужно подходить дважды,

один раз через изучение тех вещей, которые являются фундаментальными в самой религии, ибо за ними стоит сила того, что можно назвать религиозным побуждением, и они в конечном итоге выстоят, поскольку в определенной степени удовлетворяют те потребности души, выражением которых религия всегда была, или падут, если не смогут их удовлетворить. Но поскольку те или иные ограничения в тех типах христианства, которые доминируют среди нас, дали им такую возможность, к ним также следует подходить с некоторым учетом христианства, против которого они выступали. Неудовлетворенные потребности внутренней жизни открыли двери, через которые они в изобилии проникали внутрь. Поскольку они также отражают, как всегда отражает религия, современные движения в философии, науке, этике и социальных отношениях, их невозможно понять без некоторого рассмотрения сил, под сильным воздействием которых унаследованные верования в течение последних полувека медленно разрушались, и в ответ на предложения которых вера принимала новую форму.

Таким образом, плодотворный подход к современным религиозным культам и движениям обязательно должен продвигаться широким фронтом, и в первых главах этой книги от читателя требуется определенное количество терпения и веры: достаточно терпения, чтобы проследить за обсуждением общих принципов, и достаточно веры, чтобы поверить, что такое обсуждение в конечном итоге внесет вклад в практическое понимание движений, с которыми мы все более или менее знакомы и которые всех нас в той или иной степени затрагивают.

Г.Г.А.

Детройт, Мичиган.

Содержание

I. Формы и предпосылки унаследованного христианства

Определенные качества, общие для всех религий—Христианство, исторически организованное вокруг

Трансцендентного Бога и Падшего человечества—Воплощение; Крест — высший символ

Западной теологии—Католическая вера в авторитет Непогрешимой Церкви—

Протестантская Церковь сделала Веру ключом к спасению—Протестантизм и непогрешимо

Вдохновленная

Библия—Сила и слабость этой позиции—Евангельский протестантизм

Результат—Индивидуальный опыт верующего, краеугольный камень евангельского

протестантизма-Перестройка

как католической, так и протестантской систем Неизбежно.

II. Новые силы и старые верования

Далеко идущие изменения христианской веры за последние пятьдесят лет-Реакция

эволюции на религию—Реакция библейской критики на веру—Средний

человек теряет ориентацию—Новая психология—Влияние философии и

социальная ситуация—Эпоха замешательства—Соблазн короткого пути—Популярное

образование—

Церкви теряют авторитет—Усилия по реконструкции—Эпоха сомнений и сумеречная зона в истории—Жажда души и потребность в вере—Современные религиозные культы и движения: их три центра вокруг Который Они Организовали Сами.

III. Исцеление верой в целом

Основы веры и ментального исцеления—Исследование эмоциональных реакций Кэннона—Две двери—Вызов гипнозу—Изменение внимания влияет на физические состояния—Сила веры изменять ментальные установки—Одержимость демонами—Зачатки научной медицины—Отношение ранней и средневековой Церкви—Святые и святыни—Магия, чары и прикосновение Короля: возвышение целителя верой.

IV. Подход к христианской науке и Мэри Бейкер Эдди

Месмеризм—Научное исследование месмеризма—Месмеризм в Америке; Финеас Квимби — важное звено в длинной цепи—Квимби приходит к определению болезни как неправильной веры—Квимби развивает свои теории—Мэри Бейкер Эдди попадает под Его влияние—Выдающиеся события ее жизни: Ее раннее девичество—Ее Образование: формирующие влияния-Ее несчастливая судьба. Квимби вылечил ее — Непризнанный долг—Она развивает Учение Квимби—Начинает учить и исцелять—Ранние этапы христианской науки—Она пишет "Науку и здоровье" и завершает организацию Своей Церкви.

V. Христианская наука как философия

Христианская наука Философия, теология, религия и система исцеления—Философские основы христианской науки—Она берется решить Проблему Зла—Противоположные решения—Божественный разум и смертный разум—Существенные ограничения миссис Система Эдди—Опыт и Жизненный Смысл—Свидетельство - Неизбежная Реальность скрытого опыта.

VI. Христианская наука как теология

Наука и здоровье, предлагаемые в качестве ключа к Священному Писанию — Игнорируют Все признанные каноны толкования Библии—Ее Концепция Бога—Миссис Интерпретация Эдди Иисуса Христа—Христианская наука Его Второе пришествие—Христианская наука, Воплощение и искупление—Грех — ошибка смертного разума—Таинства исчезают-Реальная сила христианской науки.

VII. Христианская наука как система исцеления и религия

Христианская наука Применение философии и теологии к телесному исцелению—Слабость

христианского научного диагноза—Сила психического окружения—Христианское научное определение болезни—Имеет богатое поле для работы—Четко очерченная система психотерапии-Система внушения-Подвержена влиянию нашего растущего понимания диапазона внушения—Сильнейшая в Учении о том, что Бог имеет значение для всей жизни—Возвышает Силу разума; Процессы—Недостаточно велики для всего Опыта.

VIII. Новая мысль

Новая мысль, трудно поддающаяся определению—"Повторное открытие внутренней жизни"—Поиски Спинозы—Кант
Подтверждает творческую силу разума—Утилитаризм, деизм и индивидуализм—Реакция против них—Трансцендентализм Новой Англии—Новая мысль приобретает форму—Ее вероучения—Размах Движения—Ключевые слова Новой мысли-Ее область реальной полезности—Ее Евангелие успеха—Ограничения и опасности Ее позиций —Стремится стать универсальной и неопределенной религией.

IX. Возвращение Востока на Запад. Теософия и родственные культы

Исторические силы унесли раннее христианство на Запад, а не на Восток—Запад заново открывает
Восток; Восток возвращается на Запад—"Два святых" Честертона—Почему Запад подвергает Восток сомнению—Пантеизм и его проблемы—Как Единое становится Множеством—Эволюция
и инволюция—Теософия берется предложить Освобождение, Но сама глубоко запутывается—Запад стремится к личному бессмертию—Восток сводит итоги Жизни в серии перевоплощений—Теософия вырабатывает особый тип характера — "Тур де Форс"
воображения—Облачный мост—Трудности перевоплощения—Бессмертие благороднее, справедливее и
проще—Пантеизм в его лучшем проявлении —и в худшем.

X. Спиритуализм

Генезис современного спиритуализма—Он проникает в Европу—Зарождение транса—Медиумизм-
Общество психических исследований начинает свою работу—Сталкивается с трудностями—Уильям Джеймс выходит на поле—
Ограничения психических исследований—Общество психических исследований придает интеллектуальный статус
спиритизму— Очень небольшое количество сторонников Надежные медиумы—Спиритизм: вопрос свидетельства и
интерпретации—Возможные объяснения спиритических явлений—Теория медиумизма Майерса—Телепатия—Контроль—
Дилемма спиритизма—Влияние спиритизма—Реальная альтернатива спиритизму—Исследования Эмиля

Выводы Буарака—Гели—Значение спиритизма для веры.

XIXI. Второстепенные культы: Значение культов для Церкви

Культы пограничных земель-бахаизм—Баб и Его преемники—Храм Единства—Общие выводы—Культы являются аспектами творческого религиозного сознания
Эпохи—Их аналоги в прошлом—Культы исцеления, вероятно, подвергнутся негативному влиянию
научной организации психотерапии—Новая мысль станет старой мыслью-Возможно поглощение Культов расширяющимся историческим христианством—Христианство под влиянием
Культов—Медицинская наука и Культы исцеления—Пренебрегаемая сила—Время и Исправления Истины.

Я

ФОРМЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ УНАСЛЕДОВАННОГО ХРИСТИАНСТВА

Хронологически отправной точкой для такого исследования, как это, является десятилетие с 1880 по 1890 год. Это всего лишь приблизительное определение, но оно сойдет. Это было особенно благопристойное десятилетие. Не было никаких сражений, кроме как на аванпостах колониальных империй, "маленьких войн трех солдат" и "Баллад о казарменных комнатах" — слишком далеко, чтобы их выстрелы были слышны на улицах столиц, но они придавали колорит заголовкам газет и снабжали новым материалом подающих надежды молодых писателей. Это было десятилетие торжествующей Демократии, торжествующей Науки и торжествующего индустриализма, а среди наиболее непредубежденных - десятилетие торжествующей Эволюции. Западная цивилизация была уверена в своих силах, уверена в своих формулах, уверена в своем будущем; то тут, то там на особенно светлых горизонтах появлялись облака размером не больше человеческой ладони, но повсюду существовало общее согласие в том, что они будут рассеяны силой благоприятного развития. Мир, казалось, был особенно хорошо взят в руки.

Церкви в целом разделяли эту уверенность. Католицизм и протестантизм достигли молчаливого рабочего соглашения относительно своих сфер влияния и даже начали понемногу брататься. Разделяющая сила протестантизма, казалось, исчерпала себя. С тех пор, как Александр Кэмпбелл умер полтора десятилетия назад, не было создано ни одной сколько-нибудь значимой протестантской секты. Старые деноминации достигли особой завершенности в организации и доктрине. Эволюция и библейская критика, как правило, были центрами бурных споров, и хотя эти споры были достаточно серьезными, они не привели к расколу в самих церквях. Несколько религиозных лидеров настаивали на более глубокой социальной интерпретации и применении учения Иисуса; на таких, как они, действительно смотрели с большим подозрением, чем на пропагандистов либеральной теологии.

Теперь мы видим с почти трагической ясностью, что под поверхностью всего взаимосвязанного порядка того спокойного полудня викторианской эпохи действовали силы, стремящиеся

бросить вызов общепринятому и унаследованному, поскольку культурам и цивилизациям приходится сталкиваться только в великие кризисы истории и они неизбежно заканчиваются, как они заканчивались на обширных линиях фронта, свержением древних порядков и новыми расстановками сил на всех фронтах человеческих интересов. Задачей историков будущего, у которых в руках будет необходимый материал, будет проследить за этими масштабными реакциями в их различных областях, и они найдут их реальную отправную точку не в датах, а в человеческих установках и мировоззрениях, которые тогда притворялись окончательными — и вовсе не были окончательными.

Именно там и находится реальная отправная точка для подобного исследования. Мы можем датировать возникновение современных религиозных культов и движений последними десятилетиями девятнадцатого века, но на самом деле они являются реакцией не на время, а на характер, понимание религии и группу религиозных обоснований, которые были созданы огромным трудом измученных поколений и которым к концу прошлого столетия были брошены более серьезные вызовы, чем за тысячу лет (и если это утверждение кажется слишком сильным, читателя просят дождаться хотя бы попытки его подтверждения). Итак, нам придется начать с состояния ума, которое за неимением лучшего названия я рискну назвать репрезентативным ортодоксальным религиозным сознанием конца девятнадцатого века. Разумеется, предполагается, что это сознание является христианским. Оно скорее протестантское, чем католическое, поскольку протестантизм предоставил большее число последователей новым религиозным движениям.

Начнем с того, что это репрезентативное религиозное сознание отнюдь не было простым. Профессор Джеймс Харви Робинсон говорит нам, что современный разум на самом деле представляет собой комплекс, что он содержит и продолжает все наше наследие и может быть понят только путем анализа всех сопутствующих элементов, которые объединились, чтобы сделать его таким, какой он есть, и что унаследованные элементы в нем намного перевешивают более поздний вклад. Религиозный склад ума является столь же сложным и глубоко укоренившимся наследием, и к нему лучше всего подойти, рассмотрев основы религии.

Определенные качества , общие для всех Религий

Мы всего лишь пилигримы, идущие дорогами, которые прокладывают пространство и время; мы не можем отчитываться за себя в терминах того, что, как мы знаем, меньше нас самих, и не можем смотреть в лицо тени, которая глубоко ложится на конец нашего пути, не мечтая, по крайней мере, о том, что лежит за его пределами. Откуда? Куда? и почему? это мятежные вопросы; это голоса из глубин. Потребовалось очень большое развитие интеллекта, прежде чем такие вопросы действительно обрели определенную форму, но они подразумеваются даже в самых рудиментарных формах религии, и мы не перерастаем их никакими достижениями науки или развитием Философии. Таким образом, они становятся, во всяком случае, более настойчивыми. Наши расширяющиеся горизонты знаний всегда охватываются более обширным кругом тайны, в который вера должна вписать смысл и за которым вера должна разглядеть судьбу.

Следовательно, религия начинается с нашей потребности так интерпретировать силу, проявляющуюся во вселенной[1], чтобы установить с ней некую удовлетворяющую нас взаимосвязь. Далее он дает ответ на доминирующие вопросы — Откуда? Куда? Почему? Он реализует себя в поклонении и общении с тем, чему поклоняются. Такое поклонение

обращалось к широкому кругу объектов, проявляясь в почти невероятном разнообразии обрядов. И все же в каждом виде богослужения присутствовало некое стремление к идеальному совершенству и, более того, некое стремление тех, кто поклоняется, вступить в реальную связь с тем, чему поклоняются. Потребовалась бы подробная трактовка, которая здесь невозможна, чтобы подкрепить столь общее утверждение фактами, которые его доказывают, но факты неоспоримы. Столь же трудно было бы проанализировать элементы человеческой природы, которые побуждают нас искать такого общения. Сущностное одиночество души, наше ощущение разделенных и враждующих сил и общая эмоциональная нестабильность личности без подходящих объектов веры и преданности - все это способствует неизлечимой религиозности человеческой натуры.

[1] Я взял в качестве рабочего определения религии фразу, процитированную Уордом Фаулером во введении к его Гиффордским лекциям "Религиозный опыт римского народа". "Религия - это действенное желание быть в правильных отношениях с силой, проявляющей себя во Вселенной". Это всего лишь формула, но она поддается жизненно важным интерпретациям и является лучшим подходом к современным культам, многие из которых являются именно такими попытками, чем те определения религии, которые используются сейчас и определяют ее как систему ценностей или процесс оценки.

Ценность, которую религия имеет для тех, кто ее придерживается, возможно, в такой же степени проверяется ее способностью давать им реальное чувство единения с Богом, как и любой другой вещью, но это ни в коем случае не исчерпывает ценности религии для жизни. Все религии должны, так или иначе, удовлетворять потребность воли в руководстве и потребность этического чувства в правильных стандартах. Религия всегда имела этическое содержание, достаточно простое для начала, поскольку религия сама по себе была простой. Определенные вещи были разрешены, определенные вещи запрещались как часть культа. Эти разрешения и запреты часто странно непостоянны, но мы можем проследить за табу, кастами, церемониально чистым и нечистым постоянно возникающие стандарты добра и зла и фундаментальные отношения между религией и этикой. Религия с самого начала ощущала себя более могущественной силой и благодаря своему высшему авторитету придавала направление и качество поведению своих приверженцев. Прошло достаточно времени, прежде чем все это переросло в Десятисловия и Нагорную проповедь, а также в последние главы великих посланий Павла к его церквям и в нашу нынешнюю систему христианской этики, но мы обнаруживаем начало господства религии над поведением даже в самых примитивных культах.

По ходу дела мы обнаружим, что этот конкретный аспект религии менее заметен в современных религиозных культах и движениях, чем поиск нового понимания Бога или новых ответов на три великих вопроса, или стремление к более удовлетворяющему общению с Богом. Они принимают, по большей части, общепринятые стандарты христианского поведения, но даже в этом случае они начинают вырабатывать свои собственные этические стандарты и реагировать на поведение тех, кто их придерживается.

Однако, как уже упоминалось, привлекательность религии лежит гораздо глубже всего этого. Если бы это было не более чем попыткой определить для нас повсюду проявляющуюся "силу не в нас самих", если бы это было не более чем ответом на навязчивые вопросы: откуда? и куда? и почему?", если бы это не более чем предлагало эмоциональной жизни удовлетворяющий объект поклонения и общения с Божественным, обеспечивая в то же время этические

стандарты и направляя и укрепляя волю в ее стремлении к добру, это оказало бы нам огромную услугу. Но вполне можно задаться вопросом, сохранила ли бы религия себя такой, какой она была, если бы не делала ничего большего, и возобновляла бы через сменяющиеся поколения свою неотразимую привлекательность. Более сильным, чем любое чисто интеллектуальное любопытство относительно первопричины или управляющей силы, более навязчивым, чем любое удивление относительно источника и предназначения жизни, более стойким, чем любое одиночество ищущей души, является наша неудовлетворенность самими собой, наше сознание трагической моральной ошибки, наша потребность в прощении и освобождении. Это стремление к освобождению принимало множество форм.

Генри Осборн Тейлор в прекрасном отрывке показал нам, насколько разнообразны дороги, пройденные людьми в их поисках спасения.^[2] "Ибо один человек найдет свой покой в действии, другой - в отказе от действия, даже в кажущемся уничтожении желания; другой обретет покой и свободу благодаря интеллектуальному исследованию, в то время как другой должен повиноваться своему Богу или любить своего Бога и может очень сознательно нуждаться в божественном спасении. Приспособление, которого добивался Конфуций, сильно отличалось от того, что привлекло внимание Платона или привело Августина к Граду Божьему. Часто совершенно иные мотивы могут вдохновлять рассуждения, которые случайно приводят людей к сходным выводам.... Приспособление к жизни ранних греческих философов было связано с научным любопытством.... Подобно Готаме, они не искали облегчения от утомительного непостоянства личного опыта, так же как и не стремились обеспечить свое собственное вечное благополучие в Божьей любви и через нее - мотиве, вокруг которого росло христианское стремление к спасению. Очевидно, что каждая религия - это средство приспособления или освобождения".

^[2] "Освобождение", стр. 4 и 5.

Профессор Джеймс в своей главе о больных душах наиболее подробно рассматривает эти движущие стремления, и все последующие анализы психологии обращения начинаются со стресса разделенного "я". Более глубокое учение Нового Завета уходит корнями в эту почву. Исповедальная литература богата классическими иллюстрациями всего этого, рассказанными так, как только св. Это может сказать Августин более тысячи лет назад или Толстой вчера. Нет необходимости цитировать их здесь; они легко доступны для тех, кто хотел бы найти для своих собственных стремлений бессмертные голоса и научиться тому, с каким тщательным самоанализом те, кто вышел из тьмы к свету, имели дело со своими собственными больными душами.

Каждая религия тем или иным образом предлагала освобождение своим приверженцам через жертвоприношение или духовную дисциплину, или уверенность в том, что их грехи были искуплены, а их освобождение обеспечено страданиями других. Все это, излишне говорить, включает в себя не только ощущение греха, но и весь спектр темных жизненных переживаний. Мы остро нуждаемся в освобождении не только от нашего разделенного "я", но и от бремени и сложностей жизни. Религия должна предложить какое-то объяснение общей проблемы горя и зла; она должна, прежде всего, оправдать пути Бога по отношению к людям.

Вообще говоря, религия очень сильно зависит от своей способности так интерпретировать трудности жизни тем, кто их переносит, чтобы они все еще могли верить в Божественную любовь и справедливость. Всеобщность сомнений носит не философский, а практический

характер. Мы порываем с Богом чаще, чем по какой-либо другой причине, потому что считаем, что Он не сохранил веру в нас. Некоторые из наиболее распространенных современных культов нашли свою возможность в очевидном недостатке традиционного объяснения боли и печали. Религия действительно сильно влияет на обычную жизнь только потому, что она раскрывает более темную сторону опыта, утверждая всепобеждающую любовь и справедливость, в которых мы можем покоиться.

Таким образом, в широком смысле элементы, общие для всех религий, таковы: удовлетворяющая интерпретация силы, проявленной во вселенной, потребность разума в ответе на вопросы "Откуда?" и куда? и почему?, потребность эмоциональной жизни в таком покое, который может исходить от сознания правильных отношений и приносящего удовлетворение общения с Богом, потребность в воле и этическом чувстве для руководства, а также потребность, включающая все это и что-то еще помимо, в духовном освобождении. Репрезентативное религиозное сознание конца девятнадцатого века, в котором мы находим отправную точку для религиозных реакций последнего поколения, естественно, включало все это, но скорее имплицитно, чем эксплицитно. Интеллектуально любознательных больше интересовали наука и политическая экономия, чем природа или генезис религии, в то время как истинно набожные, которые обычно не склонны к критическому анализу своей веры, принимали ее как Божественное откровение, не нуждающееся в объяснении вне их Библии. Более того, таких вещей, как эти, тогда не было и никогда не может быть абстрактно понято. Они были четко сформулированы в символах веры, организованы в церквях, облечены высочайшей санкцией авторитета и осуществлялись при посредничестве старых-престарых процессов религиозного развития.

Христианство исторически строилось вокруг Концепции Трансцендентного Бога и Падшего человечества

Ибо в своем историческом развитии религия естественным образом принимала отчетливо различающиеся формы, обусловленные расой, окружающей средой, действием и реакцией массового опыта, а также характером и проницательностью нескольких в высшей степени великих религиозных лидеров. Но, в сущности, всеразвитие любой религии контролировалось ее концепцией Бога, и, в основном, три различных концепции Бога придают окраску и характер выдающимся историческим религиям. Пантеистические религии считали Бога просто совокупностью всего сущего; они расширяют вселенную до размеров Божественного или сужают Божественное до действий во вселенной. Пантеизм насыщает все свое смутное содержание мистическим качеством мысли и окрашивает то, что он видит, своими собственными эмоциями. Религии Божественной Имманентности постигают Бога как пронизывающего и поддерживающего все сущее и раскрывающего Себя таким образом, хотя и не обязательно ограниченного им. Религии Божественной Трансцендентности верили в Бога, который отделен от всего сущего, который не начинается и не заканчивается в Своей вселенной и от которого мы глубоко отделены не только нашей малостью, но и нашим грехом.

Все это - голое утверждение о том, что почти бесконечно богаче, чем это ощущалось и провозглашалось верующими, и по ходу дела мы увидим, как новые религиозные движения также приобретают свой колорит и характер благодаря новому акценту на природе Бога или же возвращению к пониманию Его и чувствам по отношению к Нему, которые были утрачены в ходе развития христианства.

Исторически христианское богословие, особенно на Западе, было сосредоточено вокруг концепции Трансцендентного Бога. Что касается доктрины, то христианство унаследовало огромное наследие от еврея, ибо достаточно примечательно, что еврей, хотя и принадлежит Востоку, никогда не имел ничего общего с восточным пантеизмом. Напротив, мы находим, что его пророки и законодатели из всех сил борются с такими аспектами пантеизма, которые они обнаружили в себе. Бог Ветхого Завета всегда неизмеримо выше тех, кто поклонялся Ему в праведности и силе; Он - их Бог, а они - Его избранный народ, но их воля никогда не отождествляется с Его волей, за исключением редких моментов их совершенного послушания.

Действительно, благодаря проницательности пророков и особенно опыту псалмопевцев, эта концепция Обособленного Бога становилась все более убедительной в Его неизменной заботе о Своих детях. Тем не менее, еврейский Бог - Трансцендентный Бог, и христианство наследует это. Христианство переняло то, от чего отказался иудаизм — Иисуса Христа и Его Евангелие. Но из неизмеримого богатства Его учения апостольское мышление естественным образом присвоило и превратило большую часть того, что было ближе всего к пророкам и законодателям их расы. Иудаизм отверг Христа, но Двенадцать апостолов были евреями, и величайший из этой группы — святой Павел — был еврейским раввином до того, как стал христианским учителем. Он воспитывался и возмужал в школах своего народа, и хотя он переродился в отречении и послушании, которые были явно христианскими, в самой его душе была унаследованная жесткость форм, в соответствии с которыми он переделал свою веру.

Более отчетливо, чем он сам мог когда-либо знать, он конкретизировал Евангелие Иисуса Христа. Несомненно, его собственный опыт был более глубокой направляющей силой во всем этом. Теологии всегда, с самого начала, представляют собой расплавленное излияние некоего преобразующего опыта, и они всегда, с самого начала, текучи и сияют.

Такие яркие переживания, как эти, трудно передать; они тоже вскоре затвердевают, и мы наследуем в холодной и жесткой форме то, что должно было начаться с пламенного результата опыта. Собственная борьба святого Павла и горечь разделенного "я", проявившаяся в его обращении, естественно, придали содержание всему его последующему учению. Он разработал свою систему странным образом отдельно от другой группы учеников; вероятно, он никогда не слышал ни слова изучения Христа непосредственно из уст Христа; поэтому он, естественно, вернулся к своему еврейскому наследию и расширил эту систему жертвоприношений и искуплений, пока не нашел в ней не только место для Креста, но и необходимость в нем. Поэтому Он много внимания уделял чувству отчуждения от Бога, греху и человеческой беспомощности, необходимости и возможности искупления.

Воплощение как мост между Богом и человеком; Крест как инструмент искупления человека. Крест - высший символ западной теологии

Итак, вот два умозрительных фона исторического христианства— отделенность Бога от человека в непостижимой необъятности одинокой благодати, отчуждение человека от Бога в беспомощном падшем состоянии. Для наведения моста через пропасть между Богом и Его миром христианство предлагает воплощение; для спасения человека из его потерянного состояния христианство предлагает Крест. Воплощение - это возвращение Бога в мир, от которого, действительно, согласно христианскому образу мышления, Он никогда не был полностью отделен, но от которого Он, тем не менее, был настолько удален, что для спасения

его из разрушенного состояния требовалось новое откровение Бога в человечестве; и Искушение - это просто спасительное действие Бога, воплотившегося таким образом.

Восточное христианство сделало большую часть воплощения. Великие греческие богословия были построены вокруг этого. Они исчерпали ресурсы языка, особенно пригодного для тонких определений, в своих попытках объяснить его тайну, и после более чем столетнего ожесточенного спора о природе и личности Христа удовлетворились утверждением реальности как человеческого, так и божественного в Его природе, не смешивая личности и не разделяя сущность, да и вообще не разъясняя каким-либо по-настоящему понятным способом истину, которую они так стремились определить, или веру, которой они так страстно придерживались. Но хотя их острая диалектика сломалась под бременем, которое они на нее возложили, они, тем не менее, сохранили живым именно то доверие к Богу, которое пришло в человеческую жизнь, разделяя его и используя его, без которого во всей вере и мышлении Запада более тысячи лет существовала бы необузданная пропасть между Богом и человеком.

Действительно, когда мы снова возвращаемся к великим греческим символам с той концепцией имманентности Бога, которую так много дали более истинные прозрения нашего времени, мы обнаруживаем, что эти старые формы и фразы неожиданно подходят для наших собственных интерпретаций. Если бы Западная Церковь находилась под более сильным влиянием философских прозрений ранней Восточной Церкви, Западный христианский мир, возможно, был бы избавлен от значительной части той теологической жесткости, на которую многие реагируют только сейчас.

Но западный христианский мир считал Крест центральным символом своей веры. Что было бы с Западным христианством без Августина, мы не знаем, и бесполезно пытаться угадывать, но Европа в своем религиозном мышлении в течение тысячи лет следовала тому направлению, которое он ей дал. Его теология - это всего лишь мука его души, пылающей и расплавленной. Его исповедь раскрывает нам более ясно, чем любые другие имеющиеся у нас свидетельства о том, что язычество становится христианским. В муках его духа мы видим нечто большее, чем его собственное обращение, мы видим формулирование нового духовного опыта, рождение новых духовных отношений, рост новых моральных порядков и посвящений. Он соединяет для нас переходы между язычеством и христианством. Он показывает, что означало возрождение для людей, для которых это было не условностью, а мучительной переделкой как внутренней, так и внешней жизни. Он показывает нам, что значило отбросить в сторону наследство и отношения незапамятного порядка и оставаться маленьким ребенком необученным, недисциплинированным и несовершенным в присутствии нового. Духовному настрою, которого достиг Августин, суждено было надолго стать доминирующим духовным настроем Европы, управлять средневековыми концепциями, вдохновлять средневековые поступки, окрашивать своим пламенем мистические размышления средневекового ума.

В конце концов, суверенитет Бога стал для Августина высшим, и он решительно противопоставил этому безнадежное падшее состояние человека. Несомненно, он был в долгу перед святым Павлом за эти руководящие концепции, но они приобрели новый характер по мере того, как проходили через перегонный куб его собственного опыта. "Единственная пронизывающая мысль греческих отцов церкви относительно искупительной работы Христа заключается в том, что таким образом люди приводятся к единству с Богом. Они без колебаний обозначают это единство как обожествление ... они настаивают на идее, что мы становимся

причастниками Божественной природы".[3] Акцент здесь делается не столько на грехе, который необходимо искупить, или на наказании, которого следует избежать, сколько на примирении, которого необходимо достичь.

[3] Фишер, "История христианской доктрины", стр. 162.

После Августина толкования Креста принимают новое направление. Таким образом, теперь люди должны не столько стать причастниками божественной природы, сколько спастись от ада. Объяснения того, как на самом деле достигается это спасение, меняются с течением веков, но благодаря меняющимся теологиям остается одна константа. Все люди потеряны и обречены на вечное наказание, от которого они спасены только тем, что Христос пострадал за них, и они, благодаря своей вере и послушанию, воспользовались Его заместительной смертью. Различные богословские толкования сами по себе имеют огромное значение, как если бы здесь было нечто, значения чего не может превознести никакое единое объяснение, нечто, что нужно скорее почувствовать, чем понять. Крест, видимый таким образом, является символом одновременно любви и нужды, морального поражения и моральной дисциплины, страдания от беспомощности и преодоления добра. Мы не можем переоценить влияние этой веры на лучшую часть западной цивилизации.

Это сохранило нас в великом смирении, очистило нас от нашей гордыни и отбросило назад, в беспомощность, которая, в конце концов, является истинным секретом нашей силы, зависящей от спасительной милости Божьей. История об этом, просто рассказанная, тронула суровых, ожесточенных или беспечных так, как ничто другое не может тронуть. Его заверения в освобождении дали новую надежду отчаявшимся и силу, не принадлежащую им, бессильным. Это возвысило как само послание Бога терпеливое перенесение незаслуженных страданий; это научило нас, что нет избавления, кроме как когда хорошие страдают за плохих, а сильные ставят свои силы на службу слабым; это научило нас, что величайший грех - это грех против любви, и по-настоящему прочные победы во имя любого лучшего дела одерживаются только тогда, когда благодаря призыву к гораздо более стойкому бескорыстию рождается новый характер и высвобождаются новые силы. Также пока нет никаких признаков того, что его империи пришел конец.

Католическая церковь предложила Освобождение , повинуюсь Авторитету Непогрешимой Церкви

Тем не менее проповедь о Кресте обычно не принимала подобных форм; скорее, это был призыв Церкви к индивиду избежать своего греховного и безнадежного положения либо через послушное самоотжествление с церковной дисциплиной и беспрекословное принятие авторитета Церкви, либо через интеллектуальное принятие плана искупления и моральную капитуляцию перед ним. Вот действительно две линии подхода, благодаря той или иной из которых христианство стало реальным для человека со времен святого Павла и до наших дней. В ранний период становления Церкви это был вопрос между человеком и его Богом. Так много мы читаем в Посланиях Павла и между строк. Насколько любое более позднее время может точно воспроизвести мысль и метод гораздо более раннего времени, евангелическо-протестантское богословие справедливо интерпретирует святого Павла. Вера — достаточно громкое слово, обозначающее как интеллектуальное принятие, так и своего рода мистическую восприимчивость к любви, доброте и справедливости Божьей, явленной на Кресте Христа, — является ключом к спасению и условием христианского характера. Это также то, благодаря

чему религия становится реальной для человека. Но поскольку все это возлагает на человека достаточно тяжелое бремя (как мы увидим, когда вернемся к самому протестантизму), Церковь, по мере того как ее организация становилась все более определенной, а авторитет укреплялся, взяла ответственность за все это на себя. Она сама стала бы ответственной за результат, если бы только они были обучаемыми и послушными.

Католическая церковь предлагала своим прихожанам гарантированную безопасность, доказательством которой были не колебания их собственных душ, а августейший авторитет Церкви, к которой они принадлежали. Поэтому до тех пор, пока они оставались в послушном общении со своей Церковью, их души были в безопасности. Церковь предложила им свою исповедь для облегчения их бремени и свои отпущения грехов для их уверенности, свои таинства для их укрепления и свои епитимьи для их дисциплины и восстановления. Это отняло у них в духовных областях, а может быть, и в других регионах, ответственность за ведение их собственной жизни и требовало от верующих только того, чтобы они верили и повиновались. Церковь, так сказать, "уступила" религию человечеству. Все это он делал с изумительным пониманием человеческой природы и в ответ на потребности, которые, прежде всего, были необходимы для дисциплины людей, похожих на детей, которые в противном случае оказались бы лицом к лицу с истинами, слишком великими для них, или были бы отпущены на свободу, к которой они не были готовы.

Это была и остается изумительной системой; никогда не было ничего подобного, и если она полностью выйдет из строя среди нас, то никогда больше не будет ничего подобного. И все же мы видим, что все это огромное духовное сооружение, подобно сводам его собственных великих соборов, покоится на одном замковом камне. Краеугольным камнем арки католической уверенности является принятие авторитета Церкви, обусловленное верой в божественный характер этого авторитета. Если что-то должно поколебать веру католика в авторитет своей Церкви и действенность ее таинств, то он остается странным образом незащищенным. Какой бы четко сформулированной ни была эта система, она не осталась незатронутой временем и переменами. Продолжая наш рассказ, одно большое крыло средневекового сооружения отпало во время протестантской реформации, и то, что осталось, хотя и достаточно обширное и прочное, все еще похоже на его великие соборы — уступая времени и переменам. Впечатляющая сила и единство современного католицизма, возможно, заставляют нас недооценивать число тех католиков, которые, по той или иной причине утратив веру в свою Церковь, теперь открыты для призывов новых движений. Например, крупнейшей некатолической религиозной группой поляков в Детройте являются раселлиты. По достоверным данным, их от трех до четырех тысяч.

Протестантская церковь сделала Веру ключом к Спасению, а Обращение - Проверкой для Человека реальности Его Религиозного опыта

Если религия стала реальной для католика при посредничестве его Церкви, то протестантизм, стремящийся воссоздать апостольскую Церковь, сделал реальность религии вопросом между человеком и его Богом. И все же протестантизм никогда не осмеливался придерживаться такой простой формулировки религии, как эта, и продолжать существовать без собственных авторитетов. Протестантизм в целом заменил всеобъемлющий авторитет католической церкви авторитетом своих собственных вероучений и, по сути, авторитетом Библии. Что касается вероучений, то протестантизм перенес содержание латинского христианства в большей

степени, чем мы обычно признаем. Лютер был в прямой линии с Августином, так же как Августин был в прямой линии со святым Павлом, и фундаментальная доктрина Лютера — оправдание верой — была не столько переписыванием древних символов веры, сколько новым способом подтверждения их значения для человека. Вера, в нашем обычном понимании этого термина, превратилась в интеллектуальное принятие протестантских теологий, но, безусловно, для святого Павла и, вероятно, для Лютера она была гораздо более жизненно важной и гораздо более простой. Скорее, это было опорой на освобождающую силу, заверение в желании и готовности которой освободить было найдено в Новом Завете. Это был конец борьбе, духовная победа, одержанная через капитуляцию.

Латино-католическая система стала налагать на такие личности, как Лютер, невыносимое напряжение; она была слишком сложной, слишком требовательной и не несла в себе необходимых элементов ментального и духовного согласия. (У святого Павла был такой же опыт со своим собственным иудаизмом.) То, к чему стремился Лютер, было примиряющей справедливостью с Богом. Он был типичным и творчески развитым одним из "разделенных душ" Уильяма Джеймса, и он нашел решение своим страхам, своей борьбе и сомнениям в том, чтобы просто принять как должное, что битва, которую он не смог выиграть для себя, была выиграна для него в сделке на Кресте. Следовательно, ему ничего не оставалось делать, кроме как принять мир, ставший таким образом возможным, и после этого обрести духовный покой.

Теперь, поскольку все значение Креста для христианства от святого Павла до наших дней заключено в этом голом утверждении, и поскольку наши теологии никогда не были способны объяснить весь этот великий вопрос в какой-либо доктринальной форме, которая обеспечила бы всеобщее согласие, мы должны просто вернуться к констатации факта и признать, что здесь есть нечто, что следует определять в терминах опыта, а не доктрины. Подтверждающий опыт стал широко известен как обращение, а обращение играло большую роль в евангельском протестантизме со времен Реформации. Это действительно стало единственным способом, с помощью которого религия стала реальной для большинства членов евангельских церквей. Столь радикальное заявление должно быть несколько оговорено, поскольку обращение в христианство намного старше Лютера;^[4] это не ограничивается протестантизмом, и сами протестантские церкви не согласны с акцентом на нем. И все же мы, вероятно, с уверенностью можем сказать, что религия стала реальной для среднестатистического члена среднестатистической протестантской церкви более отчетливо благодаря обращению, чем что-либо другое.

^[4] Но скорее в дисциплине мистики как обогащении духовной жизни, чем как двери к Обществу с Церковью.

В последнее время тема обращения стала предметом довольно тщательного изучения психологов, и их выводы настолько общеизвестны, что не нуждаются в повторении здесь. Уильям Джеймс в довольно неформальном абзаце, процитированном из одного из его писем, излагает точку зрения психолога проще и ярче, чем он или его ученики определяли свою позицию в своих более формальных работах. "В случае обращения я вполне готов поверить, что новая истина может быть сверхъестественным образом открыта субъекту, когда он действительно попросит, но я уверен, что во многих случаях обращения это не столько новая истина, сколько новая власть, обретенная над жизнью благодаря истине, которую всегда знали.

Это случай конфликта двух самосистем в личности, до того времени неоднородно разделенной, но в которой после кризиса обращения высшая любовь и силы определенно берут верх и изгоняют силы, которые до того времени низводили их до положения простых ворчунов, протестующих и носителей раскаяния и недовольства. Этот более широкий взгляд охватит огромное количество случаев с психологической точки зрения и оставляет всю религиозную важность результату, который он имеет по отношению к любой другой теории ".[5]

[5] Письма Уильяма Джеймса, Том. II, стр. 57.

У Лютера, Августина и Святого Павла, а также у великого сообщества рядом с ними, это напряжение разделенного "я" было как непосредственным, так и интенсивным. Такие, как они, из—за сознания очень реальной вины - и это верно для Августина и святого Павла — или из—за редкой духовной чувствительности и необычной силы устремления — и это верно для многих других - не нуждались в каком-либо убеждении в грехе, навязываемом им извне. У них было достаточно собственной убежденности. Но все они были мужчинами и женщинами порознь, чрезвычайно набожными по натуре, по темпераменту преданными великим душевным мукам и озабоченными, прежде всего, своим собственным духовным освобождением. Но их духовная чувствительность ни в коем случае не универсальна, их чувство борьбы не является нормальным опытом для другого типа личности. Следовательно, требование, чтобы весь религиозный опыт был отлит по их особой форме и чтобы религия стала реальной для каждого человека через те же душевные муки, в которых она стала реальной для них, несет в себе две очень большие опасности: во-первых, должно быть создано некое подобие борьбы, которое не является жизненно важным результатом опыта; и во-вторых, что результирующий мир должен быть скорее искусственным, чем истинным, и, следовательно, не только быстро утратить свою силу, но и действительно привести к реакциям, которые оставят душу человека настолько введенным в заблуждение или, что лучше, возможно, с таким неправильным обращением, лишенной каких-либо чувств. настоящее ощущение реальности религии, чем с самого начала.

Протестантизм черпал Свой авторитет в Безошибочно Богодухновенной Библии

Так вот, это слишком сильно похоже на то, что произошло в евангельском протестантизме. "Дваждырожденные" были установлены в качестве стандарта для всех нас; они требовали от своих учеников того же опыта, что и те, через которые прошли они сами. Поскольку этот тип религиозного опыта всегда был более пылким и ярким, поскольку церкви, в которых на него обращали меньше всего внимания, обычно имели тенденцию впадать в рутину и испытывать некоторый недостаток реальной власти, у нас было, особенно со времен Джонатана Эдвардса в Америке и Уэсли в Англии, постоянное настаивание на нем как на ортодоксальном типе религиозного опыта. Частично по наследству, а частично в ответ на свой собственный гений протестантизм создал систему богословия, стремящуюся воспроизвести последовательность осуждения за грех, устремления, покаяния и обращения под доктринальным давлением извне. Основы всего этого находятся в Новом Завете и отчасти в Ветхом, но то, что было построено на этих основах, было либо слишком расширенным, либо слишком односторонним. Чтобы включить в одно общее чувство осуждения, достаточно сильное, чтобы создать адекватное желание спасения, людей всех видов и состояний, теология не только обвинила нас в наших собственных грехах, которые всегда являются достаточно печальным отчетом, но и обвинила нас в наследственных и вменяемых грехах.

Эта линия теологии была слишком жесткой, слишком настаивающей на том, что можно назвать фактами теологии, и слишком слепой к фактам жизни. Оно придавало большое значение абстрактному греху и иногда слишком мало - конкретному; оно придавало больше значения человеческой порочности, чем социальной справедливости; оно не принимало во внимание разнообразие темпераментов и условий; оно частично ответственно за широко распространенную реакцию культов и движений нашего времени.

Поскольку столь четко сформулированная система, как эта, нуждалась в чем-то, что поддерживало бы ее, протестантизм постоянно опирался на авторитет Ветхого и Нового Заветов. Он заменил один авторитет другим, авторитет Церкви авторитетом Книги, и, чтобы обеспечить этому авторитету окончательную и неоспоримую силу, он подтвердил в качестве начала и конца своего использования Священных Писаний их непогрешимость. Рост протестантского учения о Библии неизбежно был сложным, но мы должны признать, что протестантское богословие и протестантская традиция придали Библии то, что можно назвать ценностями для чтения.

Во всяком случае, после подтверждения непогрешимости текста протестантизм вернулся к тексту в качестве доказательства своего учения и таким образом построил свою действительно очень большую взаимосвязанную систему, в которой, как уже было сказано, власть религии над жизнью своих последователей и реальность религии в опыте ее последователей сосредоточены именно на таких вещах, как эти: во-первых, опыт обращения; во-вторых, обращение, обеспеченное процессами протестантской идеологической обработки, подкрепленное горячим призывом протестантского служения и давлением протестантской церковной жизни; и в-третьих, все это связано с тем, что подтверждается обращением к авторитету Библии с корректурным текстом для каждого утверждения.

Все это, конечно, означает холодное и аналитическое отношение к чему-то, что, как это сложилось в религиозной жизни, не было ни холодным, ни аналитическим. Под всем этим скрывались великие потребности души, и результатом всего этого были устремления, набожность, духовные победы, новое понимание Бога и богатство любви и добра, которые являются частью нетленных сокровищ человечества на протяжении трех столетий. Эта вера и опыт выразили себя в трогательных гимнах, создали редкие и продолжающиеся сообщества, отправились за границу в миссионерской страсти, посвятили себя созданию лучшего мира и бесстрашно смотрели даже в лицо смерти, уверенные в жизни и мире за ее пределами. Но за великими реалиями унаследованной нами религиозной жизни можно обнаружить предположения и процессы менее достоверные.

Сила и слабость этой позиции

Еще раз повторяю, эта унаследованная вера в Библию и выросшие из нее системы были обусловлены научным и философским пониманием. Протестантское учение о непогрешимости Библии приобрело свой авторитет не только в области религии, но и в науке и истории. Унаследованные богословия действительно прилагали все усилия, чтобы придать второстепенному ту же ценность, что и существенному. В них не было места для роста, исправления, дальнейшего раскрытия. Это утверждение может быть оспорено, оно, безусловно, нуждается в уточнении, поскольку, когда действительно пришло время для корректировки и возникла необходимость в корректировке, процесс корректировки начал осуществляться, но только с очень большими затратами и только действительно путем

медленного строительства нового фундамента под старым. На самом деле новое во многих отношениях вовсе не является старым, хотя это следует предвидеть.

Здесь речь идет непосредственно о том, что вся схема религии в том виде, в каком она дошла до нас с протестантской стороны в течение последних пятидесяти лет, была одновременно тесно переплетена, получила сильную поддержку и неожиданно уязвима. Целостность любой части его линии зависела от целостности любой другой части; его евангелие восходит к Грехопадению Человека и, следовательно, зависит от библейской теории Сотворения Мира и последующей истории человечества. Если что-то должно поставить под сомнение научную или историческую точность книги Бытия, доктрину о первородном грехе пришлось бы либо отбросить, либо переработать. Если доктрина первородного греха была отброшена или переработана, то вместе с ней исчезли и общепринятые толкования Искупления. С этими изменениями или ослаблением евангельский призыв должен либо приобрести новый характер, либо утратить силу. Система, которая началась с Грехопадения с одной стороны, перешла к раю и аду с другой, и даже рай и ад в большей степени зависели от древних представлений о физической структуре мира и небесах над ним, чем Церковь была готова признать. Доктрина вечного наказания, в частности, была открыта для этических испытаний.

Евангельский протестантизм - результат всего процесса

Конечно, все это довольно экстремальная констатация ситуации пятидесятилетней давности. Не все церкви были согласны настаивать на обращении; некоторые евангельские церкви начинали уделять особое внимание христианскому воспитанию; они искали то, что гарантировано эмоционально дваждырожденным через направленный рост и большую зависимость от нормальных духовных условий, хотя они были, по крайней мере, едины со своими братьями в вере, что те, кто приходит в христианское ученичество, в конце концов, должны сильно измениться и осознавать эти изменения; они тоже должны обладать в качестве гарантии реальности своей религиозной жизни чувством мира и духовного благополучия.

Высшая англиканская церковь приблизилась к Латинской католической церкви в своем настаивании на сакраментальном возрождении. Это крыло Церкви верило и верит до сих пор, что крещение, совершаемое истинно, и Святое Причастие, также совершаемое в надлежащей форме и принимаемое с должным послушанием священниками, принадлежащими к какой-либо истинной преемственности, обладают мистической спасительной силой. Почему все это должно быть именно так, они, возможно, не смогут объяснить к удовлетворению никого, кроме тех, кто по той или иной причине уже верит в это. Но те, кто не может понять сакраментария, могут слишком легко отмахнуться от него, ибо, хотя здесь существует опасность механистического формулирования, сами таинства могут стать частью духовной дисциплины, благодаря которой жизни мужчин и женщин так глубоко изменяются, как в самом наглядном случае обращения, часто проявляя духовную красоту, которую нельзя найти ни в одной другой концепции христианского ученичества. Наши различия здесь не так велики, как мы предполагаем.

Внутри самой Церкви всегда была либеральная реакция, склоняющаяся либо к ослаблению дисциплины, либо к более рациональным и простым изложениям доктрины. То, что было сказано до сих пор, не было бы верно в отношении унитаризма и универсализма прошлого столетия. Но этим движениям почему-то не хватало движущей силы, и поэтому, когда сделаны все эти уточнения, евангельский протестантизм вылился в довольно четко узнаваемый тип. Все

представительные члены представительных евангелических церквей имели религиозный опыт; некоторые из них были обращены после долгого ожидания на престоле или долгого стояния на коленях у алтарной ограды; другие из них были приведены христианским учением к исповеданию своей веры, но все они таким образом переродились. Они были продуктом теологии, которая учила их их утраченному положению, предлагала им принять посреднического и искупительного Христа, заверяла их, что через их веру их спасение будет обеспечено, и советовала им обратиться к своей собственной внутренней жизни, чтобы найти выход из всего этого в отчетливом чувстве духовного мира и благополучия. Если они сомневались или задавали вопросы, им отвечали корректурными текстами; для духовной поддержки им предоставлялись службы в их церквях, где проповедь обычно занимала центральное место, и их призывали возражать в благодати и знаниях через молитву и много читать Библию.

Индивидуальный опыт верующего - краеугольный камень евангельского протестантизма. Его открытость возмущающим силам

Каким бы прекрасным и благостным ни было все это, оно, как показало событие, было недостаточно большим, чтобы удовлетворить все потребности души, и недостаточно сильным, чтобы ответить на вызов сил, которые полвека назад формировались в направлении почти полной перестройки великих областей человеческой мысли. Начнем с того, что оно было неожиданно слабым само по себе. Евангелический протестантизм, как уже отмечалось, возлагает на членов протестантских церквей большее бремя индивидуальной ответственности, чем католическая Церковь. У типичного евангельского протестанта мало что поддерживало его в религиозной жизни, кроме чувства примирения с Богом, от которого, возможно, он никогда по сути не считал себя отчужденным, и последующего духовного покоя.

Его церковь не обещает ему ничего, кроме обучения, вдохновения, товарищества, повода для исповедания своей веры и некоторой возможности для служения. Его служители - такие же, как он; они могут увещевать, но не смеют отпускать грехи. Таким образом, его чувство реальности религии в значительной степени зависит от его собственного духовного состояния. Если он духовно чувствителен и не слишком обеспокоен сомнениями, если он обладает значительной способностью к религиозному пониманию, если его Библия по-прежнему является для него авторитетным словом Божьим, если его церковь удовлетворяет его нормальные религиозные потребности с разумной степенью адекватности, если он решителен в своей цели и если у него нет чрезмерно тяжелых переживаний, перед лицом которых его вера рушится, и если заботы этого мира, обманчивость богатства или тяготы бедности не слишком отвлекают его (а это длинный и внушительный список "если"), то он верен в своих церковных отношениях и лично набожный. Он растет в благодати и знании, и результатом всего этого становится религиозный характер, достойный восхищения во многих отношениях, стойкий и правдивый в добрых делах.

Тот факт, что, несмотря на все препятствия, протестантские церкви продолжают существовать, регистрируя из десятилетия в десятилетие переменный статистический рост благодаря хорошо организованной жизни и большому числу прихожан, которые находят в религиозной жизни, таким образом, обеспеченной им, истинный секрет внутреннего мира и свой истинный источник силы, сам по себе является свидетельством масштабной реальности всей системы. И все же краеугольным камнем великой структуры является всего лишь индивидуальный опыт

отдельного верующего, обусловленный его стремлением к освобождению и его личной уверенностью в том, что благодаря своей вере в Евангелие своей церкви он нашел то, что ищет.

Если что-либо должно поколебать уверенность протестанта в его вероучении или его Библии, или если его собственный внутренний опыт каким-то образом утрачивает ощущение поддерживающей реальности, тогда вся структура его религии начинает ослабевать.

Если можно воспользоваться наводящей на размышления фигурой, то перед вами религиозное сооружение, очень похожее на готическую архитектуру; его сходящиеся арки веры и знания замыкаются на своих краеугольных камнях, а направленность всего великого сооружения была встречена и преодолена летящими контрфорсами. Другими словами, поддерживающие силы признанных верований в науку, историю и природу человека были необходимой частью всей системы, и поддерживаемый таким образом храм веры может быть ослаблен либо из-за какого-то сбоя в краеугольном камне веры, которым является внутренний опыт, либо из-за шатких опор, которыми являются эти общепринятые системы науки, истории, философии и психологии.

Неизбежна перестройка как католической, так и протестантской систем

Таким образом, из подобных элементов, благодаря подобному наследию и дисциплине, было создано репрезентативное религиозное сознание американского протестантизма конца девятнадцатого века. Она укоренилась в элементах, общих для всех религий, она унаследовала практически все содержание Ветхого Завета, она наделила еврейские системы жертвоприношений типичным значением, а еврейские пророчества - мистическим авторитетом. Своей теологией она была обязана святому Павлу и Августину. Ее космогонии было 4000 лет, и она практически не подвергалась влиянию современной науки или же противоречила ей. Она была не критична в своем принятии сверхъестественного и в целом была обучена находить в сверхъестественном главное доказательство реальности религии. В нем больше говорилось о схеме освобождения, которую святой Павел нашел в Распятии Иисуса, чем об этике Евангелий. Он был мистическим в своем акценте на внутреннем свидетельстве о предлагаемых им реальностях. Для протестанта это неожиданно упиралось в непогрешимый авторитет Библии, а для католика - в непогрешимость Церкви. Это было не в духе современной науки и философии в целом. Его представления о вероятной судьбе мира были еврейскими, а о будущей жизни - средневековыми, и, возможно, самым странным во всем этом было общее неосознание своей зависимости от предположений, открытых почти на каждом этапе, и процесса глубокой перестройки, на пороге которого он стоял.

Почти невозможно разделить действие двух групп напряжений, которые за последние полвека обрушились на него. Каждое оказало воздействие на другое. Возможно, лучшее, что можно сделать, - это рассмотреть силы, которые на протяжении последних двух поколений бросали вызов унаследованным верованиям и меняли их форму, а затем рассмотреть результат всего этого в выдающихся религиозных установках нашего времени.

НОВЫЕ СИЛЫ И СТАРЫЕ ВЕРЫ

Особенно в течение последних пятидесяти лет основы христианской веры не только подверглись пересмотру, но и были вынуждены приспосабливаться к фактам и силам, которые продвинулись в их пересмотре дальше, чем что-либо за полтора тысячелетия до этого. Реформация зашла глубоко, но не достигла дна. Между протестантизмом и католицизмом достаточно различий по всем причинам, но их идентичность еще глубже. Мир Мартина Лютера и Джона Кальвина по своему взгляду на жизнь существенно не отличался от мира Августина и Афанасия. Мир Джонатана Эдвардса был во многом таким же, как мир Джона Кальвина, а мир 1850 года, по-видимому, во многом таким же, как мир Джонатана Эдвардса. Конечно, существовала огромная разница в механизме, с которым работали люди, но неожиданно небольшая разница в их господствующих идеях.

Изменения христианской веры за последние пятьдесят лет Достигли более серьезных результатов, чем за тысячу лет до этого; Наука высвобождает Бросающие вызов Силы

Мы, конечно, не должны недооценивать вклад Реформации в разрушение старого порядка. Это оставило теологии в большей степени неизменными, чем обычно предполагал протестантизм, но это действительно ознаменовало рост изменившегося отношения к власти. Сами реформаторы не приняли без протеста дух, который они высвободили. Они навязали своим церквям новые авторитеты и послушания; они не доверяли индивидуальной инициативе в духовных вопросах и более демократическим формам церковной организации. Джон Кальвин стремился в своих Институтах утвердить законопослушный характер своего нового Евангелия; Лютер резко выступил против немецких крестьян, требовавших самой умеренной меры социальной справедливости; англиканские лидеры изгнали паломников; пуритане изгнали квакеров из Бостона из-за инстинктивного недоверия к внутреннему просвещению как надежному проводнику веры и религиозному энтузиазму как прочной основе нового содружества. Но спирт был выпущен из бутылки, и его нельзя было вернуть обратно.

Право личности проводить свои собственные религиозные исследования и приходить к собственным религиозным выводам было практически незаметно в течение почти двухсот лет после Реформации, отчасти потому, что реакция постреформационного периода заставила верующих в целом довольствоваться тем, что уже было обеспечено, отчасти потому, что традиционный авторитет все еще был силен, и в значительной степени потому, что ни в истории, ни в философии, ни в науке не было нового материала, на котором мог бы поупражняться ум. Мы можем считать 1859 год, почти ровно через двести лет после окончательной перестройки периода Реформации, отправной точкой для сил, которые так сильно изменили наш взгляд на мир и наше понимание самих себя; не то чтобы дата была точной, поскольку теперь мы видим, как многое уже начало меняться до Дарвина и "Происхождения видов".

Великое достижение Дарвина состоит в том, что он предложил формулу, в которой наука и история были одинаково переформулированы. Он вообще не думал, что то, что он делает, зайдет так далеко или так сильно изменится. Он просто предположил, что сам, благодаря терпеливому и исчерпывающему изучению, объяснил богатое разнообразие жизни, не предполагая особого сотворения для каждой формы. Но время пришло, и тоска по тому, что он

предложил, и его гипотеза была быстро принята и применена почти во всех областях мысли. Не имеет большого значения и то, что дарвинизм был и все еще может быть сильно изменен. Мы попали под влияние эволюции. Наша вселенная больше не является статичной вещью; она растет и меняется. На наше воображение производят впечатление длинные последовательности изменений, каждое из которых само по себе незначительно, но в массе способно объяснить огромные преобразования. Инициатива Дарвина высвободила научный темперамент, который был выдающейся характеристикой нашего времени. Физик, химик и биолог пересказали свои открытия в свете его руководящего принципа и предоставили огромный массив фактов для дальнейшего рассмотрения. Возродилась геология, записи о горных породах приобрели новое значение, каждая сложенная ископаемая форма стала словом, возможно, абзацем, для пересказа прошлого земли.

Астрономия послужила космическим фоном для эволюции земли, а физика стала своего рода апелляционным судом для обеих сторон. Физик провозгласил сохранение энергии, свел кажущуюся твердость к лежащей в основе силе и превратил саму силу в конечные и разреженные единства. Открытые таким образом процессы казались самодостаточными. Не было необходимости приносить что-либо извне; нерушимый закон, неизменная последовательность были повсюду налицо. Там, где знания не помогли, разрыв преодолели спекуляции. Можно было бы начать с туманности и перейти в непрерывной последовательности к Платону или Шекспиру, не спрашивая ни о материале, ни о законе, ни о силе, которых изначально не было в туманности. Человек сам занял свое место в величественной процессии; он тоже был просто кульминацией долгого восхождения, корни его существа уходили в прах глубже, чем он когда-либо мечтал, и он был вынужден признать себя сродни тому, что он прежде презирал.

Реакция эволюции на религию

Все наши старые хронологии стали второстепенными в промежутке времени, перед которым даже воображение начинало кружиться. Мы нашли фрагменты черепов наших предков в древних ледниковых отложениях, и традиционные 6000 лет с момента сотворения мира едва показывались на циферблате, на котором геология зафиксировала свои выводы. Нет необходимости подробно следить за тем, как все это отразилось на религии. Общепринятая религиозная схема вещей была сложно взаимосвязанной системой, непреодолимой в своей логике до тех пор, пока система оставалась неоспоримой в своих ключевых моментах. Если бы в этом начали сомневаться, то христианский призыв потерял бы, по крайней мере на время, значительную часть своей силы. Внутренний мир, который, как мы уже видели, является краеугольным камнем протестантской арки, частично вырос из чувства всеобщего осуждения, от которого верующий был счастливо спасен; это, в свою очередь, было обусловлено безоговорочным принятием повествования Книги Бытия. Теперь мы можем достаточно ясно видеть, что христианство, и особенно протестантское христианство, действительно зависело от чего-то более глубокого, чем все это. Тем не менее, до поры до времени все эти вещи были связаны воедино, и как только общепринятые основы теологии начали подвергаться сомнению, далеко идущие корректировки были неизбежны, и время перестройки неизбежно было отмечено большим беспокойством и неразберихой.

Эволюционная гипотеза глубоко повлияла на представление человека о самом себе. Она бросила еще более резкий вызов его представлениям о Боге. Атеизм, материализм и

агностицизм - старая-престарая троица, но вплоть до нашего времени они находились во власти более позитивных установок из-за своей неспособности по-настоящему ответить на эти мятежные вопросы: откуда? Куда? и почему? Творение достаточно ясно потребовало создателя. Когда Наполеон утихомирил группу спорящих офицеров в Египте, указав наполеоновским жестом на звезды и сказав: "Джентльмены, кто все это сделал?" его ответ был окончательным. Старомодные часы Пейли с циферблатом в виде репы и аналогиями в механизме создания стали неотразимым аргументом в пользу создания в соответствии с дизайном и создателя-проектировщика. Но теперь все это изменилось. Если бы Наполеон мог выехать из своей августейшей могилы, собрать своих офицеров из пыли с полей сражений и возобновить старые дебаты, офицеры, очевидно, были бы в состоянии ответить: "Сир, они сами себя создали". Наша вселенная казалась самодостаточной.

Мы отреагировали против всего этого и заново открыли Бога, если действительно когда-либо теряли Его, но это не должно ослеплять тех, кто совершил великий переход к смешению веры, последовавшему за популяризацией великих научных обобщений, равно как и нас, не должно закрывать глаза на тот факт, что большая часть этого смешения все еще сохраняется. Христианскому теизму был брошен более резкий вызов материализмом и агностицизмом, чем откровенно исповедуемым атеизмом. Материализм был более агрессивным; он построил свою собственную великую систему, провозгласил материю и силу предельными реальностями, а затем, к собственному удовлетворению, показал, что все, что есть, является всего лишь результатом их действия и взаимодействия. Материализм также не остановился на пороге самой души. Сознание, понимаемое таким образом, было побочным продуктом высшей организации материи, и мы сами были брызгами, выброшенными из бесконечного океана бытия, чтобы на мгновение блеснуть на свету, а затем снова упасть в глубины, из которых мы были извлечены.

Те, кто так определили нас, сделали нас рабами материи и силы от рождения до смерти, хотя они немного отступили от последствий своих собственных вероучений и стремились сохранить место для моральной свободы, ответственности и оправданного альтруизма. Сомнительно, что им это удалось. Материализм сильно повлиял на практический образ жизни. Она предлагала свои собственные характерные ценности; обладание и удовольствие неизбежно становились целью действия, а само действие, направленное на достижение таких целей, становилось главным делом жизни. Наука предлагала столь увлекательное поле для размышлений, что поглощала общую интеллектуальную энергию поколения, попавшего под ее влияние; практическое применение науки к механизмам и промышленности с последующим увеличением роскоши и удобств поглощало силы практичных людей.

Естественно, с религией было трудно в столь озабоченном мире. Ее основы подверглись нападкам, ее предпосылки подверглись сомнению, ее выводы опровергнуты, ее интересы поставлены под сомнение. Тот факт, что религия вообще возникла через это, свидетельствует как о непобедимой силе веры, так и о неутолимой потребности души в чем-то большем, чем раскрытое научным путем евангелие или предоставленные достижениями науки.

Реакция библейской критики на Веру

Первый фронт, на котором старая вера встретила натиск новых сил, был научным; второе наступление проходило на более узком, но, что касается религии, еще более стратегическом фронте. Библия должна была подвергнуться тем процессам исследования и критики, которые

так сильно изменили научное мировоззрение. Ветхий и Новый Заветы, как уже было сказано, действительно служили основным авторитетом для всего протестантского ордена, и, говоря просто как историк, человек вполне соответствует фактам, когда говорит, что даже до просвещения последних двух поколений традиционный способ мышления о Библии не оказался удовлетворительным. Более свободомыслящие сознавали его противоречия; они не могли примирить его ранний и более поздний моральные идеализмы; они находили в нем столько же озадачивающего, сколько помогающего им. Поэтому некоторые из них полностью отреклись от нее, и поскольку она была связана в один узел с религией, поскольку они знали религию, они отреклись от религии в то же время. Другие, которые признавали его авторитет, но не были удовлетворены его текущими интерпретациями, искали спасения в его аллегорическом использовании. (Мы обнаружим, что это один из отличительных элементов христианской науки.) Но, в конце концов, это действительно отвечало на настойчивые вопросы "Откуда?" и Куда? и почему? поскольку ничто другое на них не отвечало. Поэтому, несмотря на вызов и заброшенную веру, капризные интерпретации и вынужденные гармонии, она все еще оставалась своей. Непосредственно наука начала предлагать свои собственные ответы на вопрос "Откуда?" и куда? и почему? любопытство нашло альтернативу. У науки была своя книга Бытия, своя гипотеза о сотворении человека, свои выводы о его восхождении. Они обладали удивительно освобождающей и стимулирующей силой; они открывали, как уже было сказано, широкие горизонты; они влияли на философию; они придавали поэзии новое содержание, ибо поэт слышал в ночной тишине:

"Эоническая музыка, отмеряющая
шаги Времени, удары Случая,
Удары Смерти".

Вызов науки конкретно книге Бытия и повествованиям о чудесах, которыми пронизаны как Ветхий, так и Новый Заветы в целом, несомненно, стимулировал библейскую критику, но и для этого настало время. Зарождение этой науки предшествовало научному Ренессансу, но более свободный дух того периода предоставил критике возможность, научный темперамент дал метод, и работа началась.

Библейская критика оказала более непосредственное влияние на унаследованную веру, чем результаты научных исследований и основанные на них обобщения. Библия была авторитетом для обычного человека в науке и истории, а также в вере. Это утверждение, естественно, нуждается в некоторой оговорке, поскольку до того, как эволюция вышла на поле боя, было возможно не только согласовать достоверное знание естественных наук с Библией, но даже, как в аргументе в пользу замысла, внести их вклад в библейское учение. Но эволюция изменила все это, и на самом деле именно благодаря влиянию более радикальных научных выводов на его Библию обычный человек почувствовал их удар по своей вере. Если бы его попросили просто привести в соответствие генезис новой науки с генезисом Ветхого Завета, у него было бы достаточно дел, чтобы занять свое внимание, хотя, возможно, ему бы это удалось. Мощный ум Гладстона добился именно этого к своему полному удовлетворению.

Но дело зашло глубже. Богатство постепенно накапливаемых знаний было применено к Священным Писаниям, и критическая проницательность начала выявлять источники этих старых повествований. Здесь нет необходимости подробно описывать результаты. Они[6], как

было замечено, были взяты из многих источников, в некоторых случаях составлены так, что стыки были отчетливо различимы. Остается только удивляться, как они так долго ускользали от наблюдения. Считалось, что Библия содержит элементы, присущие общим древним культурам; ее космогония - общепринятая космогония того времени и региона; ее кодексы сродни другим, более древним кодексам. В нем содержались фрагменты старых песен и древние предания простых людей. Было замечено, что в нем запечатлены бесспорно длительные процессы нравственного роста и духовного прозрения. Его пророки говорили вне своего времени и для своего времени. Было совершенно очевидно, что это больше не было безошибочной диктовкой писателям, которые были всего лишь автоматическими ручками Бога, это был рост, глубоко укоренившийся в почве, из которой он вырос, и в душах тех, кто его создал. Нити его основных корней уходили во тьму культуры, слишком давно утраченной, чтобы быть полностью понятой. Это больше не было окончательной наукой или неоспоримой историей.

[6] Особенно повествования Ветхого Завета. Результаты критики Нового Завета еще не полностью дошли до массового сознания.

Теперь мы зашли достаточно далеко, чтобы увидеть, что в этом процессе переосмысления не было потеряно ничего действительно ценного, зато многое было приобретено. Если, как говорят французы в одной из своих ярких пословиц, понять - значит простить, то понять - значит также освободиться от сомнений, вынужденных извинений, вводящей в заблуждение гармонии и необходимости защищать то, чему нет оправдания. В нашем использовании Библии, как и в любой другой сфере жизни, истина сделала нас свободными. Она по—прежнему остается — Библия - истиной, откровением и смыслом жизни, которыми она всегда обладала. Мы постепенно осознаем это и приближаемся к осознанию. Но Библия была вынуждена ответить на вызов чрезвычайно расширенных научных и исторических знаний. Нам пришлось проверить его предполагаемую авторитетность в отношении истоков с помощью астрономии, геологии и биологии; нам пришлось проверить его историю с помощью методов и выводов современного исторического исследования. Элемент сверхъестественного, присутствующий как в Ветхом, так и в Новом Заветах, был вынужден учитывать тот акцент на законе и упорядоченном процессе, который, возможно, в большей степени, чем что-либо другое, является вкладом науки в развитие современной мысли.

Обычный Человек Теряет Ориентацию

Весь этот процесс был трудным и выбивающим из колеи. Выводам библеистов не хватало окончательности. Это требовало и нуждается еще в большем изучении, чем способен дать средний человек, чтобы понять их выводы; это требовало и по-прежнему требует терпеливого, жесткого, ясновидящего мышления, чтобы извлечь из новых толкований Библии то понимание и принятие ее ценности, которые сопровождали унаследованную веру. Более либерально настроенные религиозные учителя, несомненно, сильно переоценивают уже достигнутое проникновение популярной мысли в то, что им кажется привычной банальностью. Новый Завет по-прежнему остается сложной проблемой даже для ученого. Выводы подвергаются ожесточенному оспариванию, и там, где специалист сам сомневается, обычный человек, естественно, пребывает в полном замешательстве. Более консервативные общины не принимают и не учат результатам высшей критики, и поэтому она доходит до их прихожан только в виде слухов и наполовину осознанной угрозы истине.

Религия, естественно, самая консервативная вещь в мире, и даже когда мы думаем, что полностью изменили свою точку зрения, нечто более глубокое, чем простое интеллектуальное принятие, протестует и не будет отвергнуто. Мы трогательно цепляемся за то, с чем в то же время прощаемся. Обычный человек, несколько затронутый современным научным духом, сильно озадачен чудесными элементами Библии, и все же он по-прежнему верит, что Библия - это слово Божье, обладающее авторитетом, которым не обладает ничто другое. На самом деле, из-за противоречия, которое достаточно легко понять, то, что озадачивает его больше всего, кажется ему самым ясным доказательством сверхъестественного характера самого повествования. Его религия - это не столько интерпретация того, что он действительно понимает, сколько объяснение того, чего он не понимает. Если он отказывается от сверхъестественного, его вера уходит вместе с этим, и все же другая его сторона — научно обоснованная сторона — сопротивляется сверхъестественному.

Трудно понять, что делать с таким характером. Действительно, именно эта путаница веры и сомнений, когда чудеса становятся центром бури, открыла богатое поле для тех интерпретаций чудесного, особенно в Новом Завете, с точки зрения веры и психического исцеления, которым так много уделяется христианской наукой и Новой мыслью. В заключение мы можем сказать, что, поскольку непогрешимость Библии была одной из незыблемых опор, поддерживавших унаследованную структуру религии, те изменения и путаница, которые возникли в результате двух поколений библейской критики, сильно повлияли на народную веру.

Новая психология оказывает как Конструктивное, так и Тревожное влияние

Третьим фактором влияния, стремящимся разрушить стабильность старого порядка, была новая психология. Столь общее утверждение, как это, также нуждается в уточнении, поскольку, что достаточно наводит на размышления, новая психология не столько предшествовала, сколько следовала за современным увеличением того, что, используя фразу Джеймса, мы можем назвать "Разнообразием религиозного опыта". Отчасти это было расширением наших выводов относительно разума и его процессов, чтобы освободить место для загадочной игры личности, которая проявилась во многих из этих переживаний. Гипнотизм неизбежно предшествовал интересу психологии к гипнотическому состоянию; он вынудил психологию принять его во внимание, и для объяснения гипноза психология была вынуждена провести новое исследование личности и ее более неясных состояний. Психологи были гораздо более гостеприимны к феноменам ментального исцеления, чем медицинские факультеты. Они восприняли их всерьез еще до того, как средний врач признал бы их существование. Их исследование привело их к довольно тщательному рассмотрению влияния внушения на состояния организма и, в конечном счете, к формулированию, насколько они смогли, как законов внушения, так и секрета его силы. Телепатия и психические феномены в целом также открыли богатое поле для изучения аномальных явлений, и психология расширила свои исследования, включив в них все эти состояния. Иными словами, пограничные феномены сознания, подчеркиваемые и проявляемые в более причудливых культах, действительно предоставили материал, над которым работала новая психология, и психолог сегодня серьезно пытается объяснить многие вещи, которые его предшественники с их жестким и стремительным анализом разума и его законов отказывались принимать всерьез.

Они признают, что в целостной психологии должно быть место как для ненормального, так и для нормального, и для исключительного, так и для устоявшегося и общепринятого. Те, кто был

отцом новых религий и стремился сделать ненормальное нормальным, быстро воспользовались предложениями и разрешениями новой психологии. Как только мы пересекаем старые и четко очерченные границы, почти все кажется возможным. Личность, как нас сейчас учат, сложна, имеет далеко идущие последствия и на самом деле, подобно плавающему айсбергу, находится в большей степени ниже уровня моря сознания, чем над ним. Как далеко оно простирается и какие связи устанавливает в этих своих скрытых глубинах, никто из нас, возможно, не знает. Обычное сознание, чтобы изменить фигуру, - это всего лишь один ярко освещенный центр в мире теней, переходящих во тьму. Свет становится более тусклым, тени более настойчивыми по мере того, как мы проходим вниз, или наружу, или обратно от этого освещенного центра. Мы не можем сказать, насколько тень на самом деле является частью нас, и не осмеливаемся быть догматичными в отношении того, что может происходить, а может и не происходить.

Действительно, мы можем заполнить тени практически всем, что подскажет каприз или желание. Нашим любопытным изобретательным умам всегда нравилось заполнять наше невежество своими творениями. Раньше у нас был темный фон Вселенной, который мы населяли созданиями нашего страха или фантазии, но теперь, как ни странно, с тех пор, как наука пролила свой свет на вселенную, психология дала нам подсознание как область, еще не подчиненную закону и не пронизанную светом. И пророки новых культов и приграничных движений воспользовались этим. "Поскольку в жизни есть, - по существу, говорят они, - так много такого, чего мы на самом деле не осознаем, и поскольку внутри нас есть намеки на странные силы, как мы можем устанавливать пределы тому, кем мы можем быть или делать, и разве каприз одного человека не может быть столь же разумным, как и разум другого человека?"

Таким образом, популяризация новой психологии создала почву, чрезвычайно восприимчивую к необычному. Без понимания того, чего было достигнуто на пути исследования, и с небольшим количеством точных знаний о том, что на самом деле было проверено, среди нас широко распространено ощущение, что возможно почти все. Здесь мы также можем закончить предложение, сказав, что современная психология с ее широким охватом законов, ее признанием ненормального, ее признанием силы внушения и настаиванием на ней, ее признанием подсознания и ее тенденцией приписывать ему огромную силу личного действия разрушила старые уверенности и предоставила свободное поле воображению. Более позитивно то, что она научила нас применять законы ментальной деятельности для более плодотворного ведения жизни и, таким образом, заложила основу для культов, которые придают большое значение эффективности и саморазвитию. Это также придало новый смысл религии на всем протяжении ее развития.

Влияние философии и социальной ситуации

Насколько современная философия повлияла на унаследованную веру или послужила основой для нового религиозного развития, сказать сложнее. Вне всяких споров философский материализм оказал огромное влияние на религиозное отношение множества людей, точно так же, как реакция против него послужила основой для новых религиозных движений. Прагматизм, утверждающий, что все, что работает, является правдой, стремился дать философское обоснование всему, что кажется работающим, независимо от того, истинно это или нет, и, кроме того, он стремился дать нам мир, в котором маленькие островки понимания заняли, так сказать, место непрерывного континента истины. Лидеры новых культов склонны были брать

материал, предоставленный наукой и психологией, и выстраивать из него свои собственные философии; как правило, они не были способны или не хотели проверять себя выводами более дисциплинированных мыслителей.

Новая мысль, несомненно, подверглась влиянию старых идеализмов — например, идеализма Беркли, — в то время как Джеймс и Ройс предоставили подходящий материал. Движения, как правило, избирательны. Новая мысль использует прикладную психологию Джеймса и, возможно, Абсолют Ройса, но не ограничивается последовательно какой-либо одной системой. Философия также сама в последнее время работает в довольно разреженной области. Его проблемы не были проблемами обычного разума. Он пытался выяснить, как мы познаем, соотнести внутренний и внешний мир и в целом объяснить вещи, которые обычный человек считает само собой разумеющимися, и в понимании которых ему скорее мешает, чем помогает нынешняя философия школ. Философии требуется немало времени, чтобы дойти до обывателя, и даже тогда ее выводы должны быть широко популяризированы и конкретизированы, прежде чем они будут иметь для него большое значение. Через пятьдесят лет мы будем знать лучше, что философия делает для религии и жизни, чем сегодня. Однако, как уже было сказано, существуют аспекты философии, которые религия в целом начинает принимать во внимание.

Неспособность христианства создать для себя отчетливо христианскую среду также имела много общего с разрушением старых религиозных устоев. Остро ощущаемая социальная несправедливость высвобождает силы недовольства и создает благодатную почву для революционных экспериментов, хотя следует сказать, что современные религиозные культы и движения выиграли не так много от этой конкретной формы недовольства, как те движения, которые нацелены на радикальную социальную перестройку. Но вся ситуация привела к потрясению общественного мнения. Ожесточенность современной конкуренции в промышленном и экономическом плане, которая в конечном итоге привела к трагическому соперничеству в виде мировой войны, обострила наш характер. Крайности богатства и бедности, а также непостижимые колебания в современной промышленности подорвали репутацию существующего порядка. Очень большое количество социально непригодных и прискорбное количество социальных маргиналов, наряду с преступностью, нищетой и отложением человеческих отходов в наших городах, не только беспокоят людей доброй воли, но и создают человеческий элемент, который легко ввести в заблуждение. Подобные условия находятся в таком болезненном контрасте с идеалами Евангелия, духом христианства и даже потенциальной производительной силой современного общества, что заставляют многих верить, что что-то в корне неправильно. Многие убеждены, что христианство в том виде, в каком оно сейчас организовано и руководится, социально бесплодно; они отошли от церкви; многие из них стали ее язвительными критиками; наиболее крайние из них отреклись от религии, а также от ее организованной формы, а яростные радикалы свергли бы с престола любую концепцию Божественного и вычеркнули бы слово "Бог" из нашего словаря. Эта экстремистская группа по большей части не ассоциировала себя с новым религиозным движением, но здесь, по крайней мере, была дезинтегрирующей силой.

Эпоха смятения

Таким образом, общепринятый религиозный порядок, отождествляемый с историческими католицизмом и протестантизмом, за последние пятьдесят лет претерпел значительные изменения. Наука, библейская критика, психология и философия, а также социальные волнения

- все это внесло свою лепту в то, что люди стали проявлять нетерпение к унаследованному порядку, сомневаться в нем или бросать ему вызов. Нас попросили соотнести наши старые верования и убеждения с новыми открытиями и пониманием. Старые ответы на вопросы Откуда? и Куда? и почему? мы столкнулись с новыми ответами; наши горизонты расширились во всех направлениях, и странное чувство таинственности как в личности, так и во внешнем порядке озадачивало и стимулировало нас. Наряду со всем этим и в немалой степени вытекающим из этого, исчезло нетерпение к дисциплине и неоправданная поспешность в приобретении различных жизненных благ.

Начнем с того, что эволюция ввела нас в заблуждение. Если стремление к освобождению является одной из движущих сил религиозной жизни, то более обширные научные выводы второй половины девятнадцатого века предложили новое определение освобождения. В конце концов, мы должны были спастись не столько в муках души, сколько в безмятежной и не требующей усилий самоотдаче силе, а не самим себе, которая ведет к праведности. Нам оставалось только оттолкнуться от приливов, которые не требовали от нас ни руля, ни весел, чтобы добраться до назначенных нам гаваней. Насколько сильно мы были разочарованы во всем этом и как горько нас учили тому, что жизнь - это не столько плыть по течению, сколько смело идти ему навстречу, сегодня мы все достаточно хорошо знаем. За многими современными религиозными культами и движениями скрывается самодовольный оптимизм, принимающий то одну, то другую форму, который был вводящим в заблуждение наследием девятнадцатого века двадцатому.

Великие научные открытия и их применение к механизму жизни привели девятнадцатое столетие к мысли, что нет ничего невозможного. Все, к чему мы прикасались, становилось пластичным под нашими прикосновениями, за исключением, возможно, нас самих; казалось, не было предела тому, что человек мог бы сделать, и, следовательно, он предполагал, что нет предела тому, кем он мог бы стать. Он отделял свои надежды как от своих дисциплин, так и от опыта; все казалось не только возможным, но и легко осуществимым. Общая вспыльчивость характера, отчасти вызванная разрушением унаследованного порядка, отчасти брожением новых идей и отчасти общим ослаблением дисциплины, начала проявляться.

В этой связи не следует упускать из виду деморализующее влияние мигрирующего населения. Во всех западных странах наблюдается значительный рост населения промышленных городов в связи с изменением экономических условий. Стабилизирующее влияние старого окружения утрачено, влияние нового окружения слишком стимулирующее в лучшем случае и деморализующее в худшем. Наши города не слишком благосклонны к семейной жизни; слишком часто они не создают для этого надлежащих физических условий. Специализация отраслей с жестким управлением отнимает творческую радость от работы и приводит к избытку высоко коммерциализированных удовольствий. В результате получается современный городской рабочий, который никогда не живет достаточно долго на одном месте, чтобы создать для себя нормальную социальную среду, всегда беспокоится о своем экономическом будущем, неугомонный, слишком часто чередующий напряженную работу с ярко окрашенными удовольствиями и очень открытый, в силу темперамента и обстоятельств, всему, что сулит ему новый опыт или новую свободу.

Соблазн короткого пути

Декан Инге в недавнем исследовании вклада греческого характера в религию нарисовал яркую, хотя и глубоко затененную картину дезорганизации современной жизни под влиянием подобных влияний. "Промышленная революция породила новый тип варварства, не имеющий корней в прошлом. Второй раз в истории Западной Европы преемственность находится под угрозой потери. Растет поколение, не необразованное, но воспитанное в системе, которая в своем историческом развитии имеет мало связи с европейской культурой. Классику не преподают; Библию не преподают; историю не преподают ни с какой целью. Что еще более серьезно, здесь нет социальных традиций. Современный горожанин - это *дерасине*: он забыл привычки и чувства деревни, из которой вышли его предки. Неестественный и нездоровый образ жизни, отрезанный от благотворного и очеловечивающего влияния природы, породил неестественный и нездоровый менталитет, которому мы не найдем параллелей в прошлом. Его главной характеристикой является глубокая светскость или материализм. У типичного городского ремесленника нет религии и суеверий; у него нет идеалов, выходящих за рамки видимого и осязаемого мира чувств".^[7]

^[7] "Наследие Греции", стр. 38.

Писавший как англичанин Дин Инге не обратил внимания на столь же тревожащее влияние мигрирующих рас. Европейский крестьянин в Детройте, Чикаго или Нью-Йорке все еще более *дерасинэ*. Он не только покинул землю, в культуре которой его предки жили на протяжении многих поколений, он оставил традиции и дисциплину, которые сделали его тем, кто он есть. Необходимая перестройка чрезвычайно сложна. Для первого поколения это в основном тупая головоломка, или унылая, ноющая тоска по дому, или серая трудоемкая жизнь, результат которой часто должен странно отличаться от их мечтаний, но для второго поколения весь этот опыт - головокружительное приключение на свободе, которое нелегко проанализировать, хотя социальные работники в целом согласны с тем, что дети иммигрантов, не принадлежащие ни к старым, ни к новым, являются тревожащим элементом американской жизни. Такой город, как Детройт, в котором пишутся эти строки, где сочетаются оба движения: житель американской деревни, приезжающий в высокоспециализированный промышленный центр, и европейский иммигрант, попадающий в совершенно новую среду, иллюстрирует сложную проблему всего процесса.

Просто следует отметить, что иммигрант-католик, находящийся в своей Церкви единственное, что напоминает дом, часто становится лучшим католиком в Америке, чем он был дома. Протестантский писатель, не располагающий точной информацией, не осмелился бы обобщать религиозные потрясения второго поколения католиков. Но, должно быть, это очень большая потеря. Большое количество нецерковных элементов в нашем населении, должно быть, частично связано с распадом католицизма, поскольку они, безусловно, связаны с распадом протестантизма. И новые движения находят свою возможность во всей этой группе. В целом, общество, под таким влиянием, стало нетерпимым к дисциплине, презиравшим старые методы, презиравшим опыт и странным образом не желающим платить цену за лучшее. Наиболее неуравновешенные поддались соблазну срезать путь; они убеждены, что существуют быстрые и легкие дороги в регионы благополучия, которых раньше можно было достичь только трудом, дисциплиной и изнурительными усилиями тела, разума и души.

Массовое образование мало что сделало для исправления сложившейся путаницы

Да и само широкое распространение народного образования на самом деле мало что сделало для исправления этого; кажется, скорее, оно усилило его, поскольку образование разделяло и продолжает разделять веяния времени. Наше образование в целом было более успешным в раскрытии перспектив, чем в формировании понимания законов жизни и смысла опыта; оно привило нам любовь к размышлениям без должным образом подготовленных умов; оно снабдило нас крылатыми словами науки и философии, но не придало, особенно в области философии, соответствующего философского склада. Это, прежде всего, привело к неоправданной уверенности в себе, особенно здесь, в Америке. Мы перепутали огромную приверженность высшему образованию и широкое посещение его курсов с прочными результатами в области умственной дисциплины. Америка, в частности, уже давно предоставляет необычную возможность для причудливых и капризных движений. Ничто не может перехитрить доверчивость значительных слоев нашего населения. Что бы ни представляло собой обширную демонстрацию философии, оно обязательно найдет последователей, и почти любой уверенный в себе пророк был способен завоевать учеников, независимо от того, до каких крайностей он доходил.

Это не было в равной степени верно для более древних цивилизаций с более четко очерченной культурой или более сложной социальной дисциплиной. Чего-то должно не хватать в образовании народа, у которого все это так очевидно возможно. Игра массовой психологии (вряд ли кто-то осмелится назвать это психологией толпы) также влияет на ситуацию.

Демократия, естественно, во многом зависит от вердикта большинства. Любое движение, набирающее значительное число приверженцев, почти наверняка завоеует уважение людей, которых научили судить о деле по количеству тех, кого можно убедить его принять. Этот обычно неустойчивый характер, поверхностный, беспокойный, излишне оптимистичный, открытый внушению и испытывающий недостаток в прочной силе великой традиции, присоединился к перестройке Науки, Теологии, психологии и философии, чтобы открыть дверь для прихода новых религий и, в целом, настолько выбить из колеи массовое сознание, что стало возможным почти все.

Церкви Теряют Авторитет

В области религии определенные четко определенные последствия либо последовали, либо сопровождали весь процесс. Для начала произошло ослабление церковных связей. Масштабы всего этого были несколько прикрыты разумным ростом исторических церквей. Несмотря на все трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, статистика в целом была обнадеживающей. Церкви в совокупности посещает огромное количество людей, которых не беспокоят сомнения. У таких, как они, мало сочувствия к более беспокойным или обеспокоенным и мало терпения к тем, кто пытается понять беспокойных и обеспокоенных; они не разделяют дурных предчувствий тех, кто с некоторой опаской смотрит на будущее христианства. В том, что они вообще признают тревожные факты, они очень похожи на Карлейля, который, когда ему сказали, что христианство находится на последнем издыхании, сказал: "Что из этого? Христианство всегда было на последнем издыхании". И, возможно, их простая вера и надежда более уместны, чем многие противоположные взгляды. Церкви росли быстрее, чем население, по крайней мере, так было при последней переписи. Более того, наблюдается заметный рост церковной активности. Церкви организованы лучше; они постигают секрет сотрудничества; они простираются в большем количестве направлений, и все они, даже более демократичные, более жестко управляются сверху.

Результатом всего этого стало грандиозное представление действий, хотя сейчас трудно сказать, были ли реальные результаты этой умноженной деятельности соизмеримы по духовной силе и этическим плодам с интенсивностью их организованной жизни. (Автор думает, что нет.) Но, тем не менее, несмотря на все это, мы различаем заметное ослабление авторитета Церкви и общее ослабление связей; хотя церкви в области финансов и организации ведут себя усерднее, чем раньше, в вопросах вероучения и поведения они ведут себя с легкостью. Конфессиональная лояльность ослабла; многое меняется от одной деноминации к другой, и внутри деноминаций и отдельных церквей, конечно, значительная часть членства носит лишь номинальный характер.

Усилия по реконструкции внутри церкви

Есть те, кто с опаской смотрит на все будущее религии. Они верят, что основы великой бездны рушатся под нами, что христианство должно быть коренным образом переделано, прежде чем оно сможет продолжать преобладать, и они тянутся то в одном, то в другом направлении к конструктивным изменениям, но все это в пределах границ исторического христианства и Церкви. Они хотят церковного единства, но они все еще хотят церковь; они хотят новую теологию, но все еще остаются теологией; они хотят новых применений религии, но по существу все еще остаются старой религией. Во время войны этого было больше, чем сейчас. Такая книга, как "Будущее религии" Орчарда, возможно, самый вдумчивый анализ условий, предоставленный нам за долгое время, был рожден самой войной, и уже многие из ее предвосхищений, кажется, упускают главное. Подобные ожидания тотальной религиозной реконструкции не учитывают сущностный консерватизм человеческой природы, консерватизм, более выраженный в религии, чем где-либо еще.

Существует также сильная и влиятельная группа, которая стремится так переделать и интерпретировать унаследованные верования, чтобы сделать их более созвучными современным потребностям и более восприимчивыми к новому пониманию. Такие, как они, с радостью приняли проверенные выводы науки, результаты библейской критики и разоблачающие предложения как психологии, так и философии; они стремились отделить существенное от несущественного, непреходящее от преходящего. Они нашли в науке не врага, а друга религии. Те намеки на неизменную силу, те решения о многообразных фазах действия и реальности, к которым приближается наука, казались им открытием самого присутствия и метода Бога, и они нашли именно в таких областях, как эти, новый материал для своей веры. Они благоговейно относились к старым вероучениям, ибо видели, что формы, которые христианство принимало на протяжении веков, выросли из непреходящего опыта и никогда не должны перерасти его, и что их окончательность - это окончательность глубин самой души. Таким образом, они смогли сделать новую истину данью старой вере и интерпретировать центральные утверждения христианства в терминах современных фактов. Они стремились поделиться своими выводами с другими, и им действительно удалось пронести христианство через переходный период последних пятидесяти лет и сохранить его непредубежденным, прочно утвердившимся, благоговейным и обогащенным, а не обедненным.

То, что они сделали, было вдвойне тяжело: один раз из-за явной сложности самой задачи, а другой раз из-за враждебного и слишком часто оскорбительного характера, с которым им и их начинаниям противостояли. Тем не менее, они сохранили для христианского мира разумную веру. В последнее время наука прошла половину пути навстречу им. Она довольно болезненно

пересматривает многие из своих прежних выводов и в целом сейчас довольно смиренно предстает перед своим Богом, признавая, что последнее слово еще практически ни о чем не было сказано.

Эпоха сомнений и Сумеречная зона в истории

Но кажущиеся неизменными традиции более старых форм веры и относительно сильное положение Церкви не должны закрывать нам глаза на в целом дезорганизованное состояние религии в наши дни. Многие свидетельствуют о том, что множество сомнений затуманивает взгляды множества людей на религию в целом. Вне всяких сомнений, своего рода затмение веры начало охватывать западный мир еще в середине прошлого века. Воинствующий скептицизм блестящей группы молодых поэтов, которые в первые два десятилетия девятнадцатого века бросали вызов миру, который считал себя должным образом потрясенным, полностью отличается от печали, с которой более зрелые певцы двух поколений спустя заявляют о своих сомнениях и разочаровании. Разница - это просто разница между Шелли и Мэтью Арнольдом. В этой более поздней музыке есть философская глубина, которой совершенно не хватало первой. Арнольд говорит от имени своего времени, когда объявляет себя стоящим между двумя мирами, один из которых мертв, а другой не в силах родиться. Глубокое разочарование выразилось во многих произведениях более поздней литературы девятнадцатого века и утвердило более чувствительных и отчаявшихся в позитивном пессимизме, странно контрастирующем с самоутверждением науки и промышленности того периода. Потребовался бы довольно тщательный анализ, чтобы проследить за всем этим до самых корней. Отчасти это, без сомнения, было связано с неспособностью поэта и философа согласовать свое новое понимание жизни и вселенной со старыми религиозными формами, но в большей степени это, вероятно, было связано с некоторым глубоким истощением духовной силы, истощением, которое время от времени отмечало переходные периоды в развитии культур и цивилизаций.

В истории всегда были сумеречные зоны, времена, когда сила старого исчерпывала себя и ничто новое не приходило на ее место. Теперь мы начинаем понимать, что мы тоже проходили через сумеречную зону, контрасты которой становятся еще более драматичными из-за более чем тропической стремительности, с которой высший свет викторианского периода потускнел перед отвлекающими факторами и разочарованиями нашего собственного времени. Лучшее, что можно сказать, это то, что со стороны наиболее чувствительных было широко распространенное ожидание всего этого, как будто холод надвигающейся тени пал в первую очередь на них, и, вне всякого сомнения, немалая доля сомнений, которые были столь характерной чертой последних двух поколений в литературе в целом и в отношении большого числа людей к религии, была вызвана именно этим.

Жажда Души и Потребность в Вере Сохраняются

И все же, поскольку религия настолько неугасима, меняющиеся силы и взгляды все еще оставляют нетронутыми жажду души и потребность людей в вере. Действительно, само беспокойство того времени, крушение старых порядков, крушение старых определенностей, если уж на то пошло, усилило спрос на религиозную реальность, и во всех направлениях наблюдался заметный поворот ко всему, что предлагалось в качестве правдоподобной замены старому, и прежде всего к тем религиям, которые совершенно четко определенными способами обещают продемонстрировать реальность религии через какой-то

чувственный или осязаемый опыт. Если религия только будет творить чудеса и подтверждать себя тем или иным знаком, который может прочесть тот, кто баллотируется, то этого ждут нетерпеливые избиратели. По ходу дела мы увидим, насколько это верно на самом деле, поскольку современный религиозный культ, набравший наибольшее число последователей, предлагает наиболее четко определенные знамения и чудеса.

Если религия излечивает вашу болезнь и вы дважды убеждены, один раз в том, что вы действительно вылечились, и еще раз в том, что религия сделала это, тогда у вас есть что-то достаточно конкретное, чтобы удовлетворить любого. Или если, сбитый с толку смертью и не имеющий достаточно сильной веры, чтобы пробить эту завесу убеждением в необходимости бессмертия, заложенной в самой природе вещей, вам предлагается демонстрация бессмертия через голоса и присутствие развоплощенных, тогда, опять же, у вас есть что-то достаточно конкретное, если только вы были уверены в этом, чтобы рассеять все сомнения. И, наконец, если общепринятые религии слишком конкретны для вас и если вы желаете довольно расплывчатого и поэтического подхода к религии, освященной веками и привлекательно живописной благодаря личностям тех, кто ее представляет, у вас есть в некоторой адаптации восточной веры к западным потребностям новый и интересный подход к туманной реальности, которую восточный разум принимает за Бога, подход, который не требует особой дисциплины и оставляет широкое поле для игры каприза или воображения.

Современные религиозные культы и движения находят свои возможности во всей этой ситуации. Три Центра, вокруг которых они организовались

Таким образом, в результате действия комплекса сил, который мы рассматривали, возник новый подход к религии, характерный для нашего времени и в целом имеющий три направления, определяемых тем, против чего она реагировала, или, возможно, более позитивно, различным характером того, к чему она стремилась. Довольно тщательный анализ современных религиозных культов и движений показывает, что в своих действиях и противодействии они организовались вокруг трех центров, определенно связанных с тремя выдающимися недостатками унаследованной веры. Я говорю "недостатки", хотя это, конечно, напрашивается само собой. Ранее в этом исследовании мы видели, как религия везде и всегда вырастает из некоторых из немногих центральных и неожиданно простых, хотя всегда в высшей степени великих потребностей, и как сила любой религии возрастает или убывает по мере того, как она удовлетворяет эти потребности. Религия реальна для большинства из нас, поскольку она оправдывает пути Бога для человека и раскрывает любовь и справедливость Бога во всем личном опыте. Таким образом, религия всегда в значительной степени зависит от своей способности примирять более затемненную сторону опыта с Божественной любовью, силой и благодатью. Трудно поверить в Провидение, отношения которого к нам не кажутся ни справедливыми, ни любящими. Вера рушится чаще всего в области испытаний личным опытом, чем где-либо еще.

Все это так же старо, как книга Иова, но от этого не менее верно, потому что оно старое.

Общепринятая теология, которая объясняла грех и скорбь в терминах грехопадения человека и прикрывала каждый отдельный случай общим обвинением, оправданным осуждением всего человечества, потеряла свою силу. Изначально это зависело от традиции человеческого происхождения, которая не выдерживала критики, и, кроме того, это было, несмотря на все попытки защитить ее, глубоко неэтично. Кальвинистское богословие, более того, усугубило

трудный вопрос, предположив, что для каждого человека существует predetermined судьба, выходящая за пределы самой смерти, которой человек был бессилён избежать. Те главы в длинной истории теологии, которые повествуют о поворотах и блужданиях умов - и душ - запутавшихся в этой паутине собственного плетения и ещё глубже запутавшихся в сложных жизненных переживаниях самой жизни, являются одними из самых трогательных и захватывающих во всей истории человеческой мысли. Нам следует осознать более ясно, чем мы обычно это делали, и более откровенно признаться, что унаследованные нами объяснения проблем боли и печали были явно неудовлетворительными и в значительной степени способствовали оправданной реакции против них.

Таким образом, одна группа современных религиозных культов и движений нашла свою возможность именно здесь. Христианская наука и родственные культы - это всего лишь попытка примирить любовь и благодать Бога с болью, нездоровьем, печалью и, в меньшей степени, с грехом. Как они это делают, ещё предстоит выяснить, но сила их привлекательности зависит от того факта, что очень значительное и постоянно растущее число людей верит, что они действительно это сделали. Подобные культы также нашли место в новозаветной традиции исцеления; они также сильно привлекали тех, кто искал естественное или псевдоприродное объяснение чудесным элементам религии в целом. Они ожидаемо укрепились в чувстве к Библии, которое сильно сохраняется среди тех, кто не в состоянии найти в унаследованной протестантской позиции ту реальную помощь в Библии, которую, как их учили, они должны там найти, и кто, с другой стороны, недостаточно знаком с новыми ее толкованиями, чтобы найти в них разрешение своих сомнений и жизненно важную поддержку своей вере. Наконец, христианская наука и родственные культы демонстрируют реальность религии в отношении здоровья и счастья и вообще во вполне осязаемом образе жизни. Таким образом, это первый регион, в котором мы находим отправную точку для современных религиозных культов и движений.

Спиритуализм организуется вокруг другого центра. Религия обычно требует и предлагает веру в бессмертие. Нас здесь не интересуют основания, которые различные религии приводили для этой веры, или аргументы, которыми они ее поддерживали. Вообще говоря, любая религия теряет позиции, поскольку ей не удается убедить своих приверженцев в бессмертии или оправдать их стремление к нему. Любая религия, предоставляющая ясные и неоспоримые доказательства бессмертия, будет иметь большое количество последователей, и любая кажущаяся демонстрация бессмертия, не особенно связанная с той или иной религиозной формой, организует вокруг себя группу последователей, которые естественным образом откажутся практически от всего остального и сосредоточат все свои интересы на методах, с помощью которых, таким образом, предполагается продемонстрировать бессмертие. Теперь современный спиритуализм проявляется как раз здесь. Он утверждает, что предлагает надежное доказательство бессмертия эпохе, которая достаточно научна, чтобы требовать чего-то соответствующего научному доказательству для поддержки своей веры, и недостаточно научна, чтобы принять все выводы науки или подчиниться ее дисциплине. Теософия и родственные культы, как правило, представляют собой поиск освобождения, отличного от общепринятого христианского направления; они заменяют христианское искупление самоискуплением, а освобождение посредством мистических дисциплин - прощением грехов и гарантией спасения, в которых христианство нашло свой покой.

Существует, конечно, огромное количество действий и реакций между самими новыми движениями, а также между новой верой и старой. Есть элементы, общие для всех религий; есть границы, где все религии встречаются и в какой-то степени сливаются; в тот или иной момент почти каждая вера соприкасается со своей противоположностью или становится неопределенной и смещает акценты. Религия всегда зависит от меняющихся темпераментов и очень сильно от меняющихся личностей; она всегда находится в движении, нетерпима к определениям и отказывается от жестких границ, в которые мы пытаемся ее ограничить. Таким образом, хотя вполне возможно найти три различные отправные точки для всех культов и религий пограничных земель, через все они проходит определенное единство движущей силы. В целом, это поиск нового типа религиозной реальности; они в значительной степени обусловлены определенными явными недостатками более общепринятых религиозных учений и отсутствием более общепринятого религиозного опыта, удовлетворяющего определенные типы потребностей. Они проявились в наше время из-за отсутствия авторитета как в католицизме, так и в протестантизме, из-за неспособности общепринятого понимания Библии удовлетворить тех, кто все еще убежден, что в ней содержится реальное послание, и из-за реакции современного духа на религиозные установки. Они многим обязаны недостатку традиционного объяснения греха, печали и страдания; чем-то они обязаны неспособности христианства создать христианскую среду; и немалой частью они обязаны естественному стремлению к какой-то позитивной гарантии жизни после смерти, а также стремлению души к освобождению и ее стремлению к удовлетворяющему общению с Богом. И они усиливаются во всех направлениях беспокойным и неустроенным характером времени, подверженного значительным изменениям привычек и мировоззрения в результате крушения старых промышленных и социальных порядков и воздействия новых сил, надвигающихся со всех сторон.

По мере дальнейшего изучения нам нужно будет более определенно соотносить эти обуславливающие причины с различными культурами и движениями, но здесь, по крайней мере, указаны предпосылки, на которых их следует изучать, и критерии, по которым им следует следовать. Мы начнем наше более подробное изучение этих движений с современных религиозных поисков здоровья и исцеления. Но даже здесь нам будет полезно в общих чертах проследить историю веры и ментального исцеления.

III

ИСЦЕЛЕНИЕ ВЕРОЙ В ЦЕЛОМ

Те культы, которые либо основаны на исцелении верой, либо связаны с ней, имеют долгую историю. Очень наводящая на размышления книга Джорджа Бартена Каттена[8] делает это достаточно ясным и содержит массу информативных деталей. Медицинская наука и психология не спешили принимать во внимание представленные таким образом факты, но в последнее время они исправили свою несколько необъяснимую задержку, и теперь мы пришли к определенным выводам, по поводу которых практически нет разногласий, за исключением, конечно, сферы их применения. Под всеми феноменами исцеления верой и родственными ей существуют три довольно четко определенные основы. Во-первых, действие или реакция разума на тело; во-вторых, контроль ментальных установок с помощью комплекса веры; и, как взаимосвязанное третье, контроль низших нервных центров с помощью внушения.

[8] "Три тысячи лет ментального исцеления".

Основы веры и ментального исцеления

Существует почти непостижимое взаимодействие того, что можно назвать этими тремя контролирующими принципами, и исчерпывающее обсуждение всего предмета требует знаний специалиста. Но начнем с того, что мы знаем, что точно так же, как существуют продемонстрированные телесные подходы как к ментальному, так и к духовному аспектам жизни, существуют столь же неоспоримые ментальные и даже духовные подходы к физическим состояниям. Здесь мы должны опираться скорее на факты, чем на определенное знание о том, что происходит в темной пограничной зоне, через которую разум переходит, организует и воздействует на то, что представлено ему афферентной нервной системой. Ничто, например, не может быть действительно более глубоким, чем разница между волнами сжатия и разрежения, проходящими через светонесущий эфир, и преобразование их воздействия в свет. Где-то между сетчаткой глаза с ее волшебной сетью чувствительных нервных окончаний и соответствующими регистрирующими и преобразующими областями мозга происходит нечто, о чем Наука не может сказать окончательного слова.

То, что происходит в случае со светом, в равной степени верно как для звука, так и для тактильных ощущений. То яркое и счастливое осознание благополучия, которое мы называем здоровьем, - это всего лишь перевод нормального баланса, давления и функционирования в механизме организма в совершенно иной порядок явлений. Здоровье - это слово с многогранным значением, и если его основы заложены в гармоничном взаимодействии физических процессов, то его надстройка поднимается через ментальные установки в то, что за неимением более четкого определения мы называем духовными состояниями. Внутри нас встречаются и сливаются два порядка. Вверху мир идей, озарений, желаний и подчинения средств целям, целое, движимое волей и насыщенное эмоциями, мир, который соприкасается с невидимым и вечным и черпает свою силу из поистине нематериального; внизу мир материала и сил, подчиняющихся законам физики и химии и вовлеченных в процессы сохранения и преобразования физической энергии, а сознание является центром обмена информацией для целого.

Исследование Кэнноном эмоциональных реакций на физические состояния

Это взаимодействие тела и разума в последнее время стало предметом тщательных и длительных экспериментов с особым упором на реакции сильных эмоций на состояния организма, особенно проявляющиеся в химических изменениях. Эти эксперименты проводились с почти невероятным терпением и вниманием к деталям в самых сложных обстоятельствах, и их выводы кажутся окончательными. Профессор Уолтер Б. Кэннон из Гарвардского университета недавно представил к нашим услугам результаты такого исследования в весьма интересной форме.[9] (Следует, однако, сказать, что аналогичная серия экспериментов, повторенных в лабораториях Чикагского университета, не дала таких же результатов.)

[9] "Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости", цитируется без ссылок на страницы.

Сильные эмоции влияют почти на каждую физическую область, изменяют почти все физические функции. Нормальная секреция пищеварительных жидкостей значительно

усиливается при голоде (хотя здесь, конечно, сам голод может иметь физическую основу), а также при том, что исследователь называет фиктивным кормлением — пища, которая принимается животным и отклоняется таким образом, чтобы вообще не попадать в пищеварительный тракт, стимулирует желудочный ток в такой же степени, как если бы она действительно поступала в желудок. С другой стороны, эмоциональное расстройство, вызванное несчастьем, сильно замедляет процессы пищеварения. Например, боль приводит к выраженному подавлению секреции желудочного сока, в то время как счастливые эмоциональные состояния, естественно, вызывают противоположный эффект. Боль часто сопровождается тошнотой, действительно, тошнота при сильной головной боли может быть лишь вторичной, вызванной болью, проистекающей из совершенно другого источника, чем замедленное пищеварение.

Эксперименты профессора Кэннона наиболее интересны, поскольку он отслеживает изменения потока надпочечниковой секреции, вызванные эмоциями, а затем прослеживает влияние химических изменений, вызванных таким образом, на телесные и психические состояния. Секреция адреналина[10] значительно усиливается при боли или возбуждении. Процент сахара в крови также значительно повышается по тем же причинам. Тяжесть переутомления возникает, как мы знаем, из-за ядовитых неэлиминированных побочных продуктов, возникающих в результате длительных или чрезмерных физических нагрузок любого рода. Под влиянием переутомления способность мышц реагировать на любой вид раздражителя значительно снижается. (Интересно, однако, отметить, что мышечное волокно, отделенное от живого организма и механически растянутое и расслабленное, через некоторое время демонстрирует такое же снижение сократимости при стимуляции.) С другой стороны, любое увеличение секреции надпочечников приводит к возобновлению чувствительности к стимуляции, то есть к увеличению способности мышц реагировать. Падение кровяного давления пропорционально уменьшает силу мышечной реакции. Повышение кровяного давления эффективно "в значительной степени восстанавливает в утомленных структурах их нормальную раздражительность", а повышение уровня адреналина, по-видимому, повышает кровяное давление, направляя кровь из внутренних областей тела "в скелетные мышцы, которые должны выполнять дополнительные действия, неотложные требования борьбы или бегства".

[10] Я следую за Кэнноном в форме этого слова.

Адренин действительно полезен для противодействия эффектам усталости или для того, чтобы дать возможность организму отреагировать на какой-то необычный призыв к усилию. Тот же агент также влияет на свертываемость крови, то есть она свертывается намного быстрее.[11] Свертывание крови также ускоряется повышенными эмоциями; рана не кровоточит так обильно, когда раненый зол или возбужден. Таким образом, солдат в боевом напряжении не только становится нечувствительным к усталости и способен к ненормальной активности, но и его раны на самом деле не так опасны, как были бы в противном случае. Здесь высказываются предположения о стихийных условиях, имеющих отношение к борьбе и выживанию, условиях, которые играют очень важную роль в жизненных состязаниях.

[11] Кэннон, однако, считает, что этот эффект достигается косвенно.

Эмоции высвобождают, как уже было сказано, больший процент сахара, который немедленно используется мышцами при повышенных или утомляющих усилиях. Все эти эксперименты очень ясно указывают на источники энергии, как физической, так и ментальной, к которым мы

можем прибегать во время стресса и эмоционального возбуждения.^[12] Такие эмоционально вызванные химические действия и реакции, которые были указаны, высвобождают эти накопленные энергии, на время лишают нас сознания усталости и даже предохраняют нас от слишком быстрого истощения жизненной силы. Следовательно, все, что усиливает эмоции, изменяет саму химическую структуру тела.

^[12] Чрезмерные эмоциональные реакции на телесные состояния могут объяснить, как предполагает Кэннон, более неясные явления религиозного безумия, такие как церемониальные танцы дикарей, "Танец смерти" средневековья, подвиги кружащихся дервишей, прыжки и крики сторонников возрождения; также, возможно, современный джаз.

Две Двери

Есть и другие изменения. Дыхание учащается, легкие расширяются, отходы жизнедеятельности выводятся гораздо быстрее, и таким образом, в ответ на призывные состояния души тело в целом перестраивается в чудесных тонких формах, мобилизуя все свои силы для борьбы, которую предвосхищает эмоция, или даже которую сама эмоция вызывает. И если все это кажется излишне техническим, то лишь для того, чтобы подтвердить с чем-то вроде научной точности сделанные чуть ранее утверждения о том, что внутри нас встречаются и сливаются два порядка и что реакцию нашей любви, наших страхов или наших страстных желаний на процессы в нашем организме можно выразить в терминах пробирки и химических весов.

Зарегистрированные таким образом изменения, в свою очередь, влияют на ментальные установки. Переутомление приводит к психической депрессии. Накопление незэлиминированных отходов затемняет все наши горизонты; раздражительность ума и души сопутствует физической раздражительности; любое неблагоприятное изменение в балансе физического автоматически регистрирует столь же неблагоприятное изменение в балансе психического. Большинство из нас, по мере того как мы лучше узнаем себя, распознают заметные изменения даже в духовных состояниях, которые нас учат относить к физическому состоянию, но точно так же по-настоящему измененные духовные состояния приводят к измененным физическим состояниям. Существуют бесконечные уступки и взятия, и, следовательно, есть две двери, ведущие к нашим болям, изнуренности и нездоровью.

Вызов гипнозу

Медицина, хирургия и гигиена в том виде, в каком они организованы в настоящее время, в значительной степени подходят к личному благополучию с физической стороны. Они опираются на совокупность фактов и послужной список достижений, которые не могут быть оспорены в суде без явного интеллектуального отупения. Современная медицина добилась столь значительных успехов в борьбе с болезнями на основе философии, которая делает все или почти все для тела и ничего или почти ничего для разума, что медицине грозила опасность стать более откровенно материалистичной, чем почти любой другой из наших наук; у физики и химии были свои предпосылки, в которых они признавали взаимодействие реальностей, слишком великое для их формул, и сил, слишком тонких для их самых чувствительных инструментов. Но медицина была почти на пути к тому, чтобы забыть обо всем этом, когда она была вынуждена — и это для ее же блага — принимать во внимание совершенно другой набор сил.

Начнем с того, что с точки зрения современного научного подхода это было впервые ясно проявлено в гипнозе. Гипноз, по-видимому, представляет собой такую модификацию нормальных психических состояний под действием повелительного внушения, которая действительно на какое-то время позволяет сосредоточить сознание и умственные действия в целом в одном предлагаемом направлении. Таким образом, нормальному сознанию навязывается новый набор запретов и разрешений. Внимание уводится за обычные границы (если можно так выразиться), на которые, сознательно или подсознательно, оно всегда было направлено и сосредоточено на чем-то одном.^[13]

^[13] Сидис определяет гипноз как разъединение верхнего и нижнего нервных центров. Обычно они работают в совершенной гармонии, их гармоничное единство формирует единую сознательную личность. "В гипнозе две системы или нервные центры разъединены, высшие центры и высшее сознание подавлены или, лучше сказать, отрезаны, отделены от остальной нервной системы с ее органическим сознанием, которое, таким образом, обнажено, открыто влиянию внешних стимулов или внушений.... В гипнотическом трансе ... у нас есть прямой доступ к органическому сознанию человека, а через него и к самой органической жизни".... Если мы расширим это последнее предложение, включив в него не только органическое сознание, но и более глубокие слои личности, в которых заложен не только индивидуальный, но, возможно, и расовый опыт, мы получим ключ к обширному спектру неясных явлений. Сидис считает, что "сильные постоянные впечатления или внушения, производимые на рефлекторное органическое сознание нижестоящих центров, могут изменять их функциональное расположение, вызывать трофические изменения и даже изменять органическую структуру", и это в одном предложении, вероятно, то, что лежит в основе всей веры и ментального исцеления. — "Психология внушения", стр. 69 и 70.

Следовательно, загипнотизированный человек перестает осознавать какие-либо сообщающие агентства вне поля его ненормально сфокусированного внимания. Нормальные состояния боли или удовольствия на время прекращаются, чтобы стать реальными. Внимание было полностью вытеснено из обычных каналов и получило новое направление. Затем мы обнаруживаем, как ни странно, что, хотя эти сообщения афферентных нервов перестают оказывать какое-либо воздействие на субъекта, представления субъекта, перенесенные назад по исходящим линиям, приводят к самым неожиданным результатам в физических состояниях. Если на руку загипнотизированного субъекта положить почтовую марку и сказать ему, что это горчичный пластырь, от марки кожа покраснеет и вскоре появится волдырь. Другими словами, повышенное и интенсифицированное выжидательное внимание способно привести к тем же результатам, что и раздражающий фактор.^[14]

^[14] Эксперименты Крафт-Эбинга и Фореля. К этому следует относиться с осторожностью. См. Якоби, "Внушение и психотерапия", стр. 153.

Изменение Внимания Влияет на Физическое состояние

Нас здесь интересует главным образом факт, и это факт, способный к далеко идущему применению. Конечно, природа и масштабы произведенных таким образом изменений являются полем битвы двух школ. Медицинская наука вполне готова признать, что, хотя функциональное действие может быть изменено таким образом, реальных органических изменений вызвать невозможно. Пограничная территория до такой степени еще остается в

тени, что обо всем этом нельзя сказать окончательного слова, но неоспоримо верно, что модификации внимания рефлекторно влияют на изменение физических состояний.

Боли, которая не регистрируется, по крайней мере, на данный момент, не существует, и если внимание может быть отвлечено либо с помощью гипноза, либо с помощью постоянной ментальной дисциплины от тревожащих физических сообщений, тогда условиям, которые их вызывают, по крайней мере, будет предоставлено исправляться самостоятельно без вмешательства сознания, а поскольку вся тенденция нарушенного физического организма заключается в исправлении самого себя, весь процесс, вероятно, протекает быстрее, поскольку он, безусловно, протекает с меньшим дискомфортом, если внимание отвлечено.^[15] Стремление к здоровью обладает огромной оздоровительной силой, и если состояние, которое необходимо исправить, действительно вызвано психическим комплексом, который требует лишь некоторого сильного напряжения воли или перестройки отношения к изменениям, то за изменением ментального и духовного состояний могут последовать удивительные результаты. Кажущиеся немymi могут заговорить, кажущиеся парализованными подняться со своих постелей, контуженные взять себя в руки, и те, кто находится в плену своих страхов и боли, будут освобождены. Всему этому есть так много иллюстраций, что сам факт не подлежит обсуждению.

^[15] Органические изменения (эпицентр полемики), возможно, могут быть вызваны улучшением общего физического тонуса. Такие изменения были бы вызваны не прямым внушением, а процессами, запускаемыми внушением. Органические изменения, безусловно, можно остановить и преодолеть их эффект путем повышения сопротивляемости. Это признают многие консервативные врачи. Насколько далеко может зайти вызванная таким образом реконструкция - вопрос к специалисту.

Сила веры в изменении ментальных установок

Теперь, поскольку ментальные установки так реагируют на состояния тела, все, что сильно контролирует ментальные установки, становится очень важным фактором ментального исцеления. Существует длинный ряд свидетельств того, что то, что можно назвать комплексом веры, делает именно это с уникальной силой, поскольку вера подразумевает сверхъестественное вмешательство. Если бы где-нибудь существовала всемогущая сила, чье слово - закон, и мы действительно могли бы быть убеждены, что такая сила действительно вмешалась — даже если на самом деле этого не было — от нашего имени и использовала свои сверхъестественные ресурсы для решения нашего проблемного случая, тогда у нас была бы более сильная уверенность в немедленной трансформации ментальных установок, чем все остальное, что мы могли бы себе представить. Если бы мы действительно верили, что такая сила готова помочь нам, если бы мы так же живо ожидали ее немедленной помощи, тогда мы могли бы предвидеть максимально возможную терапевтическую реакцию разума на тело. Вера, вызванная таким образом к действию, должна приводить к ошеломляющим результатам, и это, как показывает исследование, верно.

Следуя теориям исцеления верой, мы можем придерживаться здесь любого из двух направлений. Набожный человек может утверждать о прямом божественном вмешательстве. Бог есть. У Него есть сила и воля; все вещи пластичны на Его ощупь; Он просит только веры, и при наличии достаточной веры дело сделано, и этому нет объяснения. Те, кто верит в это, не склонны рассуждать об этом; на самом деле это за пределами разума, за исключением того, что разум утверждает Бога, равного такому процессу и порядку, при котором могут быть достигнуты

такие результаты. Это скорее достижение веры, чем разума, но христианская церковь в целом придерживалась такой веры — веры, поддерживаемой свидетельством, которое благоприятствует ей, и не подверженной влиянию свидетельства, которое бросает ей вызов. Научный склад ума, который стремится к экономии во всех своих объяснениях и ищет только причину, достаточную для следствия, и который, более того, постоянно пытается соотнести неизвестное с известным, придерживается другой линии и находит в исцелении верой всего лишь еще одну иллюстрацию власти разума над телом. Это не исключает Бога, но открывает Его в постоянных силах и находит в законе откровение Его метода. Таким образом, выводы, к которым мы обычно приходим, могут не только согласовываться с благочестивой верой, они могут, если следовать им до конца, обогатить веру; но они действительно подчиняют весь великий вопрос причинно-следственной связи и постепенно находят удовлетворительное объяснение тому, что до сих пор было глубоко окутано тайной.

Точно так же, как гипноз, благодаря своей весьма драматической ненормальности, заключающейся в изменении чувствительности тех физических участков, от которых отвлекается внимание, или в производстве физических эффектов посредством суггестивной фокусировки, помог нам понять роль, которую внимание играет в смене физических состояний, так и наши более поздние исследования подсознания помогают нам в этом. Мы знаем, что в личности действительно может происходить многое, чего сознание не принимает во внимание. Сознание в своих наиболее активных фазах бдительно, целеустремленно и озабочено сиюминутными заботами. Сознание прислушивается к командам и принимает во внимание такие условия, которые решительно заявляют о себе, но не принимает во внимание внушение в полной мере, если только внушение не обладает необычной силой. Внушения обычно требуют неторопливого обдумывания в уме, и разум обычно отсылает их — часто не осознавая этого — к тем областям ментальной деятельности, которые лежат за порогом сильно сфокусированного сознания.

Но внушение, таким образом, не перестает работать. Оно запускает все свои собственные процессы, которые продолжают до тех пор, пока они не будут проработаны. После более длительного или более короткого периода инкубации результат внушения извлекается на свет сознания, часто приводя к результатам, тем более поразительным, что мы не можем объяснить их самим себе или кому-либо еще. Все это не выводит подобные явления из сферы права; это лишь окутывает их тайной неизвестного и расширяет области, в которых они могут действовать. Правильное внушение, которому позволено погрузиться в эти неведомые глубины, или также неправильное внушение, становится неисчислимой силой в формировании целей жизни. Таким образом, перед нами хорошо подтвержденные истины или законы — трудно сказать, как их назвать, — которые помогают нам понять основы исцеления верой или ментального исцеления внушением. Теперь, непосредственно обращаясь к сохранившимся записям, мы обнаруживаем, что подобные силы действовали с самого начала. В древние времена все болезни обычно относились к одержимости духом. Если бы только можно было изгнать злого духа, пациент выздоровел бы, и священник, конечно, был подходящим человеком, чтобы взяться за это. Таким образом, религия и медицина изначально были наиболее тесно связаны, а исцеление самым тесным образом ассоциировалось с магией. Первые священники были врачами, и первые врачи были священниками, и то, что они делали как священники, и то, что они делали как врачи, было одинаково неразумно и капризно. Священник и его церковь очень неохотно отказались от той огромной власти над верующими, которую сделало возможным это раннее объединение медицины и религии. Любой орден или учреждение, которое может

приблизиться к человечеству или контролировать его через стремление больных к здоровью, обладает огромной и незыблемой империей.

Одержимость демонами - самое раннее объяснение болезни

По словам Каттена, в истории медицины есть три довольно четко определенных периода. Первый, начинающийся с тех пор, как начинается все человеческое, и доходящий до конца второго века; второй, заканчивающийся пятнадцатым или шестнадцатым веками; и третий, возможно, с шестнадцатого века и далее. Второй период, добавляет он, был, безусловно, самым стерильным и стационарным из трех, "во многом из-за запретительной позиции Церкви. Таким образом, медицинская наука почти полностью является результатом исследований последнего периода. Это означает, что медицина - одна из самых молодых наук, в то время как по самой природе данного случая это одно из старейших искусств".

Одержимость демонами была, как уже было сказано, самым ранним объяснением болезней. Это, естественно, было бы верно для времени, когда почти полностью отсутствовала какая-либо концепция закона или какого-либо причинно-следственного отношения за пределами самых ограниченных областей опыта. Поскольку единственной причиной, о которой человек имел какое-либо реальное представление, были его собственные усилия, он населил свой мир силами, более или менее похожими на него самого, за исключением того, что они были невидимыми, которые управляли практически всеми природными явлениями. У каждого места и каждого события был свой дух; духи полей и очагов, порогов и источников. Некоторые из них были дружелюбны, некоторые от природы недружелюбны, но они были повсюду в существовании, повсюду в действии, и, естественно, если они были недружелюбны, они время от времени и самыми разными любопытными способами проникали в само тело и там натворили сколько угодно бед.

Поэтому задачей священника-врача было вытащить их. Он мог напугать их, или отругать, или помолиться, или обмануть. Он использовал бы свое лекарство как для того, чтобы сделать место их временного пребывания неудобным для демона, так и для лечения пациента, и, действительно, любопытные и отвратительные вещи, которые использовались в качестве лекарств, вполне могли вызвать отвращение даже у злобного демона. Одна вещь бросается в глаза очень ясно, и это то, что независимо от того, что лекарство сделало или не приняло, оно сработало благодаря своему влиянию на разум пациента, а не из-за какой-либо реальной лекарственной ценности.

Зарождение научной медицины

Конечно, вместе со всем этим должна была присутствовать некая эзотерическая мудрость, которая была частью торгового арсенала целителя. Существовали чары, заклинания и магия всех мыслимых видов. Знахарь нецивилизованных или даже получивилизованных народов действительно создает лекарства для ума, а не для тела. Однако во всей этой мрачной области были проблески научного света. Египтяне кое-что знали об анатомии, хотя и использовали ее весьма прихотливо, и, должно быть, обладали некоторыми знаниями о гигиенических методах; запреты Книги Левит, например, и еврейского закона в целом, за которые еврей, насколько это касается медицинской науки, был в некотором долгу перед египтянами и халдеями, действительно имели под собой веские гигиенические основания. Греки начинали с демонов, но закончили тем, что приблизилось к истинной науке.

Однако реальный вклад Греции, по-видимому, был скорее положительным, чем отрицательным. Они придавали большое значение здоровью как самоцели, у них были боги и богини физического благополучия. Грек постоянно держал перед собой такой идеал физического совершенства, к которому никто прежде не приближался и с тех пор не имеет равных. По-видимому, он был воздержан в еде; он практиковал самые напряженные физические упражнения; он вел здоровый образ жизни на свежем воздухе и таким образом создал цивилизацию, в которой здоровье в значительной степени заботилось о себе само. Изучение оставшихся у нас записей вряд ли подтверждает общепринятое мнение о том, что греки добились значительных успехов в чисто научном направлении,^[16] но, во всяком случае, в том, что касается медицины, выбирать между Грецией четвертого века до Рождества Христова и Европой шестнадцатого века после практически не приходится, за исключением того, что жизнь греков была гораздо более нормальной, умеренной и гигиеничной, а разум греков - более открытым, вменяемым и уравновешенным.

^[16] Вероятно, слишком сильное утверждение. Противоположную точку зрения, сильно подкрепленную исследованиями ученого, см. в статье Сингера в "Наследии Греции" (Oxford Press), стр. 201.

Платон предвосхитил выводы, к которым мы только начинаем приходить, когда сказал: "Должность врача в равной степени распространяется на очищение ума и тела. Пренебрегать одним - значит подвергать другое очевидной опасности. Не только тело благодаря здоровому телосложению укрепляет душу, но и хорошо управляемая душа своей авторитетной силой поддерживает тело в совершенном здоровье". Независимо от того, сознательно ли лучшая классическая цивилизация усвоила это очень благородное прозрение Платона, лучшая классическая цивилизация действительно обеспечила здравый ум и здоровое тело до такой степени, что ставит в позор гораздо более позднюю и гораздо более сложную цивилизацию. Возможно, величайшим вкладом грека во всю эту великую тему была его страсть к телесному благополучию и чудесная адаптация своих привычек и образа жизни к этой цели.

Более того, он в какой-то заметной степени разделил религию, магию и медицину и дал нам, по крайней мере, зачатки медицинской профессии, подходя к медицине с научной, а не с религиозной или традиционной точки зрения. Несмотря на то, что его наука была достаточно слабой, его врачи тем не менее были врачами, и сегодняшняя медицинская профессия полностью в своем праве, когда она восходит к Гиппократу как основоположнику этой науки.

Позиция ранней и средневековой церкви

Христианство изменило все это, и в целом в худшую сторону. И все же это утверждение следует немедленно уточнить, поскольку христианство действительно принесло с собой очень большое сострадание к страданиям, очень большую готовность помогать больным и нуждающимся. Евангелия неразрывно переплетены с рассказами об исцеляющей силе основателя христианства. Все последующее отношение христианства к болезням должно рассматриваться в свете этого факта. Христианству мы обязаны первыми настоящими больницами, первой по-настоящему сострадательной и бескорыстной заботой о больных и импульсами, которые, как в конце концов выяснилось, имели большее отношение к приданию качества и направления

медицине и, в частности, к наполнению всей медицинской практики ее истинной атмосферой, чем какая-либо другая отдельная сила.

И все же все это сбывалось очень, очень давно, и на протяжении почти 1500 лет Церковь и ее власти были скорее помехой, чем помощью, и это по двум или трем выдающимся причинам. Начнем с того, что христианство, к сожалению, недооценивало физические ценности из-за своего чрезмерного внимания к духовным ценностям. Тело было в лучшем случае обителью души, а душа была главной заботой, и что бы ни происходило с телом, это не имело большого значения. Тело не только недооценивали, его презирали и подвергали насилию, морили голодом и бичевали; оно было средоточием нечестивых влияний и импульсов; его естественные стремления в лучшем случае вызвали подозрение, в худшем - абсолютное осуждение. Христианство, выступая через Церковь, проявляло огромную заботу о своей духовной гигиене, хотя даже здесь оно пошло не так, потому что забыло благородное слово Платона, но оно потерпело полный провал в физической гигиене.

С другой стороны, болезни и страдания были для Церкви всего лишь явным наказанием за какой-то известный или скрытый грех. Следовательно, вмешательство означало в некотором роде противодействие Божьему правосудию. Эпидемии были непостижимым провидением; они были проявленным гневом Божиим. Перед лицом столь грандиозного бедствия все, что мог предпринять человек, было не только бесполезно, но и дерзко.

Из-за странного противоречия раннее и средневековое христианство, хотя и мало что значило для тела, тем не менее решительно выступало против любого изучения анатомии, которое зависело от вскрытия или препарирования. Вероятно, это из-за их веры в воскресение тела. Любое нанесение увечий телу после смерти было бы реальной помехой в день воскресения. Но за всем этим, столь же реальным, хотя и неосознанным, стояло желание Церкви взять всю жизнь под свой непосредственный контроль. Оно инстинктивно опасалось методов мышления или процессов расследования, которые напрямую не являлись частью его собственного имперского управления жизнью. Со всем этим сопровождалось какое-то скрытое недоверие к человеческому разуму. В результате Церковь, в основном, выступила против более независимых процессов научной мысли, стремилась подчинить все факты жизни своим верованиям и пониманию и таким образом стала реальной помехой для любого поиска истины или любого исследования фактов, которые лежали вне сферы теологического контроля. Трудно сказать, насколько сильно все это затормозило рост, познание и повышение благосостояния людей, но сам факт хорошо известен.

Святые и святыни

Во-первых, раннее христианство продолжало верить в одержимость демонами. По одной из тех случайностей, которые сильно влияют на историю, вера в одержимость демонами была сильно распространена в Палестине во времена Христа, и евангельские повествования отражают все это таким образом, что нет необходимости подробно останавливаться на этом. Сами Евангелия подкрепили это убеждение своей мощной санкцией, и более тысячи лет спустя в настроении Церкви не было ничего, что могло бы существенно изменить его. На самом деле, настрой Церкви скорее укрепил его. Ориген верил, что демоны вызывают голод, бесплодие, порчу воздуха и эпидемии. Они парят, скрытые облаками, в нижних слоях атмосферы, и их привлекает кровь и благоволия, которые язычники предлагали им как богам.

Согласно святому Августину, все болезни христиан следует приписывать этим демонам, и отцы церкви в целом согласились с этими двумя, величайшими из них. Поэтому было греховно делать что-либо, кроме как полагаться на заступничество святых. Возражения Церкви против вскрытия, которое, конечно, является необходимой основой для любого реального знания анатомии, очень медленно стирались. История Андреаса Везалия, которого Эндрю Уайт называет основателем современной анатомической науки, одновременно увлекательна и поучительна. Он продолжал свои исследования в условиях невероятных трудностей и, возможно, никогда не смог бы довести их до конца без защиты Карла V, врачом которого он был. В конце концов его изгнали, он был странником в поисках истины, потерпел кораблекрушение во время паломничества в Святую Землю и в расцвете сил "был потерян для мира". Но, тем не менее, он выиграл свою битву, и противодействие Церкви научному изучению анатомии постепенно прекратилось. Но каждый заметный прогресс в медицинской науке действительно должен был начинаться заново. Сорбонна осудила прививку, вакцинация медленно прокладывала себе путь, и даже открытие анестетика, возможно, величайшего благословения, когда-либо данного хирургии, встретило немалые богословские препятствия. Справедливо будет сказать в этой связи, что столь глупый консерватизм ни в коем случае не был исключительным достоянием Церкви и духовенства. Медицина при случае была почти такой же консервативной, и трудности, с которыми сэр Джозеф Листер столкнулся в своих попытках завоевать лондонские больницы для проведения асептики и антисепсиса, были столь же горькими. Трудности были связаны с противодействием Церкви научному прогрессу. В конце концов, консерватизм такого рода - это вопрос темперамента, а не вероисповедания или класса.

Но если Церковь странным образом медленно уступала место медицине и хирургии, то Церковь стремилась с помощью собственных средств и методов излечивать болезни. Невозможно подробно проследить за этой длинной историей, хотя все это соответствует линии, которой мы следуем, благодаря ее массовому свидетельству о власти разума над телом. Поскольку Церковь верила в одержимость демонами, она стремилась излечить их с помощью экзорцизма, и в церковном ритуале, когда ритуал наконец обрел форму, есть отделения, выросшие из этой долгой-предолгой битвы со злыми духами, которые теперь мало что напоминают о своем первоначальном предназначении. Предполагалось, что Крестное знамение обладает повелительной силой, обращение к триединному божеству имело свою собственную силу, само дыхание священника должно было воздействовать на злого духа, и он бежал побежденный от прикосновения святой воды.

Церковь обладала, как тогда считалось повсюду, не только преобладающей властью над демонами, но и собственной сверхъестественной силой для исцеления болезней. Эта сила была связана со святыми, реликвиями и святынями. При жизни святого эта сила осуществлялась через прямое вмешательство святого. После смерти святого это было продолжено в какой-нибудь реликвии, которую он оставил после себя, или в каком-нибудь святилище, с которым он был особенно связан. Постепенно возникло своего рода "разделение труда между святыми в средние века". У каждого святого была своя особая власть над какой-то областью тела или над какой-то конкретной болезнью. И поэтому верующих охранял легион оберегающих влияний от всего, от кашля до внезапной смерти. Здесь находится почти невообразимый набор реликвий. Части истинного Креста обладали высшей ценностью. Святой Людовик Французский был почти возвращен от смерти к жизни прикосновением к священному дереву. Кости и волосы святых, кольца, которые они носили, и все подобные вещи имели ценность, и чтобы доказать, что ценность заключалась не в реликвии, а в вере, с которой к

реликвии относились, мы сообщили о костях святых, обладающих хорошо подтвержденной целебной ценностью, которые, как позже оказалось, принадлежали не людям, а животным. Там были священные источники и освященная вода почти без числа. В Кентерберийском соборе вам до сих пор покажут камни, истертые ногами бесчисленных паломников, ищущих у святилища Томаса Бекета исцеления, о реальности которого те, кто носил эти камни, свидетельствовали в различных подарках, которые когда-то сделали святилище а Бекета одной из сокровищниц христианского мира.

"Две святыни, наиболее известные в настоящее время, находятся в Лурде во Франции и Святой Анне де Бопре в провинции Квебек. Анна де Бопре в провинции Квебек. Своей известной целебной силой Лурд обязан вере в видение Пресвятой Девы, полученное там в прошлом столетии. Ежегодно его посещают более 300 000 человек." Стоит отметить, что Шарко был достаточно уверен не в святыне, а в целительной силе веры, чтобы ежегодно отправлять в Лурд пятьдесят-шестьдесят пациентов. Его пациенты были, конечно, психически и нервно неуравновешенными. Французское правительство следит за санитарными условиями в Лурде, и комитет врачей провел определенное обследование больных, которые посещают храм для руководства своей профессией. Ste. Анна де Бопре обязана своей известностью некоторым костям запястья матери Христа.

Магия, чары и прикосновение короля: Возвышение Целителя Веры

Религиозная вера не всегда необходима — подойдет любая вера. Амулеты, обереги, талисманы - все сыграли свою роль в этой длинной захватывающей истории. Таким образом использовались различные металлы, драгоценные камни и любопытные и капризные сочетания практически всех мыслимых вещей. Родильные пояса, которые женщины носили при родах, облегчали их боль. Круглый кусок меди, предохранявший от холеры. Коралл был хорошей защитой от сглаза, а парусина с потерпевшего кораблекрушение судна, привязанная к правой руке, служила как профилактикой, так и лекарством от эпилепсии. Таким примерам почти нет конца. Список чар и заклинаний не менее любопытен. Существуют формы слов, которые излечивают бессонницу, и действительно, если верить текущим наблюдениям, формы слов, изначально не предназначенные для этого, все еще могут вызывать сонливость.

История прикосновения короля как особенно полезной при эпилепсии и золотухе, хотя оно также полезно для лечения различных заболеваний, особенно интересна. Эта практика, по-видимому, зародилась при Эдуарде Исповеднике в Англии и Святом Людовике во Франции и была вызвана верой тех, кто приходил, чтобы к ним прикоснулись и исцелили, в божественное право и единоличную власть короля. Важно, что практика началась с этих двоих, поскольку они, больше, чем кто-либо из королей своего времени или большинство королей с тех пор, были действительно людьми редкого и святого характера. Любопытно, но достаточно естественно, что англичане отказали французским королям в какой-либо реальной власти в этом регионе, а французы заявили о монополии своих собственных суверенов. Вера в прикосновение короля сохранялась долго и, похоже, к концу не имела никакой связи с характером монарха, поскольку Карл II сделал в этом направлении больше, чем кто-либо, когда-либо сидевший на английском троне. За все свое правление он затронул более 100 000 человек. Эндрю Уайт добавляет, что "поучительно, однако, отметить, что, хотя ни при одном другом правлении не было так много людей, заболевших золотухой, и не было подтверждено так много излечений, ни при одном другом правлении так много людей не умирало от этой болезни".

Вместе с королевским прикосновением ушел и королевский подарок — монета из золота, — и утечка из королевской казны была настолько значительной, что после правления Елизаветы размер монеты был уменьшен. Для использования королем в этой должности были отчеканены специальные монеты, и эти трогательные экземпляры существуют до сих пор. Вильгельм III отказался принимать эту особую власть всерьез. "Дай вам Бог здоровья и здравомыслия", — сказал он, прикоснувшись однажды к пациенту. В данном конкретном случае искренний скептицизм короля перевесила вера просителя. Нас заверили, что человек вылечился. Королевское прикосновение было прекращено после смерти королевы Анны.

Список целителей начался очень рано и ни в коем случае не заканчивается сейчас. Сила целителя иногда ассоциировалась с его официальным положением в Церкви, иногда из-за его святого характера и достаточно часто только благодаря личному влиянию, факт которого достаточно хорошо установлен, хотя по природе вещей не может быть окончательной оценки его реальной эффективности. Джордж Фокс провел несколько исцелений; Джон Уэсли тоже. В семнадцатом веке некто Валентин Грейтракс, по-видимому, был центром таких волнений и сообщений об исцелениях, как Александр Дауи и другие в наше время, и, наконец, именно через целителя, а не через святого, короля, святыню или реликвию мы приближаемся к возрождению ментального исцеления и исцеления верой в наше время.

IV

ПОДХОД К ХРИСТИАНСКОЙ НАУКЕ И МЭРИ БЕЙКЕР ЭДДИ

Однако в этой длинной линии развития есть еще один этап, который необходимо учитывать, поскольку он обеспечивает двойную отправную точку; один раз для самого выдающегося культа исцеления нашего времени — христианской науки — и второй раз для значительно расширенного использования внушения в современной медицинской практике, а именно месмеризма и "животного магнетизма".

Месмеризм - отправная точка современных культов исцеления

Парацельс^[17] именно здесь можно взять за отправную точку. Он известен в истории медицины "за импульс, который он дал развитию фармацевтической химии, но он также был автором визионерской и теософской системы философии". Он верил во влияние звезд на людей, но при этом распространялся на старые астрологические верования. "Он верил, что человеческое тело наделено двойным магнетизмом: одна часть притягивает к себе планеты и питается ими, результатом чего являются ментальные силы, другая часть притягивает и расщепляет элементы, из которых в результате получается тело". Следовательно, его мир был миром состязательных аттракционов. Он верил, что колодец оказывает магнетическое влияние на больных, и использовал магнит в своей практике.

^[17] Немецко-швейцарский врач и алхимик, р. 1493, ум. 1541. Эти цитаты, частично взятые из авторитетных источников по исцелению верой, а частично из истории спиритизма, иллюстрируют подпольную связь во всем этом регионе.

"Эта двойная теория магнитного лечения, теория магнетического влияния мужчин на людей и теория магнита на человека, была распространена более столетия". "Таким образом, именно на

этих идеях — излучении от всех вещей, но особенно от звезд, магнитов и человеческих тел, силы, которая действовала бы во всех других вещах и которая в каждом случае направлялась внутренним духом, вместе с концепцией постоянного контакта между взаимными и противоположными силами — в основном основан мистицизм семнадцатого и восемнадцатого веков".[18]

[18] Подмор, "Современный спиритуализм", том. I, стр. 45. Я также в долгу перед Каттенем за общую информацию и некоторые процитированные абзацы.

Эти идеи были приняты группой людей, от которых мы теперь знаем только имена. Явления магнетизма завораживали их и давали им аналогии. Они считали, что существует всепроникающее магнетическое влияние, которое связывает воедино не только небесные и земные тела, но и все живые существа. Жизнь и смерть были для них просто регистрацией приливов и отливов этих нематериальных волн, и в конце концов они изобрели жизненный флюид, который мог передаваться от человека к человеку и при передаче которого больные могли исцеляться — обрывки их знаний дошли до нас с течением времени; мы все еще говорим о магнетических личностях — и они пытались различными способами контролировать эти таинственные силы и передавать их.

Один из них изобрел стальные пластины, которые он прикладывал к телу в качестве лекарства от болезней. Он обучил своей системе Месмера, который, однако, значительно продвинулся вперед в технике своих предшественников и дал своим методам свое имя; он добивался своих результатов с помощью физических контактов и пассов. Но он разделил мнение своих предшественников и заявил с той компактной ясностью, на которую французский язык настолько способен, даже когда имеет дело с неясными материями, что существует "жидкость, настолько универсально рассеянная и связанная, что нигде не оставляет пустоты, тонкость которой не поддается никакому сравнению и которая по своей природе способна воспринимать, распространять и передавать все впечатления от движения.... Это взаимное действие подчиняется механическим законам, в настоящее время неизвестным".[19] Этот флюид в своем действии управляет землей, звездами и действиями человека.

[19]"Исторические факты, касающиеся магнитных животных" Прайса, цитируется Подмором.

Он придумал термин "Животный магнетизм" и был, хотя и не знал этого, основоположником гипноза; до тех пор, пока в наше время месмеризм не стал общепринятым названием для всей этой сложной группы явлений. Медицинские факультеты изучили его заявления, но не были готовы одобрить их, но это никак не повлияло на популярность Месмера. У него было так много последователей, что он не мог иметь с ними дело лично. Он передал свои полномочия ассистентам, установил сложный аппарат и окружил всю свою процедуру впечатляющей обстановкой из витражей, зеркальных и благоухающих комнат и таинственной музыки. Результатом всего этого, естественно, для его пациентов были заметные волнения и истерики. Их часто приходилось помещать в комнаты с обитыми войлоком стенами. И все же результатом всей этой мрачной путаницы, как говорили, стало множество заметных исцелений. Французское правительство провело расследование, и две комиссии представили свои отчеты, ни один из которых не был благоприятным. По их словам, результаты объяснялись воображением, а не магнетизмом. Его популярность заметно поубавилась, когда он взялся объяснять свой метод и раскрывать свои секреты. Он покинул Париж в 1815 году и погрузился в безвестность.

Научное исследование месмеризма во Франции

Как уже было сказано, есть две линии развития, вытекающие из Месмера и его методов. Через десять лет после того, как Месмер покинул Париж, Александр Бертран указал, что после устранения ошибок, вызванных мошенничеством или неправильным наблюдением, результаты, которых добились Месмер и его партнеры, были обусловлены не животным магнетизмом, а ожиданием, вызванным внушением и усиленным особой обстановкой, которую Месмер создал для своего так называемого лечения. Медицинские школы медленно следили за открытием Бертрана, и только примерно двадцать лет спустя, благодаря исследованиям Брэйда, гипноз начали воспринимать всерьез.

Но как только вопрос был широко поставлен перед ними, врачи начали доводить его до конца. Шарко в Сальпетриере использовал гипнотическое внушение для коррекции ненормальных психических и нервных состояний. Психологи взялись за этот вопрос, и гипнотическое внушение стало не только законным предметом исследования учащегося и общепринятым методом коррекции аномальных психических состояний, но и как бы окном, через которое мы начинаем заглядывать глубоко в неожиданные глубины и запутанность личности.

Современные культы исцеления верой, однако, не дошли до нас по этому пути, хотя исследования Бертрана, Брэйда, Шарко, Дюбуа и их единомышленников предоставляют принципы толкования для любого реального понимания их. Месмеризм, естественно, привлекал тот тип ума, который легче всего привлекает причудливое и таинственное. Среди нас всегда есть доверчивые и любопытные, которые не находят ничего достаточно внушающего им благоговейный трепет в широком размахе закона или в таких фактах, которые открыты для света разума. Такие, как они, нетерпеливы к дисциплине, стремятся освободиться от причинно-следственной связи; на них производят впечатление оккультные силы, и они ищут короткие пути к здоровью, или добродетели, или мудрости. Им доставляет удовольствие создавать из своего собственного внутреннего сознания системы, которые мало соприкасаются с реальностью и которые из-за самой своей разреженности так же неспособны к опровержению, как из-за своей отстраненности от обычного опыта они способны к проверке. Это люди того, что психиатры называют "идеей фикс". Все для них сосредоточено вокруг одной идеи; у них есть единственный ключ к удивительной сложности жизни. Такой темперамент, как этот, естественным образом отделяет их от реальности и заставляет презирать противоречивый опыт.

Месмеризм перенесен в Америку; Финеас Квимби - важное звено в Длинной цепи

Америка была слишком богата подобными настроениями, и никогда они не были так сильны, как в сороковые и пятидесятые годы прошлого столетия. Месмеризм пересек океан, и в то время как Брэйд, а позже Бернхейм и Шарко прослеживали его здоровые психологические линии и применяли к нему великую проницательность и научную дисциплину, здесь он попал в руки шарлатанов и авантюристов. Финеас Паркхерст Квимби, наиболее известный своей связью с Мэри Бейкер Эдди, вряд ли заслуживает названия шарлатана, хотя он был опасно близок к тому, чтобы стать именно таким. В мысли и пропаганде он принадлежал к пограничным регионам, и он действительно придал всему рассматриваемому нами сложному движению направление, сыгравшее относительно большую роль в его более позднем развитии. У него был проницательный ум, охватывавший самые разные области; он представляет собой довольно типичный пример полудисциплинированной, сильной и оригинальной личности, сыгравшей

столь большую роль в американской жизни. Новая Англия его времени — Квимби родился в Нью-Гэмпшире и провел свою жизнь в штате Мэн — беззаветно отдавалась мистицизму, ограниченному, с одной стороны (его более высокой и репрезентативной стороной) Эмерсоном и трансценденталистами, а с другой - целителями, пророками странных вероучений и мечтателями-утопистами. Френология, чтение мыслей, животный магнетизм, ясновидение - у всех были свои пророки.

Квимби принадлежит к этой преемственности. Его образование было скудным, он даже не знал, как правильно писать в соответствии со словарем или расставлять знаки препинания в соответствии с грамматикой.^[20] У него было свое своеобразное употребление слов — употребление, на которое Мэри Бейкер Эдди, несомненно, оказала большое влияние. Он обладал заметными механическими способностями и настоящей страстью к фактам. Он был оригинальным мыслителем, мало чем обязанным книгам за свои идеи, хотя на него, несомненно, повлиял характер его окружения, о котором уже упоминалось. У него был умозрительный, но не тренированный интерес к религии, и он свободно обращался с ортодоксией своего времени, не будучи ограниченным ни лояльностью к принятой вере, ни критическим знанием ее содержания. "Истина" и "Наука" были характерными словами для него, и он свободно делился своими размышлениями и выводами со своими учениками.

^[20] То, что здесь сказано о Квимби, в сжатом виде взято из "Рукописей Квимби" Дрессера.

Квимби приходит к выводу, что Болезнь - это неправильное убеждение

Предполагалось, что в свои тридцать с небольшим он умирал от чахотки и сильно страдал от чрезмерного приема лекарств. Он выздоровел после эмоционального кризиса, но, похоже, не последовал возможному предположению о своем выздоровлении. Вместо этого он обратился к месмеризму и путешествовал с неким Люциусом Буркмером, на которого имел сильное гипнотическое влияние. Когда Беркмер (или Беркман) подвергался гипнозу, он заявлял, что обладает способностью заглядывать как бы через окно в тела пациентов Квимби и обнаруживать, часто с проясняющими деталями, их состояние; последовало немало известных исцелений. Свидетельства об этих способах лечения и о странных способностях Буркмера сами по себе являются захватывающим свидетельством того, на что люди идут перед лицом того, чего они не понимают. "У меня есть веские основания полагать, что он может различить внутреннюю структуру тела животного и, если в нем есть что-то болезненное или дефектное, обнаружить и объяснить это.... Он может перемещаться из точки в точку, не проходя через промежуточное пространство. Он летит из Белфаста [штат Мэн] в Вашингтон или с земли на Луну ... быстрее света, одним волевым актом".^[21]

^[21] "Рукописи Квимби", стр. 38.

Квимби обладал слишком острым умом, чтобы довольствоваться простым оккультизмом. Он пришел к убеждению, что Буркмер видит только то, что думает пациент, может сделать не больше, чем описать представление пациента о своем собственном состоянии или же сообщить об "общепринятом аллопатическом убеждении относительно рассматриваемой болезни", и лекарство, по его убеждению, заключается не в предписанном лекарстве, а в "уверенности врача или медиума". (Обратите внимание, что Квимби здесь объединяет методы лечения, разработанные медицинским факультетом, и свои собственные методы лечения в одном широком обобщении.) То, с чем он действительно имел дело тогда, было "верой". Это

может быть вера врача, или пациента, или вера его друзей — но болезнь - это всего лишь "вера". Это тоже было широким обобщением, но оно становится понятным, когда мы прослеживаем процесс, с помощью которого Квимби пришел к своим выводам, и это помогает нам понять значение Веры как одного из ключевых слов христианской науки. Этот анализ месмерической диагностики, здоровья и правильной веры привел Квимби к выявлению болезней и неправильных убеждений на основе его собственного опыта целителя. У него не было подготовки, которая помогла бы ему понять реальные факты, лежащие в основе веры в болезнь. Он стал искусным диагностом душевных состояний и целителем тех болезней, которые можно было вылечить таким образом. Но с научной точки зрения он знал о том, что скрывается за всем этим, не больше, чем пахарь может знать о том, что скрывается за бороздами, которые он вспахивает.

Квимби Развивает Свои теории

Миссис Эдди переняла ключевые слова его системы и ее расплывчатые допущения, и достаточно тщательное сравнение рукописей Квимби и "Науки и здоровья" показывает не только фундаментальную, никогда честно не признаваемую и, в конце концов, категорически отрицаемую миссис Эдди задолженность Квимби, но и путаницу, которой подверглась довольно яркая и оригинальная философия Квимби из-за ее рук. Начав со своего убеждения, что здоровье и болезнь - это фазы веры, Квимби полностью отказался от месмеризма и обратился к разуму своих пациентов. Несомненно, он обладал острым интуитивным знанием человеческой природы и ее болезненных фантазий и обычно имел дело с невротическими темпераментами, над которыми применял сильную и полезную силу внушения. Его объяснение болезни — что это ошибочное убеждение — становится достаточно гротескным, когда он доходит до деталей. Вот, например, его диагноз бронхита— "Вы слушаете или принимаете во внимание эту веру или мудрость [очевидно, что бронхит реален], как если бы вы ели свою пищу. Это довольно сильно давит на ваш желудок; это нарушает работу вашего организма, и на небе появляется облако.... Элементы тела вашей веры сотрясаются, земля озаряется огнем вашего заблуждения, накаляется, небеса или разум темнеют ... молнии приливов пронзают все части солнечной системы, в которую вы верите. Наконец, ветер или озноб достигают земли или поверхности тела, вас охватывает ощущение холода и липкости. Это превращает тепло в своего рода водянистую субстанцию, которая проникает в каналы и поры головы и желудка".[22]

[22] "Рукописи Квимби", стр. 118.

Это Квимби в его худшем проявлении, но под ним скрывается зародыш метода и философии, которые достигли столь пышного развития, — объяснение болезни в терминах неправильной веры. При разработке всего этого Квимби неизбежно включил религию и теологию и даже создал свою собственную отличительную метафизику. Он проводил различие между разумом и духом; он, конечно, должен был обнаружить в личности силу, превосходящую изменчивые ментальные установки. Он назвал свою систему наукой, поскольку пытался свести ее к системе и открыть ее законы. Он нашел параллель тому, что делал, в рассказах об исцелении в христианских Евангелиях и провозгласил Христа основателем своей науки.[23]

[23] Там же., стр. 185.

Любая вера, противоположная его, была "заблуждением"; "Истина", естественно, была противоположна заблуждению. Он подчиняет показания органов чувств потребностям своей

системы; он определяет Бога по-разному: как Мудрость, как Истину, возможно, как Принцип, хотя его использование слова "Принцип" гораздо более понятно, чем у миссис Эдди.[24] Он все чаще отождествляет свою систему с учением Иисуса и в конце называет ее "христианской наукой".[25]

[24] "Рукописи Квимби", стр. 309.

[25] Там же., стр. 388.

По существу, на более чем 400 напечатанных мелким шрифтом страницах рукописей Квимби в том виде, в каком они сейчас отредактированы, мы обнаруживаем либо суть, либо предположение всего того, что позже развила миссис Эдди. Теперь все это, каким бы запутанным оно ни было, подводит нас к порогу заметного прогресса в ментальном исцелении и исцелении верой.

Мэри Бейкер Эдди попадает под влияние Квимби

Практически вера и ментальное исцеление, пока Квимби не занялся этим, зависели от людей или предметов. Святой или целитель действовал через личный контакт; святилище нужно посетить, к реликвии нужно прикоснуться. Такая система, естественно, зависела от несчастных случаев с человеком или местом; она не получила бы широкого распространения, не была бы продолжена и не стала бы основой самолечения. Но если бы то, что лежит за всей сложной группой явлений, можно было систематизировать и придать ему реальную силу притягательности для населения благодаря его связи с религией, оно обладало бы своего рода постоянной независимостью, обусловленной только желанием людей быть убежденными в истинности его философии или откликнуться на его религиозный призыв. Тогда это стало бы ментальной и духовной дисциплиной, которая была бы записана в книгах и преподавалась посвященными. Насколько это могло быть связано с религией, это стало бы основой культа и имело бы огромное поле применения.

Все сложные, хронические или малоизвестные болезни предоставили бы возможность ее пропагандистам, а необходимая неясность и иррациональность такой системы была бы просто дополнительными элементами власти для умов, к которым она, естественно, обращалась бы. Любая система, которая имеет своим полем деятельности болезнь, своим подкреплением - легкое верие, а своей философской формой и религией - показную полуправду, дающую санкцию и авторитет, для начала обеспечена действительно большим количеством последователей. Самые его слабые стороны будут его сильной стороной. Это сработает лучше всего, поскольку оно не является ни ясным, ни простым — хотя должно демонстрировать и то, и другое. И если, вдобавок, где-то в основе этого есть сила и истина, достаточные для того, чтобы произвести определенное количество исцелений, это будет продолжаться. То, что он не в состоянии сделать, будет забыто или проигнорировано перед лицом того, что он действительно делает.

Теперь Квимби, благодаря своей природной силе и такому стечению обстоятельств, какое случается лишь раз за долгие периоды времени, стоял на пороге именно такой революции в истории веры и ментального исцеления, как эта. Он предвосхитил метод и предоставил материал, но либо не сделал, либо не смог популяризировать его. Он был недостаточно эгоистичен, чтобы монополизировать это, недостаточно проницателен, чтобы коммерциализировать это, и, возможно, недостаточно фанатичен, чтобы превратить это в культ. Его больше интересовали собственные рассуждения, чем привлечение новообращенных, и без

одного из тех несчастных случаев, которые становятся поворотными точками в движении, из его работы, вероятно, ничего бы не вышло, кроме ее несколько расплывчатого продолжения в мышлении и учении небольшой группы. (Сомнительно, что "Новая мысль", которая, как мы увидим, выросла из его работы благодаря его сотрудничеству с Дрессерами, достигла бы многого без стимула христианской науки, против которого она выступила.) Нужен был кто-то, кто придал бы всей туманной системе организацию и движущую силу и, прежде всего, возвел бы ее в культ.

Выдающиеся события ее жизни: Раннее девичество

Мэри Бейкер Эдди сделала именно это, и результатом является Christian Science. Бесполезно подсчитывать исчезнувшие альтернативы жизни, но, по всей вероятности, она никогда бы не сделала этого без Квимби. Ей и ее последователям было бы гораздо лучше честно признать свой долг. Теперь это мало что изменило бы ни с позицией их лидера, ни с силой их системы, но это забрало бы довольно острое оружие из рук их критиков и придало бы им дополнительную силу, которую безукоризненная честность всегда придает любому делу. С другой стороны, маловероятно, что убеждения Квимби когда-либо вышли бы за рамки самого человека, если бы он не нашел в миссис Эдди столь творческую ученицу.

Выдающиеся факты из жизни Мэри Бейкер Эдди слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в подробном пересказе здесь. История ее жизни и истории Христианской науки, рассказанная Джорджин Милмайн в журнале *McClure's Magazine* за 1907-8 годы, является окончательной. Оно основано на тщательном расследовании, подлинных документах и исчерпывающем анализе фактов. Факты, выявленные в ходе различных судебных процессов, в которых участвовали миссис Эдди и церковь, подтверждают как заявления, так и выводы этой действительно выдающейся работы. Официальная жизнь Сибил Уилбур (чье настоящее имя, кажется, О'Брайен) настолько окрашена, что на нее практически невозможно положиться. В нем слегка затрагиваются или вовсе опускаются те моменты из жизни миссис Эдди, которые не вписываются в ту картину, которую сама миссис Эдди и церковь желают увековечить.

Миссис Эдди происходила из проницательной, трудолюбивой и ярко выраженной семьи из Новой Англии. Ее отец был непреклонен в своих взглядах, узок и непоколебим в своей религиозной вере. Мэри Бейкер была нервной, взвинченной девушкой, необычайно привлекательной внешне, гордой, не по годам развитой, застенчивой, властной. Она была подвержена истерическим припадкам, которые переходили в состояния почти анабиоза. Ее семья боялась этих нападений и, чтобы предотвратить их, всячески потакала ей. В свое время она присоединилась к конгрегационалистской церкви Тилтона. Она сама говорит, что в то время ей было двенадцать лет, но церковные записи указывают на то, что ей было семнадцать. Степень ее образования обсуждается. Сама миссис Эдди утверждает, что ее программа обучения довольно амбициозна. "Моего отца, - говорит она, - учили верить, что мой мозг слишком велик для моего тела, и поэтому он не пускал меня в школу, но я приобрела книжные знания с гораздо меньшим трудом, чем обычно требуется. В десять лет я был знаком с Грамматикой Линдли Мюррея, а также с Вестминстерским катехизисом, который мне приходилось повторять каждое воскресенье. Моими любимыми предметами были натурфилософия, логика и моралистика. От моего брата Альберта я получал уроки древних языков, иврита, греческого и латыни. После моего открытия христианской науки большая часть знаний, которые я почерпнул из школьных учебников, исчезла, как сон. Обучение было

настолько просветленным, что грамматика затмевалась. Этимология была божественной историей, выражающей идею Бога в происхождении и значении человека. Синтаксис был духовным порядком и единством. Просодите песнь ангелов, и никакой земной или бесславной темы".[26]

[26] "Ретроспекция и самоанализ", 1909.

Ее образование: Формирующее влияние

Несправедливо применять критические методы к тому, кто признается, что большая часть знаний, которые она почерпнула из школьных учебников, исчезла как сон, но в письме миссис Эдди есть многое, подтверждающее ее заявление. Те, кто знал ее девочкой, сообщают, что она нерегулярно посещала школу, была невнимательна на занятиях и далека от знания ни греческого, ни латыни, ни иврита. "По словам этих школьных товарищей, Мэри Бейкер завершила свое образование, когда закончила грамматику Смита и дошла до сложного деления в арифметике". Официальная биография во многом описывает интеллектуальную дружбу между преподобным Енохом Корсером, тогдашним пастором Конгрегационалистской церкви Тилтона, и Мэри Бейкер. "Они обсуждали темы слишком глубокие, чтобы быть привлекательными для других членов семьи. Прогуливаясь взад и вперед по саду, этот прекрасный священник старой школы и молодая поэтесса, как ее стали называть, обсуждали старые философские рассуждения без злобы или раздражения".[27]

[27] "Жизнь Мэри Бейкер Эдди", Сибил Уилбур, 4-е издание. Издательская компания Christian Science Publishing Company.

Нет особых оснований сомневаться в ее реальном интересе к довольно жесткой кальвинистской теологии своего времени. Действительно, мы не смогли бы понять ее последнюю линию религиозного развития, не приняв это во внимание. Милмин предполагает наличие других сил, которые, естественно, повлияли бы на чувствительную и любопытную девушку; например, нынешний интерес к животному магнетизму, предмету, который до конца доминировал в определенных аспектах ее мышления. Милмин предполагает также, что на нее, возможно, оказали значительное влияние своеобразные верования шейкеров, у которых была колония недалеко от Тилтона. Шейкеры считали Энн Ли, свою основательницу, женским началом Бога, более великим, чем Христос. Они всегда молились "Нашему Отцу и Матери, которые на Небесах". Они называли Энн Ли женщиной из Апокалипсиса, помазанной Богом женщиной. Для своих последователей она была Матерью Энн, как Мэри Бейкер позже стала матерью Эдди. Энн Ли заявила, что обладает даром исцеления. Шейкеры также внесли большой вклад в духовное просвещение, которое имело преимущественную силу над свидетельством чувств. Шейкеры называли свое учреждение Церковью Христа, а первоначальное основание - Церковью-Матерью. Шейкеры запрещали молитву вслух и предписывали безбрачие. Здесь достаточно параллелей, подтверждающих утверждение Милмайна о том, что на Мэри Бейкер, по крайней мере, в значительной степени повлияли предложения ее своеобразной группы соседей.

Ее несчастливая судьба. Квимби вылечил ее. Непризнанный долг

Мэри Бейкер вышла замуж за Джорджа Вашингтона Гловера в возрасте двадцати двух лет. Вскоре она осталась вдовой, и ее единственный сын родился после смерти отца. История последующих лет печальна. Она была бедна, зависела от родственников, чье терпение она

испытывала и чье гостеприимство время от времени истощалось. Ее приступы истерии продолжались и становились все более жестокими. Отец иногда укачивал ее, пока она не заснула, как ребенка. Тилтоны соорудили для нее колыбель, что является одной из традиций этого несчастливого периода ее жизни. Она пробовала заниматься месмеризмом и ясновидением и слышала стук по ночам.

Она снова вышла замуж, на этот раз за доктора Дэниела Паттерсона, разъездного дантиста. Он никогда ни в чем не добивался успеха. Они были ужасно бедны, а его брак оказался не более удачным, чем большинство других его предприятий. Он попал в плен, хотя и как гражданское лицо, во время Гражданской войны и провел один или два года в тюрьме на юге. Были предприняты тщетные попытки к примирению, и в 1873 году миссис Паттерсон добилась развода на основании дезертирства. Тем временем ее разлучили с сыном, которого она впоследствии видела так мало, что он вырос, женился и жил своей жизнью совершенно отдельно от матери.

В 1861 году физическое состояние миссис Паттерсон было настолько отчаянным, что она обратилась к Квимби. Ее муж проявлял некоторый интерес к гомеопатии, и на нее, несомненно, оказали влияние своеобразные теории гомеопатической школы того времени. (Действительно, она утверждала, что является практикующим гомеопатом без диплома.) У нее был достаточный опыт обращения с наркотиками, чтобы стать нетерпеливой и с подозрением относиться к современным методам ортодоксальной медицины. Под воздействием лечения Квимби она переродилась физически и, по-видимому, духовно. Необходимо остановиться на всех этих хорошо известных деталях, чтобы понять, что за этим следует, и направления, которые теперь принял ее разум. Анализ Милмайн здесь пронизателен и убедителен. Она всегда была в состоянии бунта против своего окружения. Ее браки были несчастливыми; материнство ничего ей не принесло; она была бедной и зависимой; ее сильная воля и самоутверждающийся характер обернулись против нее самой.

Она не нашла удовлетворения в жестких теологиях того времени. Она обратилась за помощью к общепринятой религии, но религии нечего было ей дать. Мы должны читать между строк и особенно оценивать весь этот период в свете самой "Науки и здоровья", чтобы реконструировать движение ее внутренней жизни, но, вне всякого сомнения, ее мысли были заняты почти трагическим несоответствием между ее собственным опытом и любовью и благостью Бога. Она познала боль и несчастье в острых формах и не нашла в том, чему ее учили, ничего достаточного, чтобы разрешить свои сомнения или утвердить свою веру.

Она нашла в философии Квимби руководство, которому с готовностью следовала. Теперь она впервые по-настоящему свободна от самой себя. Более истинное понимание драматических ценностей побудило бы саму миссис Эдди больше внимания уделять несчастливому периоду, который начал подходить к концу с ее визитом в Квимби, и побудило бы ее учеников признать это более честно. Это сильный фон, на котором можно выделить то, что последует дальше, и придать колорит контрасту с ее дальнейшей жизнью. Дваждырожденные, от Савла из Тарса до Джона Баньяна, много размышляли о своих грехах и печалях, стремясь тем самым еще больше возвеличить благодать Божью, благодаря которой они были спасены. Мэри Бейкер Эдди пришла к твердому убеждению, что она спасла себя, и, следовательно, не только сильно недооценила свой долг перед Квимби, но и избавила свой собственный опыт от драматических

контрастов, чтобы сделать его, как она предполагала, более последовательным, и ее ученики последовали за ней.

На самом деле, хотя ее жизнь в целом не является выдающимся достоянием Христианской науки и, вероятно, будет становиться все менее выдающейся, следует признать силу убеждения, которое превратило невротичную миссис Паттерсон пятидесятих и шестидесятих годов во властную и успешную женщину восьмидесятих и девяностых. Она также принадлежит к братству дваждырожденных, и вместо того, чтобы преуменьшать изменения, тем, кто стремится понять ее, а также тем, кто стремится возвысить ее, было бы неплохо сделать из них больше. Для начала она сделала это сама. Ни у одного мастера никогда не было более благодарного ученика. Она часто бывала в доме Квимби, читала его рукописи, писала письма для газеты, "переходила на стихи" и своей экстравагантностью "навлекла насмешки на Квимби и на саму себя".

Квимби умер в 1866 году, провожаемый к месту своего последнего упокоения стихотворением от благодарной ученицы. Миссис Эдди в то время, по-видимому, и не помышляла о продолжении его работы, разве что самым скромным образом. Она написала Джулиусу Дрессеру, который попал под влияние Квимби, предположив, что он займет освободившееся место. "Я верю, что вы принесли бы огромную пользу и более способны занять его место, чем кто-либо другой, кого я знаю".^[28] Она попросила помощи у Дрессера в восстановлении после падения, которое она только что перенесла на льду и которое, как она предполагала, настолько травмировало ее, что сделало беспомощной калекой, какой она была до встречи с Квимби. На этой осени стоит немного остановиться, поскольку она действительно знаменует собой поворотный момент в жизни миссис Эдди. В своем письме Дрессеру она сообщает, что лечащий врач "сказал, что я сделала последний шаг, который когда-либо должна была сделать, но через два дня я встану с постели одна и буду ходить".^[29] Некоторое время спустя в письме в "*Бостон пост*" миссис Эдди сказала: "Мы быстро оправались от тяжелого несчастного случая, который обычные врачи считают смертельным". Существует значительная разница между двумя днями и моментом времени, выражением решимости идти своим путем в письме от Dresser и свидетельством мгновенного излечения в *письме от Boston Post*. Доктор Кушинг, врач, который в то время лечил миссис Эдди, приводит еще третий отчет. По его словам, он лечил ее в течение почти двух недель и оставил практически выздоровевшей. Еще позже он также посетил ее в профессиональном качестве и подтверждает все это в заявлении под присягой на основании своих записей в зачетных книжках. В философии, которая делает мысль единственной реальностью, есть очень значительное преимущество, поскольку при изменении мышления и спокойном воспоминании факты могут легко стать либо пластичными, либо совершенно незначительными.

^[28] "История движения новой мысли", Дрессер, стр. 110.

^[29] Там же.

Она Развивает Учение Квимби в соответствии со Своими собственными Принципами

Реальное значение этого широко обсуждаемого, но в остальном неважного эпизода заключается в том, что он, похоже, заставил миссис Эдди полагаться на собственные силы, поскольку теперь, когда Квимби был мертв, она начинает развивать то, что получила от него как

через опыт, так и через обучение, в соответствии со своими собственными принципами. Она нашла формулу решения проблем, как физических, так и психических, которые преследовали ее в течение многих лет. Она обладала природной остротой ума, спекулятивным складом ума, практической проницательностью (дар ее предков из Новой Англии) и обширным полем деятельности. Теология, медицина и даже философия или психология Новой Англии шестидесятых годов в значительной степени способствовали, благодаря своей ограниченности, росту причудливых систем, в которых были элементы истины. Нам нужно будет вернуться к этому снова при любой оценке Христианской науки в целом, но мы не можем понять быстрое развитие движения, одним из аспектов которого была Христианская наука, не принимая всего этого во внимание.

За последние пятьдесят лет в самой медицине произошла большая революция. В то время как Мэри Бейкер Гловер Паттерсон Эдди безуспешно прокладывала свой путь через пограничные районы к пасмурному свету, Луи Пастер, сидя, по выражению Хаксли, "смирненно, как малое дитя перед фактами жизни", проводил те исследования в области бактериологии, которым в некотором смысле суждено было стать величайшим вкладом девятнадцатого века в благополучие человечества. Он терпеливо следил за действием микроскопических организмов, особенно в их отношении к здоровью, раскрывал секрет заражения, описывал методы защиты от атак этих невидимых армий, находил истинную основу для прививки, расширял ее действие, лишал больницы их ужасов и окружал хирургию мерами предосторожности, о которых раньше и мечтать было нельзя, буквально совершал чудеса (в борьбе со свиной чумой и тому подобное), и за неимением другого испытуемого готовился ставить эксперименты на себе для предотвращения гидрофобии, и делал все это самым простым и скромным способом, делая все это максимально простым и незаметным. наивно не подозревающий о собственной славе и живущий от начала до конца в благородной и сравнительной бедности, которая резко контрастирует с материальным благополучием, к которому так стремилась миссис Эдди. Ничто из этого никогда не касалось ни миссис Эдди, ни тех, к кому она обращалась. Несмотря на всю помощь, которой располагает современный врач, постановка диагноза по-прежнему остается трудным делом, сами врачи признают это. Несмотря на все ресурсы современной медицинской науки, до сих пор существует множество безнадёжных и неясных случаев, которые ставят врача в тупик. Пятьдесят лет назад этот остаток был намного больше, чем сейчас.

Она начинает Учить и Исцелять

Типичный протестантский религиозный опыт, как мы видели, был недостаточно велик, чтобы вместить в себя все факты жизни. Расплавленная страсть более раннего кальвинизма затвердела в жесткости, которая превозносила силу Бога ценой человеческой беспомощности. Среди правоверных не было адекватного признания размаха закона. Все, что произошло, было особым Провидением, и было достаточно трудно подогнать суровые факты жизни к пониманию Божественной Любви, когда, очевидно, так много в жизни противоречило Божественной Любви.

Очень большая часть брожения того времени была как раз попыткой найти какой-то выход из всего этого, и группа, частью которой была миссис Эдди, действительно была первой, кто попытался найти свой выход, за исключением того, что богословский либерализм того времени, наиболее уважаемой и принятой формой которого было унитариянство, искал пути бегства, которые в целом были недостаточно широкими. Как уже было сказано, через весь этот

регион проходят любопытные подземные коммуникации. Мы находим гомеопатию, спиритуализм, трансцендентализм, теологический либерализм и исцеление верой связанными в один узел.

Линия, которой теперь стала следовать миссис Эдди, в целом достаточно ясна. Она, в свою очередь, становится учителем и целителем, придавая свой собственный отпечаток и окраску тому, что она называла наукой, которой преподавала, все больше и больше заявляя о ней как о своей собственной и не только забывая, но и отрицая по ходу дела свой долг перед кем-либо еще. Все это постепенно превратилось в ее сознании в отчетливое откровение, которого ждали века, и эта теория откровения действительно является ключом к противоречиям и явной нечестности, которые лежат в основе авторитетного изложения генезиса христианской науки. Она ассоциировала себя с одним из наиболее многообещающих своих учеников, который представился доктором Кеннеди, с миссис Эдди несколько на заднем плане. Кеннеди был агентом, миссис Эдди снабдила его материалом о том, что представляло собой смешанный метод обучения и исцеления. Она всегда была отчаянно бедна; теперь впервые у нее появился приличный счет в банке.

Соответствующие изменения произошли в ее личности и даже телосложении. Она начала давать уроки, соблюдая свои инструкции с самого начала таким образом, чтобы сделать их необычайно полезными. Ее ученики заплатили за курс 100 долларов и согласились также отдавать ей процент от дохода от своей практики. В ходе судебного разбирательства, которое последовало впоследствии, суды заявили, что они не нашли в ее курсе обучения ничего, что могло бы "каким-либо образом способствовать тому, чтобы обвиняемая стала компетентным и успешным практиком какого-либо понятного искусства или метода исцеления больных". Следовательно, суд придерживался мнения, что "рассмотрение соглашения полностью провалилось". В некотором смысле суд ошибся. Миссис Эдди давала своим ученикам нечто такое, что, независимо от того, подходило ли это им для того, чтобы быть компетентными и успешными практиками какого-либо понятного искусства или метода исцеления больных, или нет, приносило большую финансовую выгоду как им, так и их учителю. Позже она повысила плату за обучение до 300 долларов и заявила, что Бог множеством способов показал ей мудрость этого решения.

Ранние этапы христианской науки

С самого начала все было вопросом личных отношений между миссис Эдди и ее учениками. Они составляют тесно связанную группу, сами ученики расточительны в своей благодарности своему учителю. Конечно, были расколы, зависть, взаимные обвинения, судебные тяжбы, но, тем не менее, движение продолжалось. Первая попытка организации была предпринята в Линне в 1875 году. Был арендован зал, по вечерам проводились собрания, общество было известно как "Христианские ученые", и как организация Христианская наука пришла в мир. Первое издание "Науки и здоровья" также вышло в 1875 году. Было трудно найти издателя; те, кто помогал миссис Эдди финансово, потерпели поражение в этом предприятии. Они так и не были возмещены, хотя впоследствии "Наука и здоровье" стала самым прибыльным изданием в мире. Два года спустя миссис Гловер (поскольку после своего развода с Паттерсоном она взяла свою прежнюю фамилию по мужу) вышла замуж за Гилберта Эдди и таким образом взяла фамилию, под которой она наиболее известна миру.

В этот период жизни миссис Эдди многое указывает на то, что она еще не достигла внутренней безмятежности веры. Она так и не смогла освободиться от извращенной веры в животный магнетизм или месмеризм, которая проявлялась скорее в страхе, чем в вере. Она считала себя преследуемой, и если не верила в колдовство, то верила во что-то удивительно похожее на него. Действительно, миссис Эдди принадлежала довольно любопытная заслуга в том, что она спровоцировала последний судебный процесс по обвинению в колдовстве в Соединенных Штатах и с подобающим чувством исторической пристойности инсценировала его в Салеме. Судья прекратил дело, заявив, что контролировать разум подсудимого не в силах Суда. Дело было обжаловано, апелляция отклонена, и все дело остается в качестве любопытного примера в протоколах суда Салема.

Миссис Эдди не фигурирует в качестве истца по данному делу. Заявителем является одна из ее студенток, но за подачей жалобы стояла миссис Эдди, истинная причина которой, по-видимому, заключается в том, что ответчик отказался оплачивать обучение и авторские отчисления за свою практику и вмешивался в работу группы, лидером которой была миссис Эдди. Этот инцидент имеет ценность только как показывающий, до каких пределов может завести разум, как только он оторвется от уравнивающих влияний проверенной опытом реальности. Интересно также отметить, что так или иначе миссис Эдди и ее церковь были вовлечены в большее количество судебных разбирательств, чем любой другой религиозный учитель или движение того времени.

Она пишет книгу "Наука и здоровье" и завершает организацию Своей Церкви

По-видимому, из первой пробной организации в 1875 году ничего не вышло. Первая инкорпорированная организация Church of Christ Scientist была зарегистрирована в 1879 году с двадцатью шестью членами-учредителями и Бостоном в качестве резиденции. Собрания этой церкви поначалу проводились в Линне и Бостоне, но Линн не была дружелюбна к новому предприятию, и Бостонская группа стала центром дальнейшего роста. Миссис Эдди окончательно покинула Линн в 1882 году, и в течение всего последующего периода история христианской науки - это история Матери-Церкви в Бостоне и Массачусетского метафизического колледжа. Миссис Эдди не терпела инакомыслия, ее ученики либо следовали за ней, либо покидали ее. Она была управляющей силой во всем движении. Она начала окружать себя определенной таинственностью и получала удовольствие от театральных эффектов. Она писала и переписывала "Науку и здоровье", пока та не начала приобретать окончательную форму. *Журнал христианской науки* стал официальным органом движения миссис Эдди, поскольку "Наука и здоровье" были его евангелием.

Движение вышло за пределы Бостона и Новой Англии и вторглось на Запад. Теперь оно было настолько выдающимся, что вызвало широкий общественный интерес. Церкви начали обращать на это внимание, и действительно, все, что было характерно для христианской науки в течение последних двадцати лет, тогда активно действовало. Далее следует знакомая история личных перемещений миссис Эдди, ее ухода в Конкорд, ее растущего отчуждения от движения, которым она, тем не менее, управляла железной рукой, окончательной организации самой церкви в соответствии с принципами, полностью продиктованными ее лидером, усиления общественного интереса к самому движению, переезда миссис Эдди из Конкорда в Ньютон и ее смерти. Она оставила после себя самую сильную и инициативную организацию, созданную любым религиозным лидером своего времени. Из всех тех, кто со времен Уэсли основал и

проводил в жизнь отдельное религиозное движение, только Александр Кэмпбелл находится в одном классе с миссис Эдди, а Кэмпбелл имел за спиной традиционную силу протестантизма, которому он придал лишь немного новое направление и окраску. Вклад миссис Эдди гораздо более отчетлив и радикален.

Таким образом, нам нужно отвернуться от ее жизни, света и тени, несоответствий и запутанности которой мы затронули слишком легко, и искать в "Науке и здоровье" и более позднем развитии христианской науки секрет силы движения и его значения для нашего времени.

V

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА КАК ФИЛОСОФИЯ

Christian science располагает значительной группой авторизованных публикаций и хорошо организованным отделом рекламы. Его общественная пропаганда осуществляется посредством периодических лекций, всегда чрезвычайно хорошо рекламируемых, а также через его читальные залы и периодические издания. Его непроверенная пропаганда ведется, естественно, его приверженцами. Каждый случай неясной или затяжной болезни предоставляет ему возможность, и такими возможностями ни в коем случае нельзя пренебрегать. Но высшим авторитетом в христианской науке является работа Мэри Бейкер Эдди "Наука и здоровье". Это читается на каждой воскресной службе и является основой всех лекций и пояснительных рекламных объявлений. В целом его приверженцы существенно не отступают от учения, изложенного в его книге, и, поскольку такова дисциплина культа, они не осмеливаются на это. Несомненно, существуют такие модификации ее более экстремальных и невозможных утверждений, с которыми сталкивается каждая авторитетная религия. Христианская наука не может оставаться незатронутой дискуссиями и более широкими течениями мысли. Но она еще не заметно отошла от доктрин своего основателя и поэтому должна быть оценена.

Книга в ее окончательном виде представляет собой значительную эволюцию. Сравнение последовательных изданий выявляет поразительное количество материала, который был отброшен, хотя никаких реальных изменений в его фундаментальных принципах не произошло. Ссылки на вредоносный животный магнетизм, которые занимают большое место в предыдущих изданиях, почти полностью отсутствуют в последнем, и наблюдается решительный прогресс в направлении относительной простоты изложения. Эта книга, несомненно, в большом долгу перед литературным консультантом миссис Эдди, мистером Уиггинсом, который добросовестно переработал произведения миссис Эдди. Нужно отойти на приличное расстояние от самой книги, чтобы вообще получить сколько-нибудь сбалансированное представление о ее философии, но, как видно, ее основы почти неожиданно просты.

Христианская наука - философия, теология, Религия и Система исцеления; Общие условия, которые придали ей Силу

Христианская наука предлагается как философия, теология, религия и метод практического ведения жизни, и ее необходимо рассматривать в рамках каждой из этих четырех глав. Для

любого правильного понимания этого требуется также знание предыстории своеобразного темперамента миссис Эдди и ее пестрой истории. Это рост. За свои фундаментальные знания миссис Эдди, вне всяких разумных споров, в долгу перед Квимби, и в некотором смысле оригинальные идеи Квимби пострадали от ее рук. Тем не менее, в своем окончательном виде "Наука и здоровье" - это то, чем ее сделала миссис Эдди, и это то, что есть, потому что она была такой, какой была. Она разделяла со своим поколением всепоглощающий интерес к фундаментальным теологическим проблемам. Она унаследовала религию, которая свела всю жизнь к жестким и в целом слишком узким теологическим формулам. Она не смогла вместить свой опыт в формулу, которую давала ее вера, и все же, с другой стороны, ее вера оказывала контролирующее влияние на ее жизнь. В каком-то маленьком и жалком смысле она была чем-то вроде Работы девятнадцатого века, которая боролась со старым-престарым вопросом, связанным с грехом и, прежде всего, с болью и страданиями, чтобы найти Бога. Она не могла приспособить ни Божественную любовь, ни справедливое Божественное владычество к тому, что она сама была призвана нести. Естественная склонность к оккультизму и отчаянная готовность безнадежно больных пробовать все, что обещает излечение, вели ее во многих направлениях. Вот что объясняет ее биография.

Квимби был первым учителем, которого она нашла, чья система, казалось, давала хоть какой-то ключ к интеллектуальной и духовной головоломке, в которой она оказалась, и когда его система, казалось, подтвердилась для нее ее выздоровлением от хронического ненормального состояния, она впоследствии последовала и развила то, что он предложил. Здесь определенная природная пронизательность и изобретательность ума сослужили ей хорошую службу. Ей помогли ее собственное невежество и ограниченность. Если бы она была опытным мыслителем, знакомым с широким спектром философских спекуляций, она никогда бы не осмелилась писать так догматично; если бы она была великим философом с всеобъемлющим видением философа, она никогда бы не осмелилась строить так много на столь узком фундаменте.

Миссис Эдди, сама того не сознавая, относилась к такому типу людей. Она думала и сочувствовала множеству сбитых с толку людей, неспособных примирить более тяжелые жизненные переживания с той верой, которую они имели в любовь и благодать Бога, неспособных, с другой стороны, найти любовь и благодать Бога в широком размахе закона и упорядоченной последовательности причин и следствий, и неспособных ни при каких обстоятельствах к терпеливому анализу, необходимому для того, чтобы проследить до всех их источников нити их странно переплетенной паутины жизни; впечатлительных людей, очарованных словами; умозрительных; одновременно доверчивых и скептических; достаточно интеллектуально развитых, чтобы хотеть думать самостоятельно, а не в одиночку. достаточно интеллектуально дисциплинированы, чтобы делать это хорошо; убеждены, что в Библии есть и послание, и авторитет, и неспособны найти в своей традиционной интерпретации этого ни удовлетворяющую их весть, ни адекватно направляющий авторитет; нетерпеливы к дисциплине и трогательно стремятся к какому-нибудь короткому пути к счастью и благополучию. Миссис Эдди очень красноречиво говорила и писала для этого типа людей, особенно в американской жизни. Сам ее стиль, каким бы он ни был, когда его проверяют либо логикой, либо общепринятыми стандартами хорошего письма, тем не менее, понравился тем, кто сделал ее своей пророчицей.

Секрет могущества миссис Эдди и могущества ее системы после нее заключается в основном в ее существенном интеллектуальном родстве с таким характером и интеллектуальным статусом,

как этот, но она также обладала реальной мерой творческих способностей, заметным размахом спекулятивных способностей, редкой проницательностью и властным характером. миссис Эдди считала, что нашла свою систему в Ветхом и Новом Заветах, но это было не так. Она постепенно выстроила это на основе внушений, которые были даны ей с самого начала; она придала этому окраску и направление, исходя из своего собственного опыта; она доказала это к собственному удовлетворению в исцелениях, которые, казалось, были результатом этого, затем, насколько могла, вписала все это в рамки унаследованной ею христианской веры и вернула ее значение в Священные Писания. Это псевдофилософия, псевдохристианизированная (если можно так выразиться) любопытным сочетанием изобретательности, преданности, главной силы и даже неуклюжести. И хотя христианская наука продолжает существовать сегодня скорее как религия, чем как философия или система исцеления, она устоит или рухнет с интеллектуальной точки зрения как философия, а не как религия.

Философские основы христианской науки

Это, по сути, идеалистический монизм, основанный на тщательно отобранных фактах и зависящий для своего доказательства от определенных результатов в опыте тех, кто его принимает. Идеализм, потому что для миссис Эдди не существует никакой реальности, кроме разума, монизм, потому что для миссис Эдди существует только одна реальность, и это Бог. Для определения Бога она предлагает только синонимы и утверждения, хотя здесь, возможно, она следует лишь обычной процедуре теологии. Бог — это божественный Принцип, Жизнь, Истина, Любовь, Душа, Дух, Разум - и все это пишется с заглавной буквы, поскольку в философии христианской науки имеет огромное значение, пишутся ли такие знакомые слова, как эти, с заглавной буквы или нет. Из собственных слов миссис Эдди можно было бы довольно эффективно доказать то, что неоднократно утверждалось: христианская наука не предлагает личного Бога, но вся наша терминология в этой области неизбежно несколько расплывчата, хотя ее терминология чрезмерно расплывчата. Некоторые из ее определений Бога столь же личностны, как Вестминстерский катехизис или Тридцать девять статей. Автор полагает, однако, после такого беспристрастного рассмотрения философии христианской науки, какое он в состоянии дать, что в ее философской основе не имело бы абсолютно никакого значения, понимался ли Бог как личность или нет. Если бы Бога христианской науки воспринимали просто как возвышение абстрактного идеализма или философского Абсолюта, было бы обеспечено все, что обеспечено иным образом.

До определенного момента христианская наука идет рука об руку с другими идеалистическими системами. Начиная с Платона, у нас было множество философов, которые стремились построить для нас вселенную, единственной реальностью которой является разум и его атрибуты, или, возможно, более технически, сознание и его содержание. Действительно, достаточно сложно соотнести внешний и внутренний мир, как только мы начинаем думать об этом (хотя, к счастью, в практической жизни это не так сложно, как представляют философы, иначе мы были бы в безнадежном состоянии), и для одного типа ума достаточно естественно упростить проблему, сделав мир внутри единственным миром. Не было недостатка и в тех, кто стремился свести все к единой реальности, будь то материя или разум, и с тех пор, как у нас вообще появилась теология, сбитое с толку человечество стремилось примирить доброту и могущество Бога с грехом и печалью нашего беспокойного мира.

Но христианская наука довольно скоро расстается с этим великим сообществом мечтателей и философов и придерживается своей собственной линии. Она утверждает, что сознание и его содержание являются единственной реальностью; она утверждает, что божественный Разум является конечной и все обуславливающей реальностью; она утверждает, что любовь и доброта являются конечными качествами божественного Разума, но она решает проблему греха и зла, отрицая им вообще какую-либо реальность. (Здесь это более или менее согласуется с определенными формами мистицизма.) Но даже когда христианская наука разрубает этот гордиев узел, она создает для себя еще один набор трудностей и вовлекает себя в те противоречия, которые в конечном итоге приведут к ее гибели как философии.

Он стремится решить проблему Зла. Противоположные решения

То, к чему стремится христианская наука, - это идеальный порядок с содержанием безусловного добра, и она обеспечивает это, отрицая реальность каждого аспекта опыта, который либо бросает вызов, либо противоречит ее собственному идеализму. Таким образом, отличительной чертой христианской науки являются не ее утверждения, а ее отрицания. Все системы философского идеализма сталкиваются практически с одной и той же проблемой и предлагают различные решения. Чаще всего они разрешают зло любого рода — а зло здесь используется настолько широко, что включает грех, боль и печаль, — превращая его в высшее благо.

Таким образом, зло - это "незрелое добро", одна из стадий процесса эволюции, которая, пройдя свой совершенный и всепреобразующий путь, покажет, что и моральное, и физическое зло вовсе не было злом, а просто аспектами жизни, достаточно сложными в то время и достаточно озадачивающими сами по себе, но имеющими свою особую ценность, если рассматривать их в их связи с конечным целым. Подобный подход никоим образом не уменьшает для человека ни реальности боли, ни печальных последствий греха, но он просит его судить о мудрости и любви Божьей не по их преходящим фазам, а по их результату в виде богатства и ценности характера.

Роберт Браунинг стойко воспевал это на протяжении долгого поколения, преодолевая трудности исключительно силой непобедимого оптимизма и подчиняя аргументы лирической страсти.

"Зло ничтожно, это ничто, это тишина, подразумевающая звук;
То, что было добром, будет добром, а для зла еще больше добра;
На земле сломанные дуги; на небесах идеальный круг.

"И что является нашим поражением здесь, как не свидетельство триумфа
Полноты дней? Мы увяли или страдали?
Почему еще затянулась пауза, как не для того, чтобы оттуда могло раздаться пение?
Зачем врываться в диссонансы, если гармонию следует ценить?"

Другие утверждают самоограничение Бога.^[30] В своем уважении к той человеческой свободе, которая является основой саморегулируемых личных действий и, следовательно, существенным условием характера, Он как бы останавливает Себя на пороге человеческой личности и вверяет Своих детей моральной борьбе, оправдывая неизбежные случаи морального поражения величиим целей, которые должны быть достигнуты. Значительная часть

того, что мы называем злом — расширяя зло, чтобы оно включало в себя не только моральное поражение, но и боль, — является либо следствием, либо побочным продуктом того, что Генри Черчилль Кинг называет борьбой за характер. Такое решение, как это, согласуется с любовью к Богу и моральным устоями; согласуется ли оно с основательным монизмом или нет - это другой вопрос. Уильям Джеймс сомневался в этом и поэтому откровенно принял плюрализм — который, возможно, является просто способом сказать, что мы не можем примирить противоборствующие силы в нашем мировом порядке с одной всемогущей державой - в качестве своего решения проблемы.

[30] Уокер, например, в его чрезвычайно наводящем на размышления Духовном монизме и христианском теизме.

Джосайя Ройс с помощью долгих и тонких аргументов доблестно отстаивал доброту целого, несмотря на зло случайного. "Вся конечная жизнь - это борьба со злом. И все же, с конечной точки зрения, Целое хорошо. Временный Порядок ни в один момент не содержит ничего, что могло бы удовлетворить. И все же Вечный Порядок совершенен. Мы все согрешили и лишены славы Божьей. Однако именно в нашей жизни, рассматриваемой во всей ее полноте, слава Божья проявляется полностью. Эти жесткие высказывания являются глубочайшим выражением сути истинной религии". [31] Он находит корень зла в неудовлетворенности конечной воли — неудовлетворенности, которая, с другой стороны, является секретом окончательного торжества добра.

[31] "Мир и личность", Ройс, том. II, глава 9—passim.

Мы также страдаем из-за нашей инволюции в "интересы и идеалы обширных сфер других сознательных и конечных жизней, неудовлетворенность которыми становится частью жизни каждого отдельного человека, когда соответствующий человек в настоящее время не может понять, как и почему его собственные идеалы таковы, что эта неудовлетворенность стала его судьбой". Мы страдаем также из-за наших связей с природой, тем не менее "само это присутствие зла во временном порядке является условием совершенства вечного порядка". В аргументе, который еще предстоит процитировать, он определенно отвергает вывод мистика о том, что "переживание зла - это переживание нереальности ... иллюзия, сон, обман" и завершает: "Короче говоря, нигде во Времени нельзя найти совершенства. Наше утешение заключается в знании Вечного. Укрепленные этим знанием, мы можем обрести самую продолжительную из временных радостей, сознание, которое заставляет нас с восторгом разделять тяжкую славу мира и принимать участие в его божественных скорбях, — уверенность в том, что эти скорби являются средством вечного торжества, и что эта слава является сокровищами дома Божьего. Когда однажды это утешение приходит к нам, мы можем бежать и не уставать, ходить и не падать в обморок. Ибо наша временная жизнь - само выражение вечного триумфа".

Можно серьезно усомниться в том, что философия когда-либо так полно обосновывала свою позицию, как думает профессор Ройс. Он утверждает в качестве аргументированного вывода философии то, что является скорее верой, чем доказательством, но, тем не менее, до сих пор всякое честное мышление было достаточно смелым, чтобы признать реальность зла и испытать силу Бога, Его любовь и благость не реальностью нынешней боли или смущением от нынешнего греха, а скорее силой, которую Он предлагает нам расти через боль к здоровью или переносить боль настолько, чтобы сделать ее реальным вкладом в характер, и настолько подняться над

грехом, чтобы сделать покаяние и исповедь, борьбу за добро и достижение его также вкладом в характер. Итак, святой Павел уверяет нас, что все вещи действуют сообща во благо для тех, кто любит Бога. "Готовность, - говорит Хокинг, - противостоять любому злу, в нас самих и вне нас, с прямолинейной научной совестью фактов; готовность заплатить полную причинно-следственную цену за устранение порока; без такого рода целостности никогда нельзя обойтись ни в одной оптимистической программе".[32]

[32] "Значение Бога в человеческом опыте", стр. 175.

Сэр Генри Джонс придерживается той же линии. "Первое условие для разрешения противоречия между требованием религии о совершенстве Бога и, следовательно, окончательной победой добра в другом - это честное признание того, что противоречие существует и неизбежно; хотя, возможно, как и другие противоречия, оно существует только для того, чтобы быть разрешенным".[33]

[33] "Вера, которая вопрошает", стр. 45.

Божественный Разум и Смертный Разум

Христианская наука решает эту проблему, как уже было сказано, отрицая реальность зла, но поскольку у нас есть множество свидетельств боли и нездоровья, миссис Эдди идет на шаг дальше. Она отрицает реальность показаний органов чувств везде, где речь идет о боли и нездоровье.[34] (Отрицание миссис Эдди реальности греха вряд ли можно сравнить с ее отрицанием реальности физических недугов.) И вот приходит слово, которое призвано нести более тяжелый груз, чем любое бедное слово, когда-либо отягощавшее его прежде. Все, что связано с признанием физических недостатков, и действительно, все, что связано с признанием материальной стороны существования, является ошибкой. (Оказавшись на верном пути, миссис Эдди считает все, что стоит у нее на пути.) То, что можно назвать целой теневой стороной опыта, не только игнорируется, оно отрицается, и все же, прежде чем это можно будет объяснить, это должно быть объяснено. Короче говоря, для миссис Эдди и ее последователей это творение смертного разума. Смертный разум, говорит она, "это ничто, претендующее на то, чтобы быть чем-то; мифология; ошибка, порождающая другие ошибки; предполагаемый материальный смысл; ... то, чего не существует в науке и что не может быть распознано духовным чувством; грех; болезнь; смерть".[35]

[34] "Наука и здоровье", последнее издание, стр. 108, 120, 293, 488.

[35] Там же., стр. 591.

Смертный разум - это та сторона нас, которая принимает нашу запутанность в фактах и силах мирового порядка, и на смертный разум, который так смутно понимается, миссис Эдди перекладывает весь груз ответственности за все неблагоприятные аспекты опыта и обуславливающих обстоятельств. Она наделяет его удивительной творческой силой. Он создал все, что миссис Эдди не любит и во что не верит. Другими словами, существует не одна реальность, а две, одна - реальность благополучия, другая - реальность несчастья и страданий, но, согласно миссис Эдди, первая реальность - единственная реальная реальность, вторая - нереальная реальность, которую мы сами создаем с помощью ложных убеждений и которой мы можем избежать в любой момент, просто сместив центр нашего творческого идеализма. миссис Эдди делает то, что она подразумевает под смертным разумом, достаточно ясным

посредством бесконечного повторения и некоторого анализа, но она ни на мгновение не объясняет его существование. Это не творение того, что она называет божественным Разумом; на самом деле, по сути, она говорит, что Бог вообще не осознает этого; это находится полностью за пределами Его знания. (Стр. 243.)

Бог Добр. Поскольку Он добр, Он не может ни создавать, ни нести ответственность за боль, печаль или страдание, ни даже признавать их. "Божественный Разум не может страдать" (стр. 108, также стр. 335), "не несет ответственности за физические и моральные катастрофы" (стр. 119). Бог не создавал материю (Отец-разум не является отцом материи) (стр. 257), поскольку материя означает боль и смерть, и подобные вещи никоим образом не относятся к порядку Божественного Разума. Они не признают реальности истинного идеализма миссис Эдди. Человек - это "духовная идея Бога", и поскольку он по праву принадлежит к порядку, в котором нет ни греха, ни печали, ни смерти, подобные вещи не имеют для него реальности, кроме той, которую он признает. Что действительно допускает их, так это смертный разум, представитель другой системы верований, в которой человечество каким-то образом запуталось, что на самом деле никогда не объясняется, и мы, по-видимому, можем перейти от одного порядка к другому, просто изменив наши верования. Ибо вся темная сторона жизни реальна только тогда, когда мы принимаем ее или верим в нее; как только мы перестаем верить в нее или отрицать ее, она перестает существовать.

Насколько можно судить, это миф, иллюзия, истоки которой теряются во мраке и которая из-за отсутствия откровения, дарованного через нее, продолжалась из века в век необразованными или введенными в заблуждение. Например, мышьяк не является ядом, так нам говорят снова и снова. Это яд только потому, что люди думают, что это так; [36] это начало быть ядом только потому, что люди думали, что это так, это продолжает быть ядом только потому, что большинство людей думают, что это так сейчас, и, таково тонкое и далеко идущее влияние разума на разум, это будет оставаться ядом до тех пор, пока кто-либо продолжает в это верить. Если мы все верим, что Мышьяк - это не яд, то он и не будет ядом. То есть яды - это творение смертного разума. Боль остается болью только из-за той же ошибочной веры в ее реальность. "По всеобщему согласию смертная вера провозгласила себя законом, обрекшим смертных на болезни, грехопадение и смерть". И так далее с большим размахом и почти бесконечным повторением.

[36] Страница 178.

Существенные ограничения системы миссис Эдди

Поскольку материя обуславливает нас, рожденных быть необусловленными, и поскольку материя, по-видимому, является корнем стольких бед,местилищем стольких страданий, материя сопутствует всему остальному. Миссис Эдди не всегда последовательна в своем рассмотрении материи; иногда она ограничивается утверждением, что в материи нет ни ощущения, ни жизни — что может быть достаточно правдой, за исключением того, что материя одновременно дает материал для ощущений и обуславливает их формы, что является огромным ограничением, — но снова и снова она называет материю иллюзией. Последовательно законы физики и химии должны исчезнуть вместе с законами гигиены и медицины, но миссис Эдди не заходит так далеко, хотя было бы трудно найти логическое место остановки, если вы придерживаетесь этой линии. По-видимому, источником всех этих иллюзий является смертный разум.

То, как миссис Эдди распоряжается материей, наряду с ее постоянным возвращением к ее обманчивому мастерству в опыте, является выдающимся аспектом ее книги. Автор склонен полагать, что формула миссис Эдди: "Существует ... неважно в жизни и нет жизни в материи" — это отголосок знаменитого высказывания Тиндалл, сделанного примерно в то время, когда она работала со своей системой, о том, что он нашел "в материи обещание и мощь всей жизни". В "Науке и здоровье" на удивление мало ссылок на философские или научные источники. В некоторых изданиях цитируется "физиология Каттера" — старый учебник, который, как помнит автор, он нашел среди школьных учебников своей матери. Есть несколько ссылок на популярную астрономию, но в целом для миссис Эдди современная наука не существует, кроме как в самом общем виде как ошибочное выражение ошибки и всегда с маленькой "s" вместо заглавной "S" в ее собственной системе. Она также не проявляет никаких знаний о других философских идеализмах и не знакома с каким-либо решением проблем, с которыми она столкнулась, за исключением общих мест евангельской ортодоксии. "Наука и здоровье" также ничего не знает ни о какой медицинской науке, кроме эмпирических методов медицинской науки 1860 и 1870 годов.

Но на нее, как на женщину с живым умом, не могла не повлиять полемика, которая в семидесятые и восьмидесятые годы бушевала вокруг довольно грубого и буквального материализма, и ее труды, вероятно, отражают — с большой долей косвенности — эту полемику. Вот возможный ключ ко многим вещам, которые в остальном достаточно загадочны. Она, по-своему, защитница идеалистической интерпретации реальности и опыта. Теперь все идеалистические системы должны были каким-то образом распоряжаться материей. Как правило, идеалисты находят в материи только отражение в сознании материала, поставляемого чувственным опытом, и поскольку исходный материал во всех отношениях настолько отличается от ментального отражения, идеалист может правдоподобно отстаивать свою позицию, предполагая, что материя в ее феноменальных аспектах действительно является творением мысли. Но он должен объяснить ее постоянство и последовательность опыта, обусловленного таким образом. Он делает это, предполагая, что весь взаимосвязанный порядок должен поддерживаться, так сказать, в решении, в какой-то более крупной системе мышления, которая действительно обеспечивает нам наше окружение, и если он одновременно набожный и последовательный, он называет это Богом мысли.[37] Таким образом он решает свою проблему — по крайней мере, к собственному удовлетворению - и даже обеспечивает основу для теистической веры. Но он не отрицает действующей реальности своего так называемого материального опыта и, подобно миссис Эдди, не принимает один аспект этого опыта и не отрицает другой. Это философски невозможно.

[37] Со Ройс в книге "Мир и личность".

Последовательный теистический монизм должен находить в материи тот или иной аспект самораскрытия Бога. Возможно, будет нелегко выяснить, каким образом психическое "низводится" до физического. (В этом основная трудность всего креационизма.) Но что-то должно быть допущено, чтобы получить продолжение в любой области мысли, и в таком преобразовании материи в силу, а силы в всегда более тонкие и невесомые формы — что является тенденцией современной науки — есть многое, что делает это допущение менее трудным для рационального воображения, чем, возможно, любое другое, которое нас просят сделать. Когда конечные элементы материи становятся электронами, а электрон воспринимается как напряжение в магнитном поле, и, следовательно,

"Башни с облачными шапками, великолепные дворцы,
торжественные храмы, сам огромный земной шар,
Да, все это неотъемлемо",

станьте проекцией в чувственно воспринимаемую форму потока бесконечной и вечной энергии, и нетрудно определить эту энергию в терминах божественной воли. Действительно, трудно не поступить именно так. Но в такой резолюции, как эта, нет места выводам "Науки и здравоохранения".

Или же мы можем принять в той или иной форме дуализм, в котором практический ум обычно довольствуется отдыхом. Согласно этой точке зрения, мы имеем дело с реальностью, которая может быть известна в двух аспектах. Это химическое действие и взаимодействие элементов — и разум, который измеряет и комбинирует их; это физическое действие и взаимодействие силы — и разум, который направляет процесс. Биологически "живое существо дает отчет о себе двумя способами. Оно может познать себя как нечто протяженное и замысловато построенное, горящее, движущееся, пульсирующее; оно также может познать себя как вместилище ощущений, перцепций, чувств, желаний, мыслей. Но нет одного процесса, мышления, и другого процесса, церебрального метаболизма (жизненно важных процессов в нервных клетках); есть психофизическая жизнь — реальность, которую мы знаем в двух аспектах. С этой точки зрения, церебральный контроль и ментальная активность являются различными аспектами одного естественного явления. То, с чем мы должны иметь дело, - это объединенная жизнь психофизического существа, тела-разума или разума-тела".[38] Короче говоря, за пределами обложек ее собственной книги нет философии или науки, к которым миссис Эдди могла бы обратиться за поддержкой, и хотя это не доказывает обратное — она может быть права, а вся дисциплинированная мысль ее времени ошибочна, — это последнее предположение настолько маловероятно, что исключает его во внесудебном порядке.

[38] Дж.А. Томсон, "Очерк науки", стр. 548.

Материализм, против которого она борется, перестал существовать. Материя, которую она отрицает, не существует в смысле ее отрицания. Даже когда она писала, была линия, о которой она, по-видимому, совершенно не знала, которая с тех пор получила огромное развитие, и все это, естественно, вообще не отражено в ее работе. Она более безнадежно оторвана от трудоемких и твердо установленных выводов современной мысли во всех областях, чем первые главы Книги Бытия, поскольку там можно, по крайней мере, заменить науку 3000-летней давности наукой сегодняшнего дня и все еще сохранять непреходящие идеи веры, озвученные тогда, но невозможно приспособить "Науку и здоровье" ни к науке, ни к философии двадцатого века. Последовательному ученому—христианину следует примирить свое евангелие с более свободными движениями мира, гражданином которого он по—прежнему является - хотя, возможно, это также можно противопоставить современной христианской вере, - но все это является захватывающим свидетельством способности человеческого разума организовываться в отсеках, между которыми нет никакой связи.

Опыт и жизнь

За всем этим стоит факт, который "Наука и здоровье" не принимает во внимание — обусловленность сознательной жизни и опыта работы материальным окружением, каким бы оно

ни было задумано. Это верно для каждой фазы жизни, и весь наш последующий акцент на силе ума в том или ином направлении, позволяющем избежать этой обусловленности, едва ли влияет на ее масштабную реальность. Христианская наука вообще не делает попыток избежать этого — за исключением области физического здоровья, — или же она обеспечивает алиби фразой: "Я еще не продемонстрировал это в этой области". Но таким образом это не избавляет от ограничений, наложенных на всех нас, и если мы осмелимся на мгновение стать догматичными, этого никогда не произойдет. В лучшем случае мы живем в режиме взаимных уступок, и если благодаря дисциплине и расширению знаний мы можем немного раздвинуть границы, которые нас ограничивают, и утвердить превосходство души над материалом, с которым она так тесно связана, мы делаем даже это медленно и с большими затратами и всегда в соответствии с законами материи, которой мы овладеваем.

Здесь есть множество свидетельств, которые нельзя игнорировать больше, чем гравитацию, и мы наилучшим образом избавляемся от связи личности с материальной тканью тела и миром, частью которого она является, не отрицая их взаимозависимости, но открывая в них законы и методы бесконечной мудрости. Вот служения, через которые мы приходим к осознанию самих себя, вот материалы, на которых мы проявляем свою силу, вот реальности, которые крепко удерживают нас в нормальной и понятной жизни, вот хозяева, чье правление доброе, и слуги, чье послушание придает нам сил. Они обуславливают как наше счастье, так и наши несчастья и служат для нас струнами той чувственной арфы, на которой звучит музыка жизни. Жизнь действительно обретает свое духовное содержание через действие и взаимодействие устремленного "я" со своим окружением — будь то близкое окружение, подобное протесту расстроенной телесной клетки, или отдаленное, как Орион и Плеяды.^[39] Сами слова, которые использует миссис Эдди, были бы праздными, если бы это было не так, и хотя убежденный защитник ее системы может прочесть в ее строках разрешение всего этого, основы ее системы отрицают это.

^[39] "И я склонен думать, что ошибка забывания этого духа для того, чтобы быть реальным, или что принципы, будь то мораль, религия или знание, должны быть воплощены во временных фактах, является не менее катастрофической ошибкой, чем ошибка наук, которые не усвоили, что естественное, когда весь его смысл высвобождается, расцветает в духовное, как дерево в духовное. цветок. Религии, философии и науке также еще предстоит более полно усвоить, что все, что может касаться человека, занимать его разум или воздействовать на его волю, лежит в точке пересечения естественного и духовного". — "Вера, которая вопрошает", стр. 27.

Именно здесь христианская наука терпит крах как философски, так и практически. Тем не менее, это дуализм, потому что он отрицает, что это так. Он сталкивается не с одним, а с двумя уровнями реальности; он ничего не выигрывает, делая смертный разум злодеем в пьесе. Он вынужден признать существование реальности, которую он отрицает, даже в самом факте ее отрицания. То, что мы отрицаем, существует для нас — иначе мы не могли бы это отрицать. Ройс выразил все это ясно, решительно, окончательно. "Мистик сначала отрицает реальность зла. Его спрашивают, почему же тогда кажется, что зло существует. Он отвечает, что это наша конечная ошибка. Конечная ошибка сама по себе, как источник всех наших бед, становится злом. Но никакое зло не реально, следовательно, никакая ошибка не может быть реальной, следовательно, мы на самом деле не ошибаемся, даже если предполагаем, что зло реально. Здесь мы возвращаемся к нашей отправной точке и можем надеяться спастись только утверждением, что ошибочно утверждать, что мы действительно ошибаемся или что мы

действительно верим в реальность ошибки, и с таким началом процессу действительно нет конца, и ни на одной стадии этого процесса нет последовательности".^[40] Все это достаточно тонко, но если мы хотим создать наш мир, думая и не думая о нем, все это неизбежно верно.

^[40] "Мир и личность", том. II, стр. 394.

Более того, когда вы свели один диапазон переживаний к иллюзии, нет абсолютно ничего, что могло бы спасти остальные. Если зло - это ошибка, а ошибка - зло, и вера в то, что зло - это иллюзия, сама по себе иллюзия, что может гарантировать реальность добра? Меч, которым миссис Эдди разрубила узел проблемы зла, обоюдоострый. Если оптимист отрицает зло ради добра и указывает в качестве доказательства на твердую согласованность более счастливой стороны жизни, пессимист может с таким же основанием отрицать добро ради зла и указывать в качестве доказательства на твердую согласованность более печальной стороны жизни; у него не будет проблем с поиском фактов. Если болезнь - это сон, то и здоровье - это тоже сон. Как только мы принимаем иллюзию за руководство, мы не останавливаемся, пока все не станет иллюзией. Восточный мистик, который прошел этот путь задолго до миссис Эдди и который продумал его с проницательной тонкостью, на которую она была неспособна, пришел к единственному логическому выводу. Весь опыт - иллюзия, полная отрешенность от действия - единственная мудрость, а погруженность в бессознательное нечто, которое лишь ускользает от бытия ничем, - это наша предначертанная судьба:

"Мы - такой материал,
Из которого сделаны мечты,
И наша маленькая жизнь
Завершается сном".

Показания органов чувств Нельзя принимать за Здоровье и отвергать из-за болезни

Таким образом, христианская наука - это не монизм, это скорее дуализм; она противостоит не одной, а двум областям реальности и вынуждена признать существование реальности, которую она отрицает, даже сам факт ее отрицания, поскольку философская аксиома гласит, что то, что мы отрицаем, существует для нас — иначе мы не могли бы это отрицать. Отрицание - это признание реальности в такой же степени, как и утверждение. Повторяю, именно этот непрерывный переплетенный процесс попыток примирить односторонний идеализм христианской науки с необходимостью ее аргументации и фактами жизни придает "Науке и здоровью" то, что можно назвать ее странно бифокальным характером, хотя на самом деле это несколько вводящая в заблуждение цифра. Читая книгу, испытываешь то же самое, что и пытаешься читать через расфокусированные очки; ты всегда просто видишь и просто упускаешь, потому что сама миссис Эдди всегда просто видит и просто упускает действительно великую истину.

Эта фундаментальная непоследовательность пронизывает всю систему вплоть до ее практического применения. Христианская наука отрицает свидетельства чувств о болезни и, тем не менее, принимает их как свидетельство здоровья. Она идет дальше этого, она принимает показания органов чувств других людей — врачей, например, принимая их диагноз. Издание "Наука и здоровье", опубликованное в 1918 году, предлагает в восемнадцатой главе сто страниц

свидетельств, присланных теми, кому различными способами помогла их вера. Эти письма насквозь пронизаны признанием показаний органов чувств, которые невозможно объяснить никакими объяснениями. "Я был поражен фиброзной опухолью, которая весила не менее пятидесяти фунтов и сопровождалась непрерывным кровоизлиянием в течение одиннадцати лет". Если у чувств вообще есть какой-то язык, то это их язык. Рост не может быть признан фиброзной опухолью без показаний органов чувств, ни его вес не может быть оценен без показаний органов чувств, ни непрерывное кровотечение не может быть зарегистрировано, или его прекращение не может быть известно без показаний органов чувств, ни эпилепсия не может быть диагностирована, ни приступы желчи не могут быть распознаны без показаний органов чувств. На странице 606 благодарный ученик свидетельствует об исцелении сломанной руки, свидетельством чему является посещение кабинета врача, "где они экспериментировали с рентгеновским аппаратом. Доктор указал на то, что это место было немного толще в этой части, как кусок стали, который был приварен". Другими словами, христианская наука не может разобраться в своих аргументах без признания достоверности чувственного свидетельства, истинность которого отрицает ее философия.

Миссис Эдди, кажется, отмечает все это в одном коротком абзаце. "Болен ли человек, если материальные ощущения указывают на то, что он в добром здравии? Нет, ибо материя не может создавать условий для человека. И здоров ли он, если чувства говорят, что он болен? Да, он преуспел в Науке, в которой здоровье - это нормально, а болезни - ненормальны".^[41] Если миссис Эдди и ее последователи верят в столь надуманное утверждение, как это, чтобы освободить их от непоследовательности, которая является центральной во всем их споре, они могут верить в свою веру, но непоследовательность все еще остается. Вы можете далеко зайти, используя слова в пиквикистанском смысле, но есть предел. Последовательный идеализм философски возможен, но это должен быть гораздо более всеобъемлющий и глубоко аргументированный идеализм, чем христианская наука. Самые радикальные идеалисты принимали свидетельства чувств как часть необходимого образа жизни, как это сейчас обусловлено. Все остальное привело бы нас к невыразимому замешательству, пустому восприятию его содержания, разрушило бы все контакты с жизнью и остановило бы нас на нашем пути, поскольку мы не можем безопасно ступить шагу без показаний органов чувств, а любая схема вещей, которая стремится различать различную достоверность показаний органов чувств, принимая только свидетельства органов чувств о здоровье и благополучии и отрицая достоверность всего остального, что они регистрируют, - это просто огромный каприз, который рухнет при любом рассмотрении.

^[41] Страница 120. Справедливо будет сказать, что миссис Эдди затрудняется из-за того, что ей самой не хватает ясности в высказываниях. Фраза (так часто используемая в "Науке и здоровье") "в науке", вероятно, в ее сознании эквивалентна "в идеальном порядке", и если бы миссис Эдди ясно увидела и четко сформулировала, чего она добивается: что вся теневая сторона жизни принадлежит нашему нынешнему миру разделенных сил, враждующих сил и незавершенных предприятий, что у Бога есть нечто лучшее для Своих детей, к чему нас ведет дисциплина опыта, и что поэтому мы можем стремиться постичь и утвердить этот идеальный порядок и стать его гражданами телом, разумом и душой, она избежала бы совершенной паутины противоречий. и соответствовал не только великим философиям, но и исторической христианской вере. Но тогда христианская наука не была бы христианской наукой.

Неизбежная Реальность Затененного Опыта

Зло не перестает существовать оттого, что его отрицают. Принятие показаний органов чувств так же необходимо в области боли и нездоровья, как при вождении автомобиля по многолюдной улице гипотеза о вводящем в заблуждение смертный разум, вместо того чтобы все объяснить, сама требует объяснения. То, что миссис Эдди называет смертным разумом, - это всего лишь реестр дорого приобретенного опыта расы. Мы начинали только с того, что обладали способностью чувствовать, бороться, желать и думать. Мы были достаточно слепы и глупы, но, в конце концов, нас можно научить, и на основе нашего опыта и наших размышлений мы создали всю великолепную и надежную совокупность человеческих знаний. То, что мы знаем о боли, само по себе является результатом всех страданий нашего вида. Мы начинали без развитой философии или каких-либо предпосылок о чем-либо. Опыт отражает всеобъемлющую реальность, которой мы можем избежать, только если сделаем ее законы нашими служителями. Мы не давали огню силы гореть, мы обнаружили это только в школе прикосновения пламени. Мы не давали острой стали резать, мы убедились в этом через смерть и кровоточащие раны. Мы не придавали ядам их смертоносной силы, наше отношение к ним - просто результат нашего опыта общения с ними.

Поскольку мы обусловлены теми законами и силами, с которыми наше нынешнее существование бесчисленными способами неразрывно переплетено, наши проверенные и просеянные убеждения являются всего лишь результатом действия и взаимодействия получателя или творческой личности со своим окружением, старым, как человеческое сознание, и если во всем этом мы убедились в боли, страдании и затемненном опыте, то только потому, что они настолько реальны, насколько вообще могут быть реальны любые элементы опыта. Пытаться выписать их, или отрицать, или жонглировать ими любым способом, кроме как храбро встречая их и смиренно получая от них наставления, и используя весь ресурс дисциплинированной силы, освобождаясь от них путем устранения причин, которые их создают, - значит обманывать себя словами, теряться в тенях, которые мы ошибочно принимаем за свет, и даже если в некоторых регионах нам кажется, что это удастся, то только ценой того, что горше боли и смертельнее ран - потери ментальной и духовной целостности. Это слишком высокая цена, чтобы платить за простое исцеление.

VI

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА КАК ТЕОЛОГИЯ

"Наука и здоровье" предлагается, среди прочего, в качестве ключа к Священным Писаниям, и наряду со своей интерпретацией как Ветхого, так и Нового Заветов в терминах своей особой философии миссис Эдди переписывает великие статьи христианских символов веры. Внимательный исследователь психических процессов миссис Эдди способен в этой области понять их лучше, чем она понимала их сама. Начнем с того, что у нее было унаследованное благоговение перед Библией как авторитетом для жизни, и она разделяла со многими другими трудность, о которой уже не раз упоминалось. Для того, что можно назвать типичным протестантским сознанием, Библия - это окончательное откровение Бога, управляющее, если только мы сможем прийти к его пониманию, как нашей верой, так и нашим образом жизни, но недостаток истинного понимания ее и, прежде всего, обременение ее унаследованной традицией затуманили ее свет для множества набожных душ.

Наука и здоровье, предлагаемые в качестве ключа к Священным Писаниям

Такие, как они, почти с трогательной готовностью принимали любое толкование, каким бы причудливым оно ни было, которое, казалось, придавало понятный смысл трудным отрывкам, или примиряло противоречия, или делало их более практичным руководством в жизни. Таким образом, любой культ или теория, которые, казалось бы, могут обеспечить себе авторитет Библии, получили непосредственное огромное подкрепление в своей привлекательности для набожных и сбитых с толку людей, и миссис Эдди в полной мере воспользовалась этим преимуществом. Ее книга изобилует ссылками на Священные Писания; две из ее глав представляют собой изложения библейских книг (Бытия и Откровения); а другие главы посвящены великим доктринам Церкви.

Это игнорирует все признанные каноны толкования Библии. Иллюстрации

Миссис Эдди, естественно, искала авторитет для своей философии под обложками Священных Писаний. Вне всяких споров, ее учения продвинулись гораздо дальше, чем они могли бы быть в противном случае, в том смысле, что она утверждает, что они основаны на Священных Писаниях, и они должны быть рассмотрены в этом свете. В настоящее время существуют определенные здравые и общепризнанные правила, регулирующие научный подход к Ветхому и Новому Заветам. Слова должны восприниматься в их простом значении; их следует понимать в их связи с контекстом. Книгу следует изучать также в свете ее истории; необходимо учитывать время, место и цель ее составления, насколько это известно; в текст не вносятся никакие изменения, кроме критических исправлений, не предлагаются переводы, не подтвержденные общепринятыми текстами, не допускаются никакие вольности с грамматическими конструкциями. С помощью таких простых тестов, как эти, использование миссис Эдди Священных Писаний не выдерживает никакой проверки. Она нарушает все признанные каноны толкования Библии почти на каждой странице.^[42]

^[42] Это краткое — и христианский ученый может возразить — опровержение утверждения о том, что "Наука и здоровье" являются "ключом к Священным Писаниям". Но углубившись в подробное изучение ее метода и выводов, мы ничего не добьемся — за исключением ненужного удлинения этой главы. Она обладает проницательностью, воображением, безграничным аллегорическим ресурсом, но вся Библия под ее прикосновением становится пластичным материалом, который подчиняется ее особой цели с помощью пропусков, вычитываемых значений и существенного и постоянного игнорирования простых значений. Для изучающего весь этот вопрос важен только как раскрывающий замешательство массового сознания, которое воспринимает такой метод как авторитетный.

Ее метод полностью аллегоричен, и достигнутые результаты обусловлены только изобретательностью комментатора. Потребовалось бы привести множество цитат со страниц "Науки и здоровья", что здесь невозможно, чтобы проследить за своеобразным толкованием миссис Эдди. Достаточно просто открыть книгу наугад, чтобы увидеть выдающиеся иллюстрации. Например, в Книге Бытия 1:6: "И сказал Бог: да будет твердь посреди вод, и да отделит она воду от вод". Слово "небесный свод" имеет свою собственную устоявшуюся коннотацию, полученную в результате тщательного изучения всех его употреблений. Мы можем понять ранние главы Книги Бытия не лучше, чем древнееврейскую космогонию, чем мы можем понять Данте без знания средневековой космогонии. Но, учитывая это знание, которым обладают все здравомыслящие ученые, мы можем, по крайней мере, понять, что означает этот

отрывок, даже несмотря на то, что мы давно оставили позади наивное представление о сводчатых небесах, к которым он относится.

Все это банальность, которую не стоит повторять за счет белой бумаги, на которой она напечатана, за исключением того, что игнорирование этого приводит к такой интерпретации отрывка, какую предлагает миссис Эдди: "духовное понимание, посредством которого человеческая концепция материального разума отделяется от Истины, является небесным сводом. Божественный Разум, а не материя, создает все личности, и они являются формами Разума, идеями Духа, проявляющимися только как Разум, но никогда как безмозглая материя или так называемые материальные чувства" (стр. 505). Комментировать не только сложно, но и невозможно перед лицом подобного метода. Если бы такая интерпретация была исключением, то могло бы показаться нечестным использование гиперкритичного характера для цитирования этого конкретного выражения мысли миссис Эдди. Но все ее отношение к Священному Писанию страдает от того же метода.

Все означает что-то другое. Ковчег - это "идея, или отражение истины, доказавшая свою бессмертность, как и ее Принцип". Вавилон - "саморазрушающая ошибка"; крещение - "погружение в Дух"; Ханаан - "чувственная вера"; Дан (сын Иакова) - "животный магнетизм"; голубь - "символ божественной науки"; земля - "прообраз вечности и бессмертия"; река Евфрат - "божественная наука, охватывающая вселенную и человека"; вечер - "туманность смертной мысли"; плоть - "ошибка, физическая вера"; Хам (сын Ноя) - "телесная вера"; Иерусалим - "смертная вера и знания, полученные от бога". пять телесных чувств"; ночь - "тьма; сомнение; страх"; фарисей - "телесная и чувственная вера"; река - "русло мысли"; скала - "духовное основание"; овцы - "невинность"; меч - "идея Истины".[43]

[43] Глоссарий, стр. 579—passim.

Миссис Эдди без колебаний вносит такие текстовые изменения в отрывки, которые соответствуют ее целям, и даже когда она не работает со своими текстами подобным образом, она постоянно цитирует для своих доказательств отрывки, которые ни по какому признанному канону толкования не могут означать то, что, по ее словам, они означают. Под ее прикосновением простые вещи становятся расплывчатыми, Псалмы теряют свою завораживающую красоту, даже Молитва Господня принимает форму, которую, мы можем благоговейно верить, ее автор не узнал бы.

"Отче наш: Матерь Божья, гармоничная, Обожаемая, пришло царствие Твое; Ты всегда присутствуешь. Дай нам возможность познать — как на небесах, так и на земле — что Бог всемогущ, всевышен. Дай нам благодать на сегодняшний день; накорми изголодавшиеся чувства; и любовь отразится в любви; и Бог не введет нас в искушение, но избавит нас от греха, болезней и смерти. Ибо Бог Бесконечен, вся Сила, вся Жизнь, Истина, Любовь над всем и Вся".

Его концепция Бога

То, что она попыталась вписать свои рассуждения в ткань теологии, которой обучалась она и большинство ее последователей, было столь же неизбежно, как и то, что она попыталась заручиться для своих рассуждений авторитетом Библии. Ей пришлось бы взять за отправную точку центральную роль Христа, выдающиеся христианские доктрины, особенно Воплощение и Искупление, и ей нужно было бы каким-то образом распорядиться Таинствами. Все это неизбежно подразумевается в настойчивом обозначении всей ее системы как христианской.

Заголовки глав в "Науке и здоровье" и последовательность глав являются ключом к движению ее ума; они определяются ее общими интересами. Брак находится на одном уровне с Молитвой, Искуплением и Евхаристией, а Животный магнетизм - с наукой, теологией и медициной. Трудно понять, с чего начать в столь запутанном регионе. Начнем с того, что ей мешает жесткость ее идеализма и, фактически, ограниченность как силы, так и личности Бога. Это утверждение, вероятно, было бы столь же резко опровергнуто апологетами миссис Эдди, как и все остальное в данном исследовании, но оно сделано не напрасно. С философской точки зрения он для миссис Эдди всего лишь возвышенный идеал, в соответствие с которым мы можем мыслить себя, изменив нашу систему убеждений. На самом деле, как мы увидим, эта концепция уступает эмоциональным и религиозным потребностям — она обязана это делать, — но теоретически она непреклонна.

Теперь общепринятая христианская концепция Бога совершенно иная. И Ветхий, и Новый Заветы представляют Бога, который с любовью и справедливостью осознает все наши нужды, который постоянно приближается к нам в различных призывах и подходах и который, прежде всего, в Воплощении совершил высший и спасительный подход к человечеству. Он не более жесток, чем жесткая любовь; Его отношение к нам, Своим детям, меняется, как отношение отца к меняющемуся характеру ребенка. Теперь все это может быть правдой или это может быть только мечтой наших странно чувствительных личностей, но независимо от того, правда это или нет, это христианская концепция, и любое отрицание этого или любая радикально иная замена этого не может называть себя христианской, за исключением того, что она вкладывает в слово христианские коннотации, которым оно до сих пор было совершенно чуждо.

Толкование Иисуса Христа миссис Эдди

Таким образом, миссис Эдди начинает с недостатка философии, которая может быть приспособлена к христианскому богословию только путем фундаментальных модификаций этого богословия. Трудно систематизировать полученный результат. Миссис Эдди проводит различие между Иисусом и Христом. Ее представление об Иисусе достаточно ясно, независимо от того, исторически оно верное или нет, но ее представление о Христе расплывчатое и изменчивое. Иисус, по-видимому, был первым христианским ученым, предвосхитившим, хотя и не полностью, его философию и продемонстрировавшим его практику. Его учения интерпретируются таким образом, чтобы придать им содержание христианской науки. Когда Он настаивал на заповеди: "Да не будет у Тебя других богов пред лицом Моим", на самом деле Он имел в виду следующее: "Ты не должен верить в Жизнь смертного; ты не должен знать зла, ибо Жизнь одна".[44] "Он доказал Своими делами, что христианская наука уничтожает болезни, грех и смерть. Наш Учитель учил не просто теории, доктрине или вере; это был божественный Принцип всего реального бытия, которому Он учил и практиковал".[45] "Он учил Своих последователей целительной силе Истины и Любви"[46] и "доказательства Истины, Жизни и Любви, которые дал Иисус, изгоняя заблуждения и исцеляя больных, выполнил Свою земную миссию".[47] "Над истиной, которой учил Иисус, старейшины насмехались, потому что она требовала большего, чем они были готовы практиковать".[48] Поэтому Они распяли Его, и казалось, что Он умер, но Он этого не сделал. Очевидно, Он не был мертв, когда Его похоронили, и три дня, проведенные в гробнице, дали Ему "убежище от Его врагов, место, где он мог решить великую проблему бытия". Другими словами, Он продемонстрировал Свое собственное исцеление в гробнице. "Он познакомился и освоил, на основе христианской науки, власть разума над материей, все требования медицины, хирургии и гигиены. Он не принимал

лекарств, чтобы снять воспаление; Он не зависел от пищи или чистого воздуха, чтобы восстановить растроченные силы; Ему не требовалось мастерство хирурга, чтобы залечить разодранные ладони и перевязать раненый бок и израненные ступни, чтобы он мог этими руками снять салфетку и простыню и чтобы Он мог использовать свои ноги, как раньше ".[49]

[44] Страница 19. Все цитаты взяты из последнего издания.

[45] Страница 26.

[46] Страница 31.

[47] Страница 41.

[48] Страница 41.

[49] Страница 44.

"Его ученики верили, что Иисус мертв, когда Он был сокрыт в гробнице, тогда как Он был жив, демонстрируя в тесной гробнице силу духа, способную взять верх над смертными, материальными чувствами". Его вознесение было последней демонстрацией, в которой Он "поднялся над физическими знаниями Своих учеников, и материальные чувства больше не видели Его". Он достиг этого совершенства демонстрации лишь постепенно и оставил после Себя неполное откровение, которому предстояло дожидаться своего полного освещения с приходом миссис Эдди и Христианской науки. Возможно, более справедливо, что Он оставил после Себя, по мнению миссис Эдди и ее последователей, свод учений, которые не могли быть ясно поняты до тех пор, пока она не пришла к завершению откровения. Во всяком случае, Христианская наука - это действительно Его второе пришествие.

Христианская наука Его Второе пришествие

В рекламе, напечатанной в нью-йоркской "Трибюн" от 23 января 1921 года, Августа Э. Стетсон говорит: "Христос в христианской науке пришел к пониманию тех, кто ожидал Его повторного появления". И если некоторые последующие предложения что-то значат, то они означают, что, по мнению последователей миссис Эдди, она завершает то, что начал Иисус, и исполняет пророчество о Его повторном появлении. "Ее земной опыт параллелен опыту ее Учителя; понимаемая в малой степени лишь немногими, кто смутно видит и принимает истину, она выстояла во время своей земной миссии и теперь стоит на горе духовного просветления, к вершинам которой не ступали ноги, кроме ног благословенного Учителя, сначала в муках, и, наконец, подобно Иисусу Христу, мужскому представителю Отцовства Бога, она, как женская представительница материнства Бога, появится в триумфальной демонстрации божественной силы и славы как объединенный идеальный мужчина по образу и подобию Божьему".

И, действительно, в "Науке и здоровье" нет недостатка в намеках, которые дают миссис Эдди уверенность в этой области, которой не обладал сам Иисус. Он запинаясь там, где она твердо ступила. Нет необходимости останавливаться на существенных упущениях, которых требует подобная интерпретация исторического Иисуса. Чрезвычайно трудоемкая и кропотливая наука, которая пыталась, как это ни странно, признать, обнаружить за евангельскими повествованиями фундаментальные факты и реалии Его жизни, полностью игнорируется. Миссис Эдди не имеет места для социальных аспектов учения Христа, более того, вся его

этическая система могла бы быть "затемнена"; что касается ее учения, то это не имело бы абсолютно никакого значения.

Миссис Эдди проводит различие, по крайней мере теоретическое, хотя в ее использовании терминов и нет последовательности, между Иисусом и Христом. "Иисус - это человеческий человек, а Христос - божественная идея; отсюда двойственность Иисуса, Христа" (стр. 473). "Иисус - это имя человека, который больше, чем все другие люди, представил Христа, истинную идею Бога, исцеляя больных и грешных и уничтожая власть смерти" (стр. 473). "В эпоху церковного деспотизма Иисус представил учение и практику христианства ... но чтобы следовать Его примеру и проверять его безошибочную Науку в соответствии с Его правилом, ... требуется лучшее понимание Бога как божественного Принципа, Любви, а не личности или человека Иисуса" (стр. 473).

Достаточно трудно понять, что именно это означает, но если стоять достаточно далеко от всего этого, кажется, что исторически Иисус сводится к первому выдающемуся учителю христианской науки и целителю. Иисус подтвердил то, что Он сказал, демонстрацией, таким образом придав Своим действиям более большое значение, чем Своим словам. Он доказал то, чему учил. Это Наука христианства. Иисус *доказал*, что Принцип, который исцеляет больных и изгоняет заблуждения, божественен" (стр. 473). Следовательно, исторически он представляет наибольшую ценность как представитель христианской науки, полная философия которой, по-видимому, ожидала более позднего откровения.

"Христос - это идеальная Истина, которая приходит, чтобы исцелять болезни и грехи через христианскую науку, и приписывает всю силу Богу" (стр. 473). "Он раскрыл Христа, духовную идею Божественной Любви" (стр. 38). Таким образом, Христос христианской науки - это идеальная Истина, духовная идея, по-видимому, абстракция. Но миссис Эдди непоследовательна в использовании этих двух имен. На одной странице Христос - это "духовная идея божественной Любви"; на следующей странице "нам нужен Христос, и Он распят" (стр. 39), хотя нам не сказано, каким образом идеальная истина или духовная идея может быть распята. Во многих своих отрывках миссис Эдди использует знакомое словосочетание "Иисус Христос", по-видимому, в его обычном значении.

Воплощение: Христианское богословие и христианская наука Действительно принадлежат к разным областям

О Воплощении говорится таким же расплывчатым образом. "Те, кто обучен христианской науке, достигли великолепного восприятия того, что Бог является единственным творцом человека. Дева-мать задумала эту идею Бога и дала своему идеалу имя Иисус".^[50] "Просветление духовного смысла Марии заставило замолчать материальный закон и его порядок зарождения и произвело на свет ее ребенка через откровение Истины. Святой Дух, или божественный Дух, затмил чистое чувство Девы-матери полным признанием того, что бытие есть Дух".^[51] "Иисус был потомком осознанного общения Марии с Богом".^[52] Все это не является ни честным сверхъестественным, ни честным принятием нормальных методов рождения. Конечно, это не равносильно евангельскому повествованию, независимо от того, будет ли оно принято или отвергнуто. Используя фразу, вошедшую в обиход с тех пор, как была написана "Наука и здоровье", это "дымовая завеса", под прикрытием которой миссис Эдди избегает необходимости либо принимать, либо отрицать свидетельство Евангелий.

[\[50\]](#) Страница 29.

[\[51\]](#) Страница 29.

[\[52\]](#) Страница 30.

Кое-что из этого, надо признаться, можно найти в немалом количестве религиозных учений, старых и новых, но сомнительно, чтобы где-нибудь был столь выдающийся пример того, что можно назвать методом дымовой завесы при рассмотрении Воплощения, как в только что процитированных отрывках. На самом деле все это просто попытка подогнать идеалистический дуализм, который является реальной философской основой христианской науки и который, насколько он вообще поддается объяснению, может быть так же легко объяснен на двух страницах, как и на двухстах, к теологии, в которой воспитывалась миссис Эдди и которая была общим фоном как для нее самой, так и для ее учеников. Христианская наука имела бы гораздо меньший вес в той гонке, которую она ведет, если бы она откровенно отмежевывалась от теологии, с которой она принципиально не имеет ничего общего. Эта идеологическая обработка идеалистического дуализма содержанием христианского богословия, вероятно, усиливает привлекательность системы для тех, кто чувствует себя как дома в новой вере, поскольку они обнаруживают там знакомые фразы своей старой веры, но это ослабляет апологетику фундаментальной христианской науки. Я думаю, однако, что мы должны справедливо признать это просто неизбежным аспектом перехода христианской науки от ортодоксальной веры и опыта исторического христианства к своей собственной вере и опыту.

Рассматриваемая как любопытное развитие полуправды, ставшее возможным благодаря целой группе сил, действовавших в конце девятнадцатого века, христианская наука достаточно понятна, но как система доктрин, построенная на до сих пор принятых основах христианских фактов и учения, она вообще непонятна, и длительный спор между христианским богословом и преподавателем христианской науки лучше всего было бы прекратить, признав, что у них так мало общего, что атака и контратака - это движение в двух разных измерениях. Единственное, что у них есть общего, - это определенный набор слов и оборотов, но эти слова и обороты имеют настолько совершенно разные значения с одной и другой стороны, что их использование безнадежно вводит в заблуждение.

Искупление. Крест христианской науки и Крест теологии

В "Науке и здоровье" есть мимолетные упоминания о Кресте, но это слово обычно используется в переносном и сентиментальном смысле. Крест миссис Эдди - это просто боль от того, что ее неправильно понимают и критикуют в проповеди и практике Христианской науки, хотя на самом деле Крест Иисуса также был результатом вражды и непонимания и последним и ужасно жестоким методом критики. Чувствуется, что в основном она думает о своем собственном кресте как о непонятой и подвергшейся насилию женщине, и для такого предположения она предпочитает Чашу как фигуру Кресту. Что касается Искупления, "каждый приступ покаяния и страдания, каждое усилие исправиться, каждая добрая мысль и поступок помогут нам понять Искупление Иисуса за грех и повысить его эффективность".[\[53\]](#) "Мудрость и Любовь требуют многих самопожертвований, чтобы спасти нас от греха". Все это, по-видимому, согласуется с моральной теорией искупления, пока мы не видим, что в такой строке, как эта, нет признания того факта, что мы страдаем снова и снова, и это в основном за других, и когда она добавляет, что "Его [искупления] научное объяснение состоит в том, что страдание - это ошибка греховного

смысла, которую разрушает Истина, и что в конечном итоге и грех, и страдание падут к ногам вечной любви" (стр. 23), эти отрывки отменяют друг друга, ибо, если страдание - это "ошибка греховного смысла", трудно понять, как в этом может быть какая-либо боль. Это может помочь нам понять искупление Иисуса, если только Его страдания не являются также "ошибкой греховного чувства", и это сводит искупление к подобной ошибке.

[53] Страница 19.

В другой связи миссис Эдди находит действенность Распятия "в практической любви и доброте, которые оно продемонстрировало по отношению к человечеству". Но на проверку оказывается, что Распятие дает Христу необходимую возможность для того, чтобы наставления Его учеников восторжествовали над могилой. Но поскольку в другой связи нам говорят, что Он вообще никогда не умирал (глава "Искупление и Евхаристия", параграф "Иисус во гробе"), даже это растворяется в нереальности. Более того, "вечный Христос в Своей духовной самости никогда не страдал". [54] Какой бы дорогой миссис Эдди ни пошла, она заходит в тупик. Справедливости ради следует сказать, что ее отношение к искуплению отражает трудности, с которыми она столкнулась в теологии, которой обучалась в детстве, и что в ее утверждениях есть много истинных прозрений. Она, по крайней мере, искала жизненную и конструктивную интерпретацию, и, несомненно, ее наблюдения, какими бы путаными они ни были, стали для ее последователей реальным выходом из реальной трудности. Здесь, как и во многих других регионах, "Наука и здравоохранение" лучше всего понимаются по их происхождению.

[54] Любопытный и отдаленный отголосок раннего докетизма, который также по-своему свел страдания Христа к простой видимости страдания.

На самом деле в христианской науке нет абсолютно никакой почвы, на которой можно было бы водрузить Крест в том виде, в каком Крест понимается в христианском богословии. В христианской науке нет места заместительному искуплению, будь то Богом или человеком; в христианской науке мало места искупительному страданию; существует довольно узкая область, в которой страдание может рассматриваться как поучение, возможно, руководство, которое выведет нас из несчастливых или темных областей в области физического и, возможно, духовного и морального благополучия и утолит любовь ко греху. [55] Миссис Эдди иногда говорит о Христе как о Спасителе, но если довести ее систему до логического завершения, она должна очистить слово от всех ассоциаций, которые оно вызывало до сих пор, и сделать его просто эквивалентом учителя или демонстратора.

[55] Страница 36. Но это значит признать реальность страдания. Миссис Эдди стоит здесь на пороге великой истины — что страдание является аспектом образования, — но дальше она не идет.

Грех - ошибка Смертного разума

Грех наряду с болезнью и смертью являются проекциями смертного заблуждения, порождениями смертного разума; грех, болезнь и смерть следует классифицировать как последствия заблуждения. Христос пришел, "чтобы разрушить веру в грех". Все это делается для того, чтобы просто укоренить грех в уме. Здесь нет ни малейшего намека на ту роль, которую извращенная воля может играть в жизненных перипетиях; нет ни малейшего намека на огромную силу эмоциональной стороны жизни; нет ни малейшего намека на ту огромную роль, которую играет чистый эгоизм. Грех миссис Эдди слишком прост. Для этого, опять же, есть

веская причина. Миссис Эдди, если хотите, дваждырожденная, но борьба, из которой она в конце концов вышла с какой бы то ни было долей победы, которой она достигла, не велась с совестью как полем битвы или в процессе окончательного примирения разделенного "я", обретающего единство и мир на каком-то высоком уровне.

Если истинная борьба миссис Эдди была душевной, а не из-за расшалившихся нервов, то она нигде не оставила об этом никаких записей. Скорее, это была реакция спекулятивного ума на теологию Новой Англии. Ее опыт странно далек от опыта Савла из Тарса, или Августина, или Джона Баньяна. Это не означает отрицания того, что в практических результатах христианской науки, о чем свидетельствует жизнь ее приверженцев, нет реальной силы полезного морального приспособления, но секрет этого следует искать в чем-то другом, а не в ее философии или теологии. Сами христианские богословы ни в коей мере не пришли к единому мнению относительно того, что такое грех на самом деле. Под их воздействием это слишком часто становилось теологической абстракцией, а не запутанностью личности, пойманной в ловушку многообразных побуждений и притягиваемой то туда, то сюда конкурирующими силами, борющимися в воле и пылающими страстью и желанием. Но грех, который не имеет реальности, кроме как из-за ошибочной веры в его существование, безусловно, так же далек от факта существования мира, подобного нашему, как и грех, который является лишь одним из факторов в схеме искупления.

Но в любом случае, если грех не имеет реальности, кроме нашего ошибочного убеждения, что он истинен, и если мы избавляемся от него напрямую, мы перестаем верить в него и утверждаем вместо него реальность любви и добра, тогда, хотя в такой вере, как эта, может быть необходимость и возможность изменения нашей личной жизни, в ней нет ни необходимости, ни возможности христианского учения об искуплении. Естественно, поскольку человек неспособен к греху, болезни и смерти, он непадший, и "его способность или свобода грешить не является частью божественного плана". "Смертный грешник не является Божьим человеком. Смертные - это подделки под бессмертных; они - дети лукавого, или единого зла, которое заявляет, что человек зарождается в прахе или как материальный эмбрион" (стр. 475).

Здесь также слышится эхо из далеких времен. Маловероятно, что миссис Эдди когда-либо слышала о мани или манихействе или знала, какие душевные муки претерпел святой. Августин потерпел поражение, когда пробился сквозь родственную линию учения, которое, чтобы спасти Бога от любого контакта со злом или ответственности за него, подтвердило наше двойное происхождение и сделало нас, с одной стороны, детьми тьмы, а с другой - детьми света, даже не пытаясь на самом деле достичь в одной личности какого-либо примирения двух натур, взятых из двух совершенно разных источников. Миссис Эдди также не знает, что некто Евсевий, найдя много свидетельств этой веры в христианстве четвертого века, достаточно кратко отверг ее как "безумную ересь". Ересью это, безусловно, было для всех тех, кто пробивал себе путь из своего язычества в упорядоченную христианскую веру, и, безумно это или нет, это из всех объяснений, которые были предложены присутствию зла в мире, предположительно управляемом любовью и благостью Бога, то, которое меньше всего выдержит проверку. Она была мертва и похоронена вот уже тысячу лет.

Мы можем, если захотим, вообще отрицать какую-либо свободу воли, настолько вовлекая себя в неизбежную причинно-следственную последовательность, что это также сделает нас просто флюгерами, гонимыми на восток или запад ветрами наследственности и окружающей среды,

которые мы не в силах отразить и на которые мы можем только реагировать по своему выбору. Но отказывать нам в свободе грешить и, таким образом, замыкать нас в детерминизме добра согласуется с фактами не больше, чем отказывать нам в способности быть добрыми и замыкать нас в детерминизме греха. Если мы вообще свободны, мы свободны во всех направлениях.

Таинства исчезают. Теология миссис Эдди - реакция на жесткий евангелизм ее юности

"Наука и здоровье" столь же радикально трактует таинства. По-видимому, о крещении вообще ничего не говорится, за исключением того, что миссис Эдди говорит, что наше крещение - это очищение от всех ошибок. В ее рассказе о Тайной вечере в основном упоминается чаша, и то только как свидетельство горького опыта Иисуса. Хлеб "это великая истина духовного бытия, исцеляющая больных", а преломление его - "объяснение" этого другим. О том, что называется последним духовным завтраком с Учениками у Галилейского озера, говорят больше, чем о Тайной вечере в верхней комнате. "Эта духовная встреча с нашим Господом на заре нового света является утренней трапезой, которую отмечают христианские ученые" (стр. 35). "Наш хлеб, - говорит она, - сходящий с небес, есть Истина; наше вино - вдохновение Любви" (стр. 35). Все это соответствует общему аллегорическому использованию Ветхого и Нового Заветов в книге "Наука и здоровье", но это заметный отход от таинства Вечери Господней даже в том простом мемориальном виде, в котором оно соблюдается нелитургическими церквями.

Таким образом, теология миссис Эдди отчасти является реакцией на жесткие формулировки евангельских доктрин, которым она обучалась, и отчасти это действительно попытка интерпретировать эти доктрины с точки зрения жизни и опыта, но как теология она чрезвычайно расплывчата, и даже при том, что используются знакомые фразы протестантской и католической конфессий, то, что осталось, полностью выбивается из течения основного направления христианской теологии до сих пор. Центральные статьи исторических вероучений практически исчезают при обращении миссис Эдди.

Итак, перед нами философия, которая не выдерживает критики, использование Священного Писания, которое, возможно, не имеет значения ни в одном научном сообществе, и теология, которая лишает центральные христианские доктрины великого значения, которое до сих пор с ними ассоциировалось. И все же, несмотря на все это, Христианская наука преуспевает и хвалит себя перед таким значительным числом действительно искренних людей, что становится достаточно очевидным, что она должна обладать какой-то привлекательной и поддерживающей силой. Где же тогда скрывается его сила? Отчасти, конечно, в его обширности. Бывают моменты, когда полуправда обладает силой, которой, кажется, не обладает вся правда. Полуправды могут быть приняты безоговорочно; они способны к более прямому обращению, и если их умело направить на нужды и затруднения, они всегда будут приняты; они слишком упрощают ситуацию, в этом один из секретов их влияния на нас. Это, конечно, в большей степени верно для духовно недисциплинированных и умственно нетренированных людей, но даже самым мудрым людям иногда легче принять полуправду, которая обещает легкое удовлетворение или освобождение, чем полную правду, с которой нужно бороться и над которой можно мучиться, прежде чем она приведет нас в какое-то лучшее состояние.

Настоящая Сила христианской науки не заключается ни в ее философии, ни в Ее теологии

Мы уже видели, какие предрасполагающие влияния имели место при разрушении того, что мы называли общепринятыми обоснованиями исторического христианства — из-за, как мы также видели, многих сопутствующих причин — чтобы предоставить необычную возможность любому новому движению, обещающему освобождение. Но нужно искать условия, которые сделали возможными так много странных культов и движений в Америке, не только в распаде исторических верований, но и в состоянии народного образования. Демократия, помимо всего прочего, приводит к тому, что мы начинаем ценить движение по количеству людей, которых оно способно привлечь. Мы почему-то убеждены, что раз большинство приняло что-либо, то это должно быть правдой и правильным. Даже сильное меньшинство всегда вызывает уважение. Таким образом, любое движение, которому удастся привлечь значительное число последователей, неизбежно привлечет и других, просто потому, что оно уже привлекло так много людей. Стоит только прислушаться к текущим комментариям о Христианской науке, чтобы почувствовать, что это реальный фактор ее роста.

Демократия верит в образование, но у нее обычно не хватает терпения сделать образование всесторонним. Его образование с гораздо большей вероятностью будет практическим или пропагандистским образованием, чем такое обучение, которое формирует аналитический настрой и обеспечивает те обширные предпосылки, с помощью которых всегда проверяются исходы дня. Особенно в Америке ощущается острая нехватка предыстории. Необходимы история, философия, экономическое понимание и богатый расовый опыт, чтобы дать любому народу способность либо быстро отличать правду от полуправды, либо сохранять самообладание в переходный период. Но такими обобщениями нельзя лишать христианской науки особого влияния на ее последователей. Истинная сущность ни одной религии никогда не может быть познана из ее теологии. Искренняя преданность может присутствовать в самой несовершенной теологии, и нам нужно быть милосердными, оценивая формы, которые принимает вера других людей. То, что одному кажется неразумным, другому может показаться вполне правильным, и все, что несет в себе искреннюю веру, углубляющуюся в позитивный духовный опыт, на данный момент достигает своей цели. Эти исследования христианской науки суровы — ибо человек должен относиться к ним настолько честно, насколько он умеет, — но автор не имеет в виду, что они не должны должным образом признавать духовную искренность христианских ученых. Поэтому мы должны проникнуть в то, что является наиболее близким к жизненно важному центру системы, чтобы найти истинный секрет ее могущества. Она продолжается и развивается как система исцеления и религия.

VII

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА КАК СИСТЕМА ИСЦЕЛЕНИЯ И РЕЛИГИЯ

Практика христианской науки - это применение ее философии и теологии к телесному исцелению. На самом деле это цель, к которой направлена вся система. "Наука и здоровье" - это изложение системы миссис Эдди как целительной силы. Ее философия и теология второстепенны, или — если это не совсем справедливое утверждение — они оба обуславливают ее систему исцеления. В ее книге едва ли найдется страница, на которой не упоминались бы болезни и здоровье. Следовательно, ее высказывания всегда запутанны, и нужно держаться от них подальше, чтобы следовать их контуру. Здесь, как и везде, можно

глубоко и косвенно прочитав между строк отношение и убеждения, против которых она выступает. Ее реакция на окружение ее девичества и ранней женственности влияет на ее точку зрения настолько отчетливо, что без осознания этого многое из того, что она говорит, является головоломкой без ключа.

Христианская наука Применение философии и теологии к телесному исцелению

Помимо всего прочего, ее учили, что болезнь - это наказание за грех. Можно с уверенностью предположить это, поскольку теология периода ее становления опиралась на это общее утверждение в своей попытке примирить индивидуальные страдания и особое провидение. Не следует справедливо утверждать, что миссис Эдди когда-либо категорически утверждала, что ее этому учили, или столь же категорически отрицала истинность этого, но есть утверждения — как, например, на стр. 366, — которые, по-видимому, подразумевают, что она выступает против этого и направляет своих практикующих, как встретить это и преодолеть. Возможно, этим объясняется довольно трудное и неоднозначное отношение к греху и болезни в связи с тем, что логически следует рассматривать только болезнь.

Миссис Эдди, естественно, не стала бы таким образом связывать грех и болезнь, если бы они не были связаны для нее в более ранних учениях, и все же, как было сказано, все это скорее подразумевается, чем эксплицитно. Ключ ко многому в "Науке и здоровье" заключается не в том, что говорит автор, а в способности читателя обнаружить за ее высказываниями то, что она "записывает". Ее система - это одновременно отрицание и утверждение. В популярной интерпретации этого столько же делается для отрицания и признания ошибки, сколько и для ее более позитивных аспектов, но в книге довольно постоянно переплетаются как отрицание зла, так и утверждение благополучия.

Во многих ее наставлениях есть здравый элемент мудрости, но, возможно, пятьдесят лет назад он был более необходим, чем сейчас. Мы должны постоянно помнить, что миссис Эдди пишет на фоне мрачной теологии, медицинской практики, которая в значительной степени полагалась на использование лекарств, которые в то же время были ограниченными в своей *materia medica* и слишком экспериментальными в своей практике. Она писала до дня квалифицированной медсестры с присущим ей деловитым самообладанием. Атмосфера в палате для больных не является от природы жизнерадостной, и в целом как медицинские процедуры, так и духовный комфорт палаты для больных пятидесятих и шестидесятих годов очень мало способствовали облегчению депрессии. Поэтому, когда миссис Эдди создает атмосферу доверия и сочувствия, как она это делает, она находится в правильном направлении.

Неточность диагноза Христианской науки

Когда мы выходим за рамки этих вещей, которые сейчас стали обычным явлением, то то, что она говорит, оказывается не таким простым. Трудно сказать, в какой степени исцеление, сопровождающее Христианскую науку, является, по ее мнению, результатом непосредственного применения Божественной Силы, и в какой степени это результат дисциплины, обусловленной принятием ее теологии и философии. Также трудно провести различие между ролью, которую играет целитель, и вкладом субъекта. В практике христианской науки нет логичного места для физической диагностики. "Врачи исследуют пульс, язык, легкие, чтобы определить состояние материи, когда на самом деле все есть Разум. Тело является

субстратом смертного разума, и этот так называемый разум должен, наконец, уступить велению бессмертного Разума" (стр. 370).

Результатом этого на практике является то, что целитель Христианской науки принимает либо диагноз медицинских школ, полученный из вторых рук, либо собственное заявление пациента о его состоянии. Излишне говорить, что в такой практике, как эта, есть место для очень большой неопределенности диагноза. Реальность болезни не должна признаваться ни прямо, ни косвенно. О болезни нельзя думать или говорить. Здесь также, с точки зрения пациента, процедура имеет неоспоримую ценность. Все это возвращается, как мы сейчас увидим, к внушению, но любая процедура, которая освобождает пациента от угнетающего внушения и заменяет его ободряющим внушением, идет в правильном направлении. В то же время те, кто не являются христианскими учеными, скорее упрямо верят, что кто-то должен признать факт болезни, иначе мы не сможем начать приводить в действие механизм для ее лечения, даже если этим механизмом является сама христианская наука, и мы не меняем этот довольно упрямый факт, прикрывая болезнь пустой ошибкой в обозначении. Даже ошибка реальна на данный момент.[\[56\]](#)

[\[56\]](#) В связи с этим писатель однажды получил неожиданный дополнительный свет на практику целителя Христианской науки. Когда-то он наслаждался дружбой целителя Христианской науки, с которым часто играл в гольф. Однажды утром он позвонил этому целителю, чтобы договориться о встрече. По телефону его голос был неузнаваем, и его приняли за пациента. Ответ последовал профессиональным тоном— "И от какой ошибки вы страдаете сегодня утром?" Когда он ответил, что его особой ошибкой было убеждение в том, что он умеет играть в гольф, атмосфера разговора немедленно изменилась.

Мы постоянно размышляем о результатах страха, и это тоже в правильном направлении. Творческая сила разума имеет большое значение в том, что она придает чистоту, здоровье и красоту (стр. 371). Когда миссис Эдди говорит на странице 373, что болезнь выражается не столько в губах, сколько в функциях тела, она делает одну из тех уступок здравому смыслу, на которые она идет снова и снова, но когда она пытается объяснить, насколько ошибочная или — как можно рискнуть назвать это — болезненная вера выражается в функциях тела, вспоминается Квимби. Температура, например, зависит исключительно от ума. Причина, по которой миссис Эдди верит в это, по-видимому, заключается в том, что "тело, лишенное смертного разума, сначала охлаждается, а затем распадается на свои примитивные смертные элементы". "Смертный разум производит животный жар, а затем изгоняет его через отказ от веры или усиливает его до точки саморазрушения" (стр. 374). Лихорадка - это психическое состояние. Уничтожьте страх, и вы покончите с лихорадкой.

Во всем этом проявляется глубокое незнание истинных причин лихорадки, что помогает нам понять явные недостатки всей системы. Нигде не признается, что тело является инструментом для преобразования, сохранения и высвобождения энергии, реальным как динамо-машина. Нигде не признаются общие положения современной медицинской науки в отслеживании микробных инфекций. Действительно, медицинская наука едва зародилась, когда была впервые написана "Наука и здоровье", давшая новое определение лихорадкам в терминах микробной инфекции и последующего нарушения баланса физических функций, а также

окисления отходов жизнедеятельности, реальных, как огонь в очаге, но это не причина, по которой такое невежество должно передаваться из поколения в поколение.

Сила Ментального окружения

В целом, практика христианской науки, как указано в "Науке и здоровье", представляет собой странную смесь истинного, предполагаемого и ложного; ее предположения подкрепляются избранными иллюстрациями, а все, что бросает ей вызов, игнорируется. Болезнь нереальна, потому что Ум не болен, а материя не может быть (стр. 393). Но Ум - это "единственное Я, или Нас, божественный Принцип" ... Жизнь, Истина, Любовь; Божество, которое очерчивает, но не является очерченным" (стр. 591). Другими словами, Разум - это идеальное утверждение, которое, как предполагает миссис Эдди, лежит в основе человеческого опыта и, возможно, раскрывается через человеческий опыт, и из этого, конечно, не следует, что, хотя идеальное утверждение не является болезненным, человеческое существо, вовлеченное в необходимые отношения нашего нынешнего материального существования, может им и не быть. Миссис Эдди никогда четко не проводит различия между тем, что может утверждать спекулятивный ум, и реальным опытом. Ее диалектика - это постоянная борьба с реальностью в различных утверждениях, которые вовлекают ее во множество противоречий. Она признает то, что отрицает, и отрицает то, что признает, и, выражаясь языком юриста, постоянно меняет место встречи.

Но за всем этим стоит понятный метод. Уверенность должна быть восстановлена, страх рассеян, страдающий от ошибки должен посвятить себя целительным силам. Эти целительные силы не имеют последовательного определения. Иногда это "сила разума для поддержания тела" (стр. 417); иногда "сила христианской науки" (стр. 412), или "сила истины" (стр. 420), или божественный Дух, или сама ее книга. "Продолжайте читать, и книга станет врачом, успокаивающим дрожь, которую Истина часто вызывает у ошибки, разрушая ее" (стр. 422).

Миссис Эдди иногда смутно предвидит реакцию мыслей и эмоций на физиологические функции, которым Кэннон уделял такое пристальное внимание, но ее определенные утверждения странно неадекватны. "То, что я называю *химизацией*, - это переворот, происходящий, когда бессмертная Истина разрушает ошибочную веру смертных. Ментальная химизация выводит грех и болезнь на поверхность, заставляя нечистоты исчезнуть, как в случае с бродящей жидкостью" (стр. 401).^[57] Она признает пределы практики христианской науки, когда советует своим последователям оставить хирургию и вправление сломанных костей и вывихов пальцев хирургу до тех пор, пока пожилой возраст не признает эффективность и превосходство разума (стр. 401).

^[57] Сравните "Рукописи Квимби", стр. 118.

Следует проявлять большую осторожность в отношении психического окружения пациента. Постоянный акцент миссис Эдди на этом объясняет чрезмерный сепаратистский характер христианской науки. Больше, чем почти любой другой из его культов, он отделяет своих последователей от тех, кто не принадлежит к культу. Естественно, они не могут посещать церкви, в которых признается реальность болезни; у них должны быть свои собственные медсестры, а также свои собственные целители; в определенных регионах они должны ограничиваться чтением своей собственной литературы; их дети должны получать религиозное образование в своих собственных культовых школах, и они не могут постоянно ассоциировать

себя с лечебными движениями, которые берут за основу другую философию. Стороннему наблюдателю трудно понять, как последовательный ученый-христианин примиряет общие выводы современного научного образования с предпосылками своего культа. То, что он делает это, является еще одним свидетельством силы, которая действительно проявляется во многих других областях, помимо области христианской науки, для сохранения в практическом поведении жизни многих наших руководящих концепций в различных и, по-видимому, водонепроницаемых отсеках.

Христианская наука Определяет Болезнь как Веру, которая, если к ней относиться как к Ошибке, Исчезнет

Ответ на подобную критику, конечно же, заключается в знакомой фразе христианской науки о том, что совершенная демонстрация еще не достигнута в тех областях, в которых христианская наука кажется непоследовательной. Но помимо этого существует довольно упрямый факт, что в некоторых из этих областей демонстрация никогда не будет реализована; христианская наука ограничена областью, в которой может действовать внушение. Миссис Эдди наиболее подробно рассказывает о болезнях, в отношении которых медицинская практика ее времени была наиболее озабочена и в свете более поздней медицинской науки наиболее невежественна — лихорадке, воспалении, несварении желудка, золотухе, чахотке и тому подобном. Все это верования, и если относиться к ним как к ошибке, они исчезнут. Даже смерть - это сон, которым может овладеть разум, хотя это, несомненно, всего лишь способ миссис Эдди утвердить бессмертие. Вряд ли она хочет сказать, что смерть - это не факт, с которым практически приходится считаться более окончательно и неотвратно, чем с любым другим фактом в жизни. Как однажды сказал доктор Кэмпбелл Морган: "Если вам посчастливится вообразить, что вы мертвы, вас похоронят".

Миссис Эдди завершает свою главу о практике христианской науки аллегорией, которую она называет делом о суде над душевнобольными, намек на которую можно найти в одной из рукописей Квимби.^[58] Поскольку эта рукопись датирована 1862 годом, она опережает миссис Эдди почти на тринадцать лет. Обстановка напоминает суд над Верующими и христианами в городке Ярмарка Тщеславия, описанный в романе Баньяна "Продвижение пилигрима". Несомненно, воспоминания о том, как миссис Эдди читала эту бессмертную аллегорию, воспроизведены в этом конкретном отрывке, который, как автор склонна полагать, она написала с большим удовольствием, чем что-либо другое, когда-либо созданное ее слишком ловким пером. Личное чувство является истцом, Смертный Человек - ответчиком, Ложная Вера - адвокатом Личного Чувства, Смертные Умы, Materia Medica, Анатомия, Физиология, Гипноз, Зависть, Жадность и Неблагодарность составляют Жюри Присяжных. Зал суда заполнен заинтересованными зрителями, а судья Медикал находится на скамье подсудимых. Дело явно не в пользу заключенного, и, скорее всего, его срок истечет на месте, когда Christian Science разрешат выступить в качестве адвоката защиты. Он подает апелляцию от имени истца в Высший духовный суд, добивается от присяжных духовных чувств вердикта "Невиновен", и с прекращением дела глава о практике христианской науки заканчивается.

^[58] "Рукописи Квимби", стр. 172.

У христианской науки есть богатое поле для работы

Теперь, что, наконец, можно сказать обо всем этом? В общем, две вещи. Признавая силу и реальность психотерапии, христианская наука черпает свою силу как целебной системы из огромного числа людей, которые открыты для ее привлекательности, и искусного сочетания элементов в самой привлекательности. Несмотря на наш значительный прогресс в медицинских знаниях и практике и несмотря на результаты улучшения гигиены, в обществе в целом остается очень большое количество физических заболеваний, иногда острых, иногда хронических, иногда четко определенных, иногда расплывчатых, случаев с плохим лечением, безнадежных случаев и большого числа случаев, которые обусловлены скорее нарушенным психическим и моральным состоянием, чем установленными физическими причинами. Болезнь имеет свою пограничную область, так же как и мышление, и религии пограничных стран в первую очередь привлекают тех, кто по той или иной причине живет в пограничных физических состояниях.

И, повторяю, число тех, кто принадлежит к этой группе, неожиданно велико. Естественно, такие, как они, хватаются за все, что предлагает помощь; они снабжают производителя универсальных лекарств своей клиентурой; они заполняют печатные страницы свидетельствами о чудесных исцелениях, достигнутых там, где обычные медицинские работники были бессильны; они окружают каждого религиозного целителя; они - товарищи паломников в Лурд и Сент-Луис. Анна де Бопре; они принадлежат к сообществу тех, кто в средние века посещал святилища, искал реликвии и просил, чтобы к ним прикоснулись короли. Мы находим их предков на страницах Евангелий, и насколько можно судить по любым записям, мы видим эту длинную, жалкую процессию отчаявшихся или неполноценных, ищущих помощи. И снова и снова они получают это, ибо мы также видели, что при достаточной вере либо в святого, либо в святыню, либо в систему психотерапии с определенными субъектами и в определенных случаях действительно исцеляет. Но этот тип исцеления не зависит ни от какой философии или какой-либо единой силы, за исключением тех темных сил, которые высвобождаются внушением.

В то время, когда это писалось, некоторые целители евангельской веры в городе Детройте рассылали множество свидетельств о своих исцелениях, столь же определенных в деталях, как свидетельства в "Науке и здоровье" или в журнале *Христианской науки*, и все же основные принципы, по которым, как утверждали эти люди, работают, так же отличаются от основных принципов христианской науки, как восток отличается от запада. Пока этот документ пересматривается, Куэ, апостол внушения, согласно школе Нанси, посажен в Нью-Йорке теми, кто обрел надежду на исцеление благодаря успеху его метода. Является ли реликвия истинной или ложной, не имеет значения, если только в нее верят.

Одна из самых строгих систем психотерапии, когда-либо предложенных

В настоящее время Христианская наука - одно из наиболее авторитетных психотерапевтических агентств, когда-либо предлагавшихся. Большинство систем исцеления верой до сих пор зависели от какого-то места, какой-то вещи, какого-то целителя. Вот система, способная к самому широкому распространению и зависящая только от книги и ее интерпретаторов. Она универсализирует то, что до сих пор, по той или иной причине, было локализовано. Он хитро организован, насколько позволяет пропаганда, и эффективно управляется. Он широко рекламируется его друзьями - и его критиками. Его храмы по красоте и достоинству ставят в позор большинство протестантских церквей. Его ритуалы необычным образом сочетают в себе простоту и драматизм. К счастью, он расположен так удачно, что позволяет отодвигать финансы

— сложный элемент протестантской церковной жизни — на второй план. Его последователи обладают тем апостольским рвением, которое присуще движениям, уверенным в своем божественном предназначении и еще не сильно потрепанным временем. Оно явно обладает одним из отличительных признаков религии сэра Генри Джонса. "Это бесстрастно действует на дух своих учеников и придает значение вещам, которые оно санкционирует или осуждает".

Она основана на глубоко укоренившихся христианских традициях и верованиях. Она обеспечивает своим авторитетом стойкую, но смущенную веру в Библию, которую наследует средний протестант, и для тех, кто в нее верит, сила этого авторитета ничуть не ослабляется тем фактом, что по всем здравым канонам библейского толкования она является незаконной. Сам его догматизм является преимуществом. Он не смог бы выполнять свою работу, если бы был менее уверен. Путаница в системах, которые испытывают критически настроенных людей, является вкладом для набожных людей, которые находят в них дополнительную возможность для веры. Встречи с опытом создают энтузиазм и уверенность. Короче говоря, это нечто большее, чем любое из рассматриваемых нами здесь движений, четко определенный культ, интенсивность, ограничения и мистические заверения которого в совокупности создают среди его последователей настрой, наиболее благоприятный для внушения, и он опирается на свою силу как на систему исцеления.

Точный анализ того, чего он на самом деле достигает, потребовал бы огромного и, вероятно, невозможного труда — знания каждого случая, постановки точного диагноза, когда даже для квалифицированного диагноста это достаточно сложно, и отслеживания всех зарегистрированных случаев. Медицинскому факультету, вероятно, было бы лучше отнестись к подобным движениям более серьезно и провести по ним квалифицированное расследование, которое, за исключением случая с Лурдесом, никогда даже не предпринималось. Несомненно, во всей системе есть слабость и непоследовательность. Почти любой, кто имел практическое наблюдение за работой христианской науки, обладает достаточными знаниями не только о шаткости и непоследовательности, но и о том, что нехристианскому научному разуму кажется несомненной неправдой. Однако здесь всегда должно быть допущено что-то в отношении того, как ум действует в состоянии возбуждения, и в отношении того, как заблуждение вводит в заблуждение. Все это в совокупности затрудняет вынесение какого-либо окончательного решения в этой области, но, несмотря на все оговорки, все еще остается ошеломляющая солидность достижений. Христианская наука действительно работает, особенно с эгоцентричными людьми, невротиками и теми, кто нуждался, прежде всего, в своем физическом освобождении, новом доступе к вере и мужеству. У практикующих христианскую науку также есть необычная возможность в том, что можно назвать моральной реабилитацией с физическими последствиями. У врача больше шансов справиться с телами своих пациентов, чем с их душами; у священника больше шансов справиться с духовными потребностями своих прихожан, чем с их телами и привычками; практикующий христианскую науку в необычной степени контролирует всю жизнь, и справедливости ради следует признать, что эта власть используется с пользой.

Сама дисциплина Христианской науки является терапевтической. На самом деле существует множество вещей, которые перестают существовать, как только вы начинаете действовать так, как будто их не существует. Атмосфера, в которой никто не говорит о своей болезни, а каждый о своем благополучии, — это терапевтическая атмосфера. Психологи учили нас, что если мы будем стремиться к счастью, то, скорее всего, получим доступ к счастью; если мы будем стремиться к

несчастьем, то получим доступ к страданию. Если мы делаем все возможное, чтобы быть здоровыми, очень часто мы достигаем солидного уровня здоровья.

Но по Сути это Система Внушения

В последнее время на всем этом так много говорилось, что любое подробное рассмотрение здесь становится ненужным, поскольку, действительно, любое подробное рассмотрение невозможно ни для кого, кроме специалиста. Что нас больше интересует, так это то, каким образом дисциплина и философия Христианской науки добиваются своих результатов. Ответ на этот вопрос настолько прост, насколько это вообще возможно при нашем нынешнем уровне знаний, поскольку, по сути, как целительная сила, христианская наука стоит или падает благодаря терапевтической силе внушения. Это сильно развитая система психотерапии, потому что это сильно развитая система внушения. Его предложение включает в себя предположения, которые иногда являются философией, иногда теологией, а чаще представляют собой непонятное взаимодействие того и другого.

Но результатом всего этого является практическое убеждение пациента в том, что он не болен и не столько нуждается в выздоровлении, сколько в демонстрации того, что он здоров, и что в этой демонстрации на его стороне абсолютная сила. На это направлена вся совокупность утверждений, убеждений, предположений, внушений и методик Христианской науки. Когда кто-то пытается проанализировать эти отдельные элементы, они, взятые по отдельности, непоследовательны, часто не поддаются проверке и достаточно часто вообще любыми тестами, кроме тестов христианской науки, положительно не соответствуют действительности. Но поскольку миссис Эдди объединила их и поскольку они применяются на практике, они действительно обладают неоспоримой силой. Как уже было сказано, в основе своей они не зависят от людей, вещей или мест. Вот последовательная система, силу которой можно ощутить, когда ее не понимают, и она воздействует на сбивших с толку или впечатлительных с очень большой силой. Она была бы заметно ослаблена, если бы из нее был изъят какой-либо один из составляющих ее элементов. Но, по сути, она может сделать не больше, чем любая другая система внушения, бесспорно принятая.

На это неизбежно влияет наше Растущее понимание Масштабов Внушения

Много воды утекло с тех пор, как Мэри Бейкер Эдди начала свою работу. То, что тогда почти полностью было связано с тайной, теперь начинает сводиться к закону. Психология внушения еще ни в коей мере не ясна, и изучающие ее не согласны в своих выводах, но мы знаем достаточно о сложном характере сознания, актуальности подсознания и реакции прочно укоренившихся установок на телесные состояния, чтобы в целом освободить все это великое дело от священника, целителя, шарлатана или пророка странных культов и передать его в дальнейшем для руководства и применения соответствующим агентам — врачу, эксперту по психическим расстройствам и проинструктированному духовному наставнику.

В настоящее время общепризнано, что внушение, каким бы индуцированным оно ни было, может положительно влиять на функции организма. Если это неправильное внушение, его последствия вредны, а правильное внушение, его последствия полезны. Теперь, поскольку широкий спектр физических расстройств — и это может быть расширено за счет включения также нервных расстройств — является функциональным, суггестивная терапия имеет далеко идущую и отчетливую область применения. Когда Христианская наука или любой другой культ

исцеления сообщают об исцелениях в этой области, эти исцеления, если они подтверждены достаточными свидетельствами, могут быть приняты как совершенные. Те, кто их выполнил, могут сколько угодно приписывать себе их собственное влияние в этом вопросе, но при всем том лечение вовсе не является свидетельством истинности или ложности их системы. Это доказывает только то, что те, кому помогали, поверили в это.

Вопрос органического исцеления сложнее. Медицинская наука, как правило, не признает возможности органических изменений с помощью внушения. Однако могут существовать реальные расхождения во мнениях относительно того, является ли конкретное заболевание функциональным или органическим. Здесь граница не столько в фактах, сколько в диагнозе. Может быть заявлено об излечении от органического заболевания, когда основной диагноз был неверным и оно было только функциональным, но организм, несомненно, обладает способностью исправлять или, по крайней мере, ограничивать органическое заболевание. Туберкулез - это органическое заболевание, но оно снова и снова ограничивается и в конце концов преодолевается без знания предмета. Вскрытие может выявить рубцы в легких и, таким образом, отразить процессы, выявленные только таким образом.

Все, что служит общему физическому благополучию, может значительно помочь организму в устранении болезней и обеспечении постоянного уровня физического здоровья. Таким образом, такими косвенными способами, как эти, внушение может, хотя и не воздействуя непосредственно на больной организм, наиболее отчетливо способствовать остановке органического заболевания. Вдумчивые врачи готовы признать это и, таким образом, открыть дверь к той мере органического исцеления, которую технически отрицает их наука. Гипноз пролил очень показательный свет на всю эту область. Некоторые из изучающих гипноз склонны заходить так далеко, что допускают органические изменения под действием гипнотического внушения. "Сильные, стойкие впечатления или внушения, производимые на рефлекторное органическое сознание нижестоящих центров, могут изменять их функциональное расположение, вызывать трофические изменения и даже изменять органические структуры".^[59]

^[59] Сидис, "Психология внушения", стр. 70.

Таким образом, у христианской науки как агентства по исцелению есть обширное поле деятельности, поскольку всегда есть достаточно людей для исцеления. У него есть метод, дисциплина, весьма эффективная для создания измененных ментальных и духовных состояний, и, как ни странно, она тем более эффективна, что она настолько узко верна. Те, к кому она обращается, по большей части, не способны проанализировать до своих источников ее фундаментальные неправдивости, да они и не были бы склонны делать это, если бы могли. Его расплывчатость и пространная риторика действительно придают ему силу. Это действительно дает результаты, и, вероятно, один случай физического улучшения обладает преобладающей силой, которую не может преодолеть целая глава критики, и, более того, один случай физического улучшения может заслонить дюжину случаев, в которых вообще ничего не произошло.

Ибо у христианской науки есть в этой области два алиби, которые всегда можно привести в действие, самые совершенные из когда-либо придуманных. Если это не помогает вылечиться, то либо потому, что тому, кто не был вылечен, не хватало веры, либо из-за ошибочной веры кого-то другого. Система, которая верит, что токсическое действие ядов зависит от голосования

большинства, согласно которому мышьяк перестанет быть ядом, когда все перестанут думать о нем как о яде, и будет ядом до тех пор, пока кто-то верит, что это яд, совершенно безопасна, даже если ей не удастся вылечить случай отравления мышьяком, потому что до тех пор, пока факты и опыт не перестанут иметь значение вообще, всегда будет кто-то где-то верить, что мышьяк - это яд, и этот человек будет козлом отпущения для системы.

Как Религия, она сильнее Всего учит, Что Бог имеет Значение для всей Жизни

Однако христианская наука - это нечто большее, чем система психотерапии, это также религия, и при любой справедливой оценке ее следует принимать во внимание то, каким образом она сделала религию реальной для многих, для кого религия перестала быть действующей реальностью. С одной стороны, нужно сказать, что большая часть христианской научной религии действительно ведет Ковчег Божий на битву, используя религию, то есть для комфорта, материального процветания, здоровья и просто таких осязаемых вещей. Но христианская наука отвечает требованию времени и здесь. Наш век, глубоко погрязший в материальных удовольствиях, не имеет намерения откладывать религиозные удовольствия на будущую жизнь. Монахи и, более того, большинство набожных людей средневековой Церкви искали в самоограниченных земных радостях надлежащую дисциплину для души и состояние, по сравнению с которым счастье, за которое они заплатили столь высокую цену, должно было быть более желанным. Набожные люди времен Мэри Бейкер Эдди, хотя и были склонны находить в материальном благополучии явный признак божественного благоволения, тем не менее принимали болезни и скорби как от руки Божьей и молились о том, чтобы с кротким и смиренным сердцем они могли вынести это отеческое исправление и, научившись послушанию на своих страданиях, занять место среди тех, кто через веру и терпение унаследует Его присутствие.

Но в наше время не так стремятся унаследовать обещания, как вступить во владение. Религия, которая не демонстрирует себя реальным благополучием, находится под подозрением. Социальные страсти, которые сейчас во многом проявляются в церквях, проистекают из этого, а также из множества культов, которые ищут доказательства любви Бога в здоровье, счастье и процветании. И действительно, все это естественно и достаточно правильно. Если религия реальна, то ее плоды должны быть очевидны, хотя можно поставить под сомнение, являются ли они более значимыми и долговечными плодами духа. Религия, демонстрирующая себя автомобилями, щедрыми доходами и более чем удобной одеждой, может быть достаточно реальной для тех, кто ее исповедует, но ее реальность не совсем соответствует реальности религии Нагорной проповеди.

Христианская наука соответствует отчетливому современному требованию продемонстрировать Божью любовь примерно в терминах знаменитого обета Иакова в Вефиле— "Если Бог будет со мной и сохранит меня на том пути, по которому я иду, и даст мне хлеба, чтобы я ел, и одежды, чтобы я снова пришел в дом моего отца с миром, тогда Господь будет моим Богом". Это далеко от благородного заявления Иова, которое все еще звучит через годы: "Хотя он убьет меня, я все равно буду уповать на него".

И все же наиболее чувствительные и богато одаренные из последователей Мэри Бейкер Эдди нашли в христианской науке иные ценности, чем эти. Они перешли, руководствуясь своего рода инстинктом спасения, за пределы его противоречий и полуправды к тому, что является главным во всей системе. То есть у Бога есть смысл жизни не в будущей жизни, а сейчас, не в

вероучениях, а в опыте, не только в жесткой дисциплине, но и в любви, близости и помощи. Достаточно верно, что это не монополия христианской науки; христианство придерживается этой истины во всей простоте. Но, к сожалению, пути, которые вполне можно проследить, великие акценты христианства в прошлом были слишком сильно смещены с этого.

В большинстве протестантских церквей было и остается слишком много умолчаний о значении Бога для жизни человека и, возможно, слишком большие колебания в том, чтобы действительно использовать в полной мере предложенную божественную силу. Общепринятое понимание места боли и страданий в жизни было, так сказать, барьером между сбитыми с толку людьми и их Богом; Его любовь почему-то не казалась людям достаточно полезной, и хотя христианская наука обеспечивает неоспоримое превосходство любви к Богу, лишая ее огромного морального значения и закрывая от нее все темные стороны жизни, она, вероятно, оправдала любовь к Богу для множества людей, которые по той или иной причине до сих пор подвергали ее сомнению, и они обнаружили в этом новообретенном смысле Божественную любовь. Божья любовь и присутствие, реальность и богатство религиозного опыта, которых они никогда раньше не знали.

Это Возвышает Силу Разума, Но слишком сильно Игнорирует Процессы, посредством которых Разум Реализует Свои Идеалы

В практике и философии христианской науки также присутствует понимание реальной истины, которую Новая Мысль формулирует гораздо более четко. Разум созидателен. (Не только разум с большой буквы "М", но и наш собственный повседневный человеческий разум с маленькой буквой "м".) Беда в том, что христианская наука безнадежно замыкает творческий процесс. Наш человеческий мир, в конечном счете, таков, каким мы его создаем благодаря нашей пронизательности, нашему пониманию и, прежде всего, благодаря нашему чувству ценностей, но фактическое достижение изменившихся целей в изменившемся мире - это процесс, на масштабность которого в книге "Наука и здоровье" даже не намекается. Христианская наука слишком сильно игнорирует и, кажется, обычно отрицает всю дисциплинарную сторону жизни с ее неизбежным сопровождением неудач, вины и боли. Боль - это не иллюзия; боль - это признак того, что что-то пошло не так в великом деле нормальной физической жизни. Грех - это не просто нереальность, которая "кажется реальной человеческой ошибочной верой"; грех - это признак того, что что-то пошло не так в борьбе за нормальную, дисциплинированную, нравственную жизнь. И все зло не просто тень, от которой можно избавиться так же легко, как отмахнуться от какой-то тьмы и повернуться лицом к свету; зло - это признак того, что что-то пошло не так, или чего-то еще не достигнутого в массовом прогрессе человечества, которое сочетает в себе так много противоречивых элементов, которому предстоит пройти такой долгий путь, столькому научиться и так много всего победить на пути к более счастливому состоянию.

Христианская наука, в конце концов, не может быть верна великим фактам опыта, которые обладают силой, превосходящей силу любого утверждения в противовес, если только она не ложна философии Мэри Бейкер Эдди, и не может быть верна своей философии без обеднения моральных и духовных устремлений. Трудно найти место в системе — взятой жестко — для сочувствия или нежности, или для богатейших человеческих качеств, или для тех элементов богатства характера, которые приносятся мужественно перенесенной болью или безропотно принятым горем. В христианской науке мало места Заповедям Блаженства и еще меньше тому прекрасному мужеству, которое само по себе является единственной гарантированной

победой, которую жестокосердый может одержать на любом поле битвы. Автор считает, что, хотя это суровое суждение оправдано "Наукой и здоровьем", оно не оправдано практическими результатами культа в жизни многих его последователей. В преданности и доброте они равны многим в Церкви и превосходят некоторых. Их верность своей Церкви во многом ставит под сомнение легкомысленность ортодоксов. Все это, по крайней мере, доказывает, что жизнь больше, чем наши теории о ней, и в конце концов подчиняет тех, кто хотел бы извлечь из нее максимум пользы, сообществам опыта и понимания, в которых мы все странным образом родственны. Ибо, в конце концов, неприятные вещи нельзя обдумать; с ними нужно бороться, выкопать и пережить. Вся искупительная сила общества всесторонними и далеко идущими путями должна быть направлена на самые источники всех порочных сторон жизни, и голая философия христианской науки не справляется с этой задачей.

Недостаточно Велик для Всего Опыта

Сомнительно, что Христианская наука когда-либо вносила заметные изменения в статистику смертности в каком-либо городе, и все же, если бы Департамент общественного здравоохранения разрешил на сорок восемь часов загрязнять молоко или воду в городе, статистика показала бы это в течение десяти дней. Это всего лишь иллюстрация, но она действительно иллюстрирует. Мы должны работать, если хотим выкопать корни зла и добиться лучшего роста на их месте, и все, что пытается заменить это отрицанием реальности зла, мистическим религиозным отношением и простой формулой веры, независимо от того, насколько часто они повторяются или насколько искренне принимаются, или даже независимо от того, насколько эффективны в определенных избранных регионах среди определенных избранных групп, в целом не является вкладом в благосостояние человека.

Весьма вероятно, что последователи миссис Эдди в практическом поведении своей жизни уже осознают это и постепенно, а может быть, и бессознательно, приспосабливаются к этому. Уже есть признаки определенных процессов соответствия требованиям опыта; они, вероятно, пойдут дальше. Если христианская наука проследит за историей таких движений в прошлом, то, сделав свое собственное отчетливое утверждение о той мере истины, которую оно содержит, она будет постепенно втянута обратно в основное течение религии и практики. Оно сохранит номинальную отчетливость, но в общем образе жизни утратит свои более выдающиеся характеристики и станет в значительной степени отличием без различия. Милмин в своей вдумчивой критике христианской науки в конце своей истории говорит, что будущее христианской науки зависит от психотерапии.

Это верно только с одной стороны. Поскольку христианская наука обладает истинными религиозными прозрениями и подходами, она будет продолжаться, несмотря на то, что происходит с психотерапией, хотя в психотерапии достаточно того, что гарантирует ее будущее в четко определенных регионах, если бы это было все. Нечто большее, чем психотерапия, в конце концов, рассудит христианскую науку и отправит ее на ее собственное место — жизнь и опыт сделают это — и можно с уверенностью сказать, что в конце концов христианской науке придется смириться с истиной, большей, чем ее собственная, с совокупностью опыта, с которым нельзя справиться в рамках избирательного процесса принятия того, что вы хотите, и отрицания остального, и более того, ей придется смириться со всем великим вопросом интеллектуальной, моральной и духовной борьбы, регулируемой законом и обусловленной огромным миром, частью которого мы являемся. Это не означает отрицания того, что

христианская наука и связанные с ней учения внесли действительно ценный вклад в решение нашей общей проблемы. Это делается только для того, чтобы подтвердить, что здесь есть нечто недостаточно большое ни для истины, ни для опыта в целом.

VIII

НОВАЯ МЫСЛЬ

Новая мысль была определена как "отношение разума, а не культ". На самом деле это и то, и другое. Необходимо включить это в данное исследование, потому что это культ; трудно справедливо оценить это, потому что это отношение ума. Установки ума так же неуловимы, как игра света на бегущей воде. Мы можем оценить их силу и направление только тогда, когда у нас есть понимание основных течений мысли, которыми они сопровождаются, и что касается Новой Мысли, то эти основные течения намного старше самого культа.

Новая мысль, трудно поддающаяся определению; "Менталитет, а не культ"

У Новой мысли никогда не было апостольской преемственности, жесткой дисциплины или централизованной органической формы. Это придало ей ошеломляющую раскованность во всех направлениях, но, с другой стороны, придало ей всепроникающее качество, которым христианская наука не обладает. Она имеет обширную и разрозненную литературу и настолько сливается с общим движением современной мысли, что трудно найти где-либо четкое разграничение каналов.

Новая мысль - это либо теология с философской основой, либо философия с теологическим уклоном. Это центральная и совершенно отчетливая попытка придать религиозное содержание нынешнему направлению науки и философии, реакция против старых теологий и, возможно, своего рода туманность, из которой будут организованы будущие теологии. Ибо великая теология - это всегда систематическая организация комплекса сил, массивная структура, создававшаяся на протяжении многих лет многочисленными строителями, подчинившими своим целям богатое разнообразие материалов.

Учение Священных Писаний, старые традиции, потребности богослужения и организации, политические и социальные обстоятельства, меняющиеся моральные идеалы, тенденции развития философии и наук, борьба с расколами и ересями, освящающая сила слепых обычаев и мистический авторитет самой Церкви - все это в совокупности создает теологию. Как только великая теология составлена таким образом, она обладает огромной властью над жизнью. Она формирует характер и идеалы, направляет веру, направляет усилия и, таким образом, становится как бы формой, по которой отливаются души и общества.

Теологии могут быть изменены, на самом деле они всегда находятся на пути к изменению, но они медленно поддаются трансформирующим силам. Ничто так не стойко, как организованная вера, и все же сама сила великой теологии всегда заключается в ее слабости. На самом деле это никогда не бывает ничем иным, как кристаллизацией прошлых сил. Переживания, которые выражают себя в теологии, остыли и ожесточились; философия, которая подразумевается в теологии, - это прошлая философия; наука, подразумеваемая в теологии, - это устаревшая наука.

Таким образом, в областях теологии всегда наблюдается тревожащее давление, вызванное реакцией современных движений в науке, философии и понимании жизни в целом на эти старые и прочно укоренившиеся унаследованные формы. Потоки мысли всегда, так сказать, проходят мимо великих формул, поскольку мысль свободна, а формулы жестки, а затем возвращаются к ним. Время от времени это движение приобретает большую силу. Старое было незыблемым так долго, новое так настойчиво, что конфликт между ними наполняет эпоху своим шумом, заставляет души страдать, ломает древние формы, не создавая немедленно их эквивалента, и повсюду вносит неуверенность и беспокойство.

Так вот, это именно то, что происходило в области религии за последние тридцать лет. Унаследованный порядок, прочно сформированный и организованный и долгое время практически не менявшийся, был вынужден принимать во внимание окружающие его силы. Конечно, теология не так статична, как, казалось бы, следовало из предыдущего абзаца, тем не менее великие теологические центры действительно обладают огромной силой сопротивления. Мы уже видели, как мало изменился протестантизм со времен Реформации, пока он в полной мере не ощутил влияние современной науки и философии. На самом деле до нашего времени у нас была и в значительной степени продолжается теология с историей сотворения мира древними евреями, взглядами на жизнь эпохи апостолов, философией греческих отцов церкви, концепцией природы человека святого Августина и ожиданием конца света, а также вопросами истории еврейского апокалипсиса в христианской интерпретации.

Действительно, во всем этом есть драгоценные и неподвластные времени качества, но также во всей ткани нашей сформулированной веры прослеживается переплетение таких представлений, как у тех, кто формировал наши вероучения, о законе, истории и истине. Таким образом, любое далеко идущее изменение в философии или науке неизбежно оказывало глубокое влияние на религию, и даже сорок лет назад далеко идущие изменения старого порядка были запоздалыми.

Новая мысль - это всего лишь один результат огромного воздействия современной мысли на наше унаследованное богословие; отдельный фрагмент или, скорее, группа фрагментов, ибо даже будучи культовой, Новая мысль, как уже было сказано, слабо организована, и ее различные части имеют общее лишь направление. И все же этот поворот важен, поскольку за ним скрывается огромная сила философии, которая набирала обороты более века назад. Следовательно, именно к этому нам следует обратиться, чтобы хоть как-то понять изменившийся взгляд на жизнь, который как бы исходит с поверхности более глубоких приливов.

"Повторное открытие Внутренней Жизни"

Джосайя Ройс отвергает всю философию от Спинозы до Канта одной-единственной многозначительной фразой. Он называет это "повторным открытием внутренней жизни". Именно в этом русле современная философия и религия сближаются друг с другом. Религия всегда была изложением внутренней жизни с точки зрения ее отношения к Богу, и доказательства реальности религии всегда можно было найти в переживаниях души. Мистик уделял особое внимание внутренней жизни; он жил только в ее реальностях. Ради ее обогащения и расширения прав и возможностей он подвергал себя строгой дисциплине. Его откровений было для него вполне достаточно, ибо, найдя в них Бога, он больше ни о чем не просил.

Чем же тогда этот новый мистицизм, или, лучше, этот новый культ внутренней жизни, отличается от старого? Нелегко ответить на этот вопрос в одном абзаце, хотя ответ легко почувствовать при любом сравнении великой классики мистицизма — которая в основном представляет собой духовные автобиографии - и литературы новой мысли. В свою очередь от ул. Августин в комод, или от Святой Терезы в трине заключается в изменении духовного и интеллектуального климата. В современной литературе мало отражена та духовная борьба, которая наполняет великие Исповеди агонией сражающихся душ, равно как и какое-либо разрешение такой борьбы ради мира души, "полностью пробужденной в отношении Бога, но полностью спящей в отношении вещей этого мира и в отношении самой себя". Это свидетельство святой Терезы проливает свет как контрастный фон для новой Мысли. Там душа очень сильно пробуждена, как в отношении вещей этого мира, так и в отношении самой себя.

Эти новые культы внутренней жизни гораздо более самосознательны, чем старые, и гораздо более самоаналитичны. Они стремятся распознать законы, в соответствии с которыми они действуют, и использовать эти законы в практическом поведении в жизни. Они всегда либо апеллируют к основополагающим философиям, либо пытаются создать свою собственную философию. Мистицизм сделал из Бога все и ничего из себя. Он прокладывал свой мистический путь, но ничего не знал о психологии. Новая мысль стремится найти в психологии путь к Богу. Центры мистицизма были эмоциональными; центры Новой Мысли - интеллектуальными. Все эти культы гораздо больше похожи на гностицизм, чем на мистицизм, хотя они спасены, хотя и не полностью, от беззакония гностицизма довольно постоянным возвращением к выдающимся выводам науки и философии.

Поиски Спинозы

Теперь, если мы стремимся раскрыть истинный генезис движения и проследить его развитие, нам лучше начать, настолько глубоки корни вещей, со Спинозы, а не с Квимби. Здесь берут начало более глубокие течения, на поверхности которых движется новая Мысль, и здесь мы также возвращаемся к фразе Ройса — "повторное открытие внутренней жизни" — и к философу, положившему начало философским поискам именно этого открытия.

Спиноза был одним из последних мистиков и первым из современных философов. Он разделял с мистиками более раннего времени всепоглощающее чувство тщетности жизни, за исключением того, что жизнь совершенствовала себя в размышлениях о вечном превосходстве и общении с чем-то гораздо большим, чем она сама. "После того, как опыт научил меня, - говорит он (и это цитируется из книги Ройса "Дух современной философии"), - что все обычное окружение социальной жизни суетно и бесполезно, видя, что ни один из объектов моих страхов не содержит в себе ничего хорошего или плохого, за исключением того, насколько они влияют на разум, я, наконец, решил выяснить, может ли быть какое-то реальное благо, которое воздействовало бы на разум отдельно, исключая все остальное, может ли быть что-то, открытие и достижение чего позволило бы мне наслаждаться постоянным, высшим и нескончаемым счастьем".

Теперь во всем этом есть странно современная нотка — неудовлетворенность тем, что предлагается обычным и общепринятым, большое внимание уделяется разуму как ключу к перестройке жизни, поиск какой-то единой формулы, которая предлагала бы "непрерывное, высшее и нескончаемое счастье". Это именно то, чего действительно хотели Мэри Бейкер Эдди и все другие сбивые с толку и физически сломленные "искатели", собравшиеся в Квимби, и это

то, чего, по той или иной причине, предлагаемый религиозный опыт их времени не смог им обеспечить. "Итак, это было, - цитирую Ройса, - началом пути пилигрима Спинозы". (Как, впрочем, и начало Пути каждого пилигрима.) "Но теперь, поскольку то, что отличает его от других мистиков и делает его философом, а не просто увещателем, у него есть своя религиозная страсть, он должен поразмыслить над ней ... философ должен оправдывать свою веру".

Здесь нет необходимости следовать за Спинозой по всему пути, достаточно трудному и туманному, которым он стремился оправдать свою веру. Достаточно самого выдающегося факта. Это мистик, который находит свой путь там, где старший мистик нащупал свой путь, и цель, которой он в конце концов достигает, хотя это и цель, которую более ранние мистики находили другими путями, — потеря себя в Боге — тем не менее является таким достижением разума, какое смог достичь Спиноза.

Кант подтверждает Творческую силу разума

Итак, этот полировщик линз завещал последовавшему за ним веку свое величайшее наследие и поставил перед ним величайшую задачу: внутренняя жизнь как высшая забота философа, а открытие ее законов и интерпретация ее реалий - высшая задача философии. Те, кто продолжил его работу, начали достаточно далеко, по-видимому, с того места, где он остановился, и пошли дорогой, странно далекой от его собственной. Взяв для своего изучения внутреннюю жизнь, они стремились обнажить самые ее основы. В наши дни, если нам так хочется, мы диктуем машинам, которые довольно странно записывают наши слова мелкими строчками на восковых цилиндрах, а когда цилиндры заполняются, стирают хрупкую запись и начинают все сначала.

Вот что сделал восемнадцатый век с разумом. Он свел его к девственной поверхности, он подтвердил реальность всего, кроме впечатлений, которые затем регистрируются с помощью того, что дает чувство. Мы обязаны испытать, и только испытывать, "весь тот обширный запас, который деловитая и безграничная фантазия человека нарисовала на нем [белой бумаге разума] с почти бесконечным разнообразием". Нам не с чего начать, кроме ощущения; нам не с чем идти дальше, кроме размышления. "Эти две, а именно внешние, материальные вещи как объекты ощущения и внутренние действия нашего собственного разума как объекты отражения, являются единственными оригиналами, откуда берут начало все наши идеи". [60] Таких вещей, как эти, возможно, достаточно для начала, но их недостаточно для продолжения, как вскоре обнаруживают наши мыслители. Необходимо найти какой-то способ связать полученный таким образом материал и превратить его в яркую, непрерывную, разумную и сознательную внутреннюю жизнь.

[60] Локк, "Эссе о человеческом понимании".

Итак, философы, в свою очередь, трудились над своей проблемой. Они много сделали не только для размышлений, но и для ассоциаций; они нашли место для памяти и воображения; они обнаружили, что мы можем столь же верно определять опыт в терминах идей, как и в терминах ощущений; наконец, они обнаружили, что даже с помощью самых остроумных рассуждений невозможно извлечь все богатство жизни из ума, который изначально был не более чем листом белой бумаги, так же как вы не можете извлечь Гамлета (если мы можем предположить, что Шекспир пользовался диктофоном) из воскового цилиндра, иглы и диафрагмы.

Итак, Кант завершил то, что начал Спиноза, подтвердив творческую силу самого разума. Он делает гораздо больше, чем пассивно принимает, он интерпретирует, организует, вносит свой вклад, создает. Достаточно верно, что он не является безусловным творцом, у него есть свои собственные законы, в повиновении которым он обретает и свою свободу, и свою силу. Для этого должен быть взят материал, который дает опыт, и все же на более высоких уровнях, в областях поведения и веры, то есть там, где совесть стала руководством, а потребности души - законом, мы действительно обладаем способностью предоставлять избирательные права послушанию и великолепным приключениям веры, чтобы сделать мир богатым добром, силой и миром. И здесь, еще раз, прослеживается странно современная нотка. Жизнь - это путь паломника. Мы задаемся целью выяснить, "может ли существовать какое-то реальное благо, открытие и достижение которого позволило бы нам наслаждаться непрерывным, высшим и нескончаемым счастьем". И мы действительно обладаем внутренней силой, если только сможем открыть управляющие законы и высвободить эффективные силы, чтобы приблизиться хотя бы на ступень к нашей цели. Все это способствует той экзальтации творческого "я", которая является столь характерной чертой современных взглядов и которая, возможно, является отличительным утверждением Новой Мысли.

Утилитаризм, деизм и индивидуализм - практический результат Великого Движения

Но для того, чтобы все это решилось само собой, требовалось время. Философская основа для этого была подготовлена, но от философии до практического образа жизни еще далеко. Трансцендентальной философии Канта потребовалось немало поработать, прежде чем она стала применимой на практике для обывателя. И начнем с того, что самое глубокое в философии Просвещения вело в неожиданных направлениях. "В то время как практические тенденции любой спекулятивной мысли неизбежно проявляются во мнениях и обычаях широкой публики, далекой от своих источников, это особенно верно в отношении философии Просвещения, что ее влияние сыграло немалую роль в формировании популярной точки зрения на моральные, религиозные и политические убеждения той эпохи".^[61] Утилитаризм, деизм и индивидуализм были, по словам Хиббена, популярным и практическим результатом всего движения — утилитаризма в этике, деизма в религии, индивидуализма в политике. Эти три растения — а за последние сто лет они принесли немало горьких плодов — произрастают из одной почвы. В целом они обусловлены сенсуализмом Локка, скептицизмом Юма, новым акцентом на разум в противовес откровению и самодостаточностью личности. Если сознательная жизнь - это не что иное, как проработанные и накопленные ощущения, тогда приятные ощущения - это лучшее, к чему мы можем стремиться, счастье - это конец поисков. Таким образом, утилитаризм определял доброту в терминах счастья и придавал поведению в целом алчное качество, за которое мы снова и снова расплачивались разочарованиями и крушением иллюзий эпохи, которая, полагая, что открыла истинный секрет благополучия, обнаружила слишком большую часть своего кажущегося счастья только в плодах Мертвого моря.

^[61] Хиббен, "Философия просвещения", стр. 253.

Они приносят горький плод: реакцию против Них

Деизм в своей реакции против религии как простого откровения и в своем стремлении найти рациональную основу для веры отделяет Бога от Его мира, отстраняя, не обращая внимания и не предлагая реальной помощи страдающему человечеству, между которым и Им Самим он выстроил жесткую структуру безличного закона. Индивидуализм восемнадцатого века был отчасти реакцией против старого деспотизма Церкви и государства — и Декларацией независимости. Отчасти это была гордость за достигнутые результаты и новое подтверждение самодостаточности ищущего разума. В этом также было здоровое признание ценности личности, в котором тогда нуждался мир и которое с тех пор послужило основой для спасительной страсти к образованию и человеческому благополучию. Но индивидуализм в том виде, в каком он применялся на практике в первые три четверти девятнадцатого века, - неожиданно усиленный некоторыми аспектами дарвинизма, — подчеркивал право сильного и обреченность слабого. Это сделало конкуренцию законом экономического развития, а выживание наиболее приспособленных - целью жизни, полной борьбы.

Сознательно или бессознательно политика, промышленность и религия девятнадцатого века находились под сильным влиянием этих выдающихся концепций. Нет необходимости говорить, насколько радикально они потерпели крах. Они способствовали углублению классовой и национальной розни, они, по сути, разрушили светлое обещание времени, на которое, казалось, можно было надеяться больше, чем почти на любой другой великий период истории.

И все же они никогда не оставались без ответа. Им бросил вызов сущностный дух христианства; им бросили вызов поэты, которые обнаружили, что не могут создать песен из такого материала, как этот; им бросили вызов философы, которые стремились построить для себя и для нас мир более свободный и истинный; им бросила вызов группа великих романистов, которые создали из богатства своего воображения персонажей и ситуаций, в которых любовь и человеческое достоинство пробивали себе дорогу, несмотря на тысячи препятствий. Им бросили вызов пророки лучшего мира, Раскинсы и Карлайлы, которые здраво оценивали этику эгоизма, политическую экономию конкуренции и политику самоутверждения и которые глубоко взволновали наиболее чувствительных людей своего времени. И, наконец, им был брошен вызов, и здесь мы снова начинаем приближаться к генезису Новой Мысли, к философскому движению, которое нашло свою отправную точку в определенных важных аспектах более раннего мышления, которые были сильно затемнены сложными формами, в которых оно было заявлено: превосходство души над всем, что ее окружает.

Теперь это возвращение к тому, что мы можем назвать созидательной и контролирующей силой духовных сил, является ключом к современному подходу к жизни. Возможно, мы не понимаем значения наших собственных терминов. "Дух" - достаточно расплывчатое слово, но мы точно знаем, что инициатива исходит от желания, цели и понимания. Они позитивны и властны; они ни в коем случае не свободны; они обусловлены более обширным порядком, частью которого они являются, тем не менее наш человеческий мир пластичен для их прикосновений, как и наш материальный мир. Карлайл пропел все это достаточно бурно, но в его бурной музыке есть зажигательная правда. "Таким образом, подобно какому-то дикому пылающему, необузданному грохочущему составу небесной артиллерии, это таинственное человечество гремит и пламенеет в протяжном, быстро сменяющемся величии в неведомых глубинах. Горы Земли сравнялись с землей, и ее моря наполнились на нашем пути. Может ли земля, которая мертва только в видении, противостоять духам, которые обладают реальностью и являются живыми?"

Трансцендентализм Новой Англии. Снова Квимби и Дрессеры

Достаточно любопытно, что эта цитата из книги, которую в наши дни, вероятно, никто не читает, за исключением, возможно, какого-нибудь университетского курса по ранневикторианской литературе, подводит нас к зачаткам новой мысли. Небольшая группа английских и американских мыслителей, частично философов, частично поэтов, частично бунтарей против установленного порядка, предвосхищала возвращение подготовленных студентов к более высокой и позитивной стороне старой философии. Они придавали большое значение внутренней жизни, ее силам и возможностям; они утверждали творческую силу души; они считали, что жизнь пластична для прикосновения видения и желания; они думали, что стоят на пороге нового мира. Они были нетерпимы к дисциплине; они мечтали о невозможных вещах и придавали своим мечтам авторитет реальности. Их было достаточно трудно понять, и они подвергали суровым испытаниям практичных трудолюбивых людей, но они растратили свое время и высвободили силы, которые все еще находятся в действии.

Новая Англия через группу предприимчивых мыслителей, из которых Эмерсон был самым выдающимся, решительно откликнулась на трансцендентализм. Другая группа, как уже было сказано, решительно откликнулась на месмеризм и спиритизм, которые также были частью брожения того времени, в котором христианская наука и Новая мысль (я использую Новую мысль здесь в техническом смысле) находят свой источник. И, наконец, Квимби, который является довольно неожиданно важным звеном в длинной цепи, — важным, то есть для изучающего современные культы, — выступил против месмеризма, почувствовал и продумал свой путь к некоторому пониманию силы внушения в ненормальных состояниях, применил свои выводы к вере и ментальному исцелению и собрал вокруг себя — как было сказано ранее — небольшую группу учеников, которые вместе совершили далеко идущие движения.

Миссис Эдди и Костюмеры были выдающимися членами этой маленькой группы учеников. Миссис Эдди вскоре отделилась от остальных и в книге "Наука и здоровье" изложила особую философию своего движения. Она организовала его в церковь; она навязала ему особую дисциплину. Немалая часть силы христианской науки обусловлена этой узкой жесткостью, которая сама по себе является проекцией личности Мэри Бейкер Эдди. Но Христианская наука увлекла за собой не всю группу, попавшую под влияние Квимби, и даже не всех тех, кто попал под влияние Мэри Бейкер Эдди. На протяжении всего периода становления этих современных культов шел непрерывный процесс раскола.

Таким образом, в результате мы имеем два расходящихся движения, связанных подпольными путями, хотя столь же заметных по различиям, как и по сходству, оба они начались примерно в одно и то же время, оба являются реакцией против общепринятых религиозных сил и обоснований, оба имеют ярко выраженное терапевтическое содержание, оба являются приключениями в образе жизни.

В нижеследующем кратком изложении я в долгу перед недавней "Историей движения новой мысли" Дрессера. Название "Новая мысль" было выбрано в качестве названия небольшого журнала, посвященного ментальному исцелению, издававшегося в 1894 году в Мелроузе, штат Массачусетс. "Этот термин стал популярным в Бостоне благодаря организации Метафизического клуба в 1895 году. Примерно в то же время оно было использовано мистером К.П. Паттерсоном в его журнале *Mind* и в названии двух своих книг". Предлагались и другие названия — в Англии "Высшая мысль"; в Бостоне "Высшая жизнь"; в Нью-Йорке маленькая

группа какое-то время была известна как "Круг божественного служения"; на западе движение было известно как "Божественная наука" или "Практическое христианство". Были также группы, которые называли себя Домом Истины или Обществом Безмолвного Единства.

Новая Мысль Обретает Форму

Новой мысли, как уже было сказано, не хватает определенного направления, которое всегда было у христианской науки. Ее организации росли незаметно, более или менее нерегулярно и всегда носили меняющийся характер. "Первым Обществом новой мысли с постоянным лидером и организацией в Бостоне была Церковь высшей жизни, основанная в 1894 году".^[62] Метафизический клуб был результатом деятельности группы "Новая мысль" в Бостоне. Дрессер приводит список первоначальных участников, который важен главным образом благодаря присутствию среди них некоторых учеников Квимби и других, чьи книги с тех пор заняли высокое место в литературе о новой мысли. Существовали очевидные связи между движением и либеральной (особенно унитарной) теологией.

^[62] Все цитаты в этом разделе взяты из "Истории новой мысли" Дрессера, если не указано иное.

Первый съезд "Новой мысли" был проведен в Бостоне в 1899 году (ранее в западных городах проходили съезды учеников божественной науки — родственного движения), а второй — в Нью-Йорке в 1900 году. Нью-Йоркский съезд был первым, на котором было сделано общее заявление о "целях" Лиги. В нью-йоркской программе мы находим некоего Свами Абхедананду, лектора по философии Веданты. Вот ранний признак возвращения восточных религий на Запад, что также является одной из характерных черт религиозного развития нашего времени. Нам не нужно подробно рассматривать список последовательных конференций с их темами и выступающими. Группа не такая большая, но те же имена появляются снова. На более ранних съездах предпринимались заметные попытки связать лидеров признанных школ философии и теологии с движением. В более поздних списках съездов этой тенденции не обнаруживается.

Судьба местных групп по всей стране была разной. Время от времени они меняли свои названия и, естественно, своих лидеров. Запад отреагировал, возможно, более решительно, чем атлантическое побережье. Движение особенно сильно на Тихоокеанском побережье. Доступных статистических данных нет, а обобщения имеют сомнительную ценность. Группы Цинциннати и Канзас-Сити Дрессер называет типичными организациями, но в целом они кажутся скорее исключительными, чем типичными. Сила движения "Новая мысль" не в его организации, а в его влиянии. "В Англии, как и в Америке, интерес был вызван христианской наукой, затем последовала постепенная реакция и создание независимых ответвлений движения". "Трудно, - говорит Дрессер, - получить информацию, касающуюся влияния литературы о новой мысли на иностранных языках". Однако более значимые книги о новой мысли были переведены по-разному и широко продавались. Лидеры новой мысли иногда советуют своим ученикам сохранить свои старые церковные ассоциации, и движение, естественно, имеет тенденцию сливаться с религиозным либерализмом в целом и становиться лишь аспектом разнообразных религиозных поисков смутного времени.

В Конституции и Подзаконных актах Альянса Новой мысли, опубликованных в 1916 году, целями общества являются "обучение безграничности Всевышнего, Божественности Человека и его Бесконечным возможностям посредством созидательной силы конструктивного мышления и

послушания голосу Внутреннего Присутствия, которое является нашим источником Вдохновения, Силы, Здоровья и Процветания". Здесь мы обнаруживаем ту же тенденцию к обожествлению заглавных букв, которую мы уже отмечали в христианской науке.

Его Вероучения

В 1917 году Международный альянс новой мысли пошел дальше, чем когда-либо прежде, в направлении вероучения и выдвинул следующую серию утверждений: "Мы подтверждаем свободу каждой души в том, что касается выбора и веры, и не будем, принимая какую-либо декларацию принципов, ограничивать такую свободу. Суть Новой Мысли - Истина, и каждый человек должен быть верен той Истине, которую он видит. Окна его души должны быть каждое мгновение открыты для высшего света, а его разум всегда должен быть гостеприимным к каждому новому вдохновению.

"Мы утверждаем Добро. Оно является высшим, универсальным и вечным. Человек создан по образу и подобию Добра, а зло и боль - всего лишь испытания и исправления, которые появляются, когда его мысль не отражает всего великолепия этого образа.

"Мы подтверждаем здоровье, которое является божественным наследием человека. Тело человека - это его святой храм. Каждая его функция, каждая его клетка разумна и формируется, управляется, ремонтируется и контролируется разумом. Тот, чье тело полно света, тот полон здоровья. Духовное исцеление существовало у всех рас во все времена. Теперь оно стало частью высшей науки и искусства жить более изобильной жизнью.

"Мы подтверждаем божественное обеспечение. Тот, кто служит Богу и людям в полном понимании закона компенсации, не будет испытывать недостатка. Внутри нас есть неиспользованные ресурсы энергии и могущества. Тот, кто живет всем своим существом и таким образом выражает полноту, пожнет полноту взамен. Тот, кто отдает себя, тот, кто знает и действует в соответствии со своим высшим знанием, тот, кто верит в божественное возвращение, познал закон успеха.

"Мы подтверждаем учение Христа о том, что Царство Небесное внутри нас, что мы едины с Отцом, что мы не должны судить, что мы должны любить друг друга, что мы должны исцелять больных, что мы должны воздавать добром за зло, что мы должны служить другим и что мы должны быть совершенны, как совершенен наш Отец Небесный. Это не только идеалы, но и практические принципы повседневной работы.

"Мы утверждаем новую мысль о Боге как о Всеобщей Любви, Жизни, Истине и Радости, в котором мы живем, движемся и существуем, и благодаря которому мы держимся вместе; что Его разум теперь является нашим разумом, что осознание нашего единства с Ним означает любовь, истину, мир, здоровье и изобилие не только в нашей собственной жизни, но и в раздаче этих плодов Духа другим.

"Мы утверждаем эти вещи не как профессию, а как практику, не в один день недели, а в каждый час и минуту каждого дня, во сне и наяву, не в служении немногих, но в служении, которое включает демократию для всех, не только на словах, но и в самых сокровенных мыслях сердца, выражаемых в проживании жизни. "По плодам их вы узнаете их".

"Мы утверждаем Небеса здесь и сейчас, вечную жизнь, которая становится сознательным бессмертием, единение разума с разумом во всей вселенной мысли, ничтожество всех ошибок и отрицаний, включая смерть, разнообразие единства, которое производит индивидуальные выражения Единой Жизни, и ускоренное осознание пребывающего в каждой душе Бога, который создает новые небеса и новую землю".

Мы обнаруживаем в этом символе веры более четкое признание идеалов и истин, унаследованных христианством, чем в более ранних заявлениях о цели. В ежегодном обращении Президента есть четкое указание на отношение евангелия Новой мысли к церквям. "Меня часто спрашивают: каково отношение этого движения к Церкви? Это не новая религия. Это не учреждение, стремящееся создать себя просто ради учреждения. Мы никого не просим покидать церковь. Мы просим их стать лучшими членами своих церквей, чем раньше. "Новое мышление" призвано делать людей лучше и эффективнее в любой сфере жизни, в которой они могут оказаться. Другими словами: "Новое мышление учит мужчин и женщин только старой доктрине здравого смысла о самостоятельности и вере в целостность вселенной и собственной души. Это облагораживает мужественность и женственность. "Главная идея, на которой основано христианство, - это идея общения с Богом, идея поклонения Богу в духе и истине. Это самый краеугольный камень тех современных движений, которые признают мужчин и женщин живыми храмами внутреннего Бога.... Я предсказываю, что эта новая интерпретация и новое понимание станут универсальными в наступающую новую эпоху".

Следующий абзац, однако, раскрывает синтетический характер движения. "Это реализация на практике учений не только Назарянина, но и любого другого великого религиозного учителя со времен сотворения мира; ибо по своей сути эти учения фундаментально схожи; и Новая Мысль и другие новые духовные движения - это всего лишь попытки применить в наших отношениях друг с другом эти простые и возвышенные истины".

Диапазон движения

Я подробно процитировал эти программы, утверждения и это единственное обращение, чтобы указать на размах движения в том виде, в каком оно нашло официальное выражение. Однако мы должны обратиться к литературе движения в целом, чтобы получить полное представление о его масштабах и влиянии. Литература в целом делится на три класса: (1) книги, посвященные в основном исцелению; (2) книги, которые рассказывают о характере, духовных состояниях и полноте жизни; (3) то, что можно назвать книгами об успехе, которые применяют новые идеи в бизнесе и практическом образе жизни. Демаркационные линии между этими тремя типами книг, конечно, не ясны, и есть материал, общий для всех них, но предлагаемое таким образом различие реально.

Как принцип исцеления Новая мысль отличается от христианской науки почти во всем диапазоне своих допущений. Она не отрицает реальность материи, не отрицает реальность страдания и не проводит различия, как это делает христианская наука, между Божественным Разумом и разумом смертных. Согласно Новой мысли, существуют целительные силы, которым можно доверять в выполнении в нас своей лечебной работы, если только мы отдадим себя им и позволим им поступать по-своему. В Новой мысли нет ничего, что вполне соответствовало бы "демонстрации" христианской науки. Беспристрастному наблюдателю могло бы показаться, что христианская наука требует от своих учеников интенсивности позитивных усилий, которых не требует Новая Мысль. Дрессер, например, считает, что все страдания являются результатом

борьбы. Как только мы прекращаем борьбу, мы перестаем страдать, при условии, конечно, что наше прекращение направлено на расслабление и веру в высшую силу. Однако в некоторых регионах христианская наука и Новая мысль как терапевтические агенты работают в одном направлении, но там, где христианская наука отрицает, Новая мысль игнорирует. Здесь "Новая мысль" больше использует психологические законы; в своей психологии она в целом следует Джеймсу, как следует Эмерсону в его мысли о сверхдуше, хотя в этой области отстраненная безмятежность веры Эмерсона воплощается в настойчивом утверждении божественной имманентности, которой "Новая мысль" обязана предложениям и аналогиям современной науки.

Новая мысль во многом смещает внимание, и ее дисциплины - это скорее дисциплины мистика, чем дисциплины христианского ученого. По существу, она направлена на то, чтобы установить законы разума в действии, а затем, используя эти знания, обеспечить здоровье, счастье и процветание. Это, конечно, во многом подчеркивает центральную роль разума как в благополучии, так и в боли. Вряд ли это заходит так далеко, чтобы сказать, что боль - это ошибка в вере, но это действительно говорит о том, что боль - это вопрос сознания и что, поскольку мы являемся хозяевами сознания, мы являемся хозяевами боли. Она верит в передачу мыслей и заочное лечение, но, возможно, более консервативна в тех случаях, за которые готова взяться, чем христианская наука, и признает ограниченность возможностей целителя.

Ключевые слова новой мысли

Его ключевые слова - Гармония, Реализация, Утверждение и Уравновешенность. Как раз здесь Новая Мысль представляет собой причудливо переплетенную паутину. В нем много говорится о "вибрации" и "трении". Очевидно, что он находится под влиянием волновой теории света и тепла. Она наиболее надежна в своем анализе и применении законов ментального действия, наиболее ненадежна в попытках объяснить связь разума с телом и в своем объяснении физических явлений болезни. Усталость, например, "очевидно, вызвана призывом власти направить свои усилия в новое русло. Это [очевидно, что сила] вступает в контакт с плотной материей, с необработанной частью существа, как физической, так и ментальной, и естественным результатом является встреча с каким-либо сопротивлением, трением". Стоит только сравнить подобное утверждение с тщательным изучением Кэнноном телесных изменений под влиянием эмоциональных состояний, чтобы увидеть разницу между предположениями, контролируемые по аналогии, и просветляющими экспериментальными методами современной науки.

Когда Дрессер добавляет, что "мы уничтожим болезнь не борьбой с ней, не изучением ее причин или лечением ее физических последствий, но видением мудрости лучшего пути", он вступает на опасную почву, ибо, если мы не будем изучать причины болезней, а будем руководствоваться безмятежными обобщениями спекулятивного ума, мы закрываем перед собой одну из дверей, через которые мы входим в то познание разума Бога, о котором так много говорит Новая Мысль. Как нам познать разум Бога, кроме как задавая бесконечные терпеливые и осторожные вопросы по каждому откровению божественного метода, будь то в болезни или здравии?

Однако "Новая мысль" придерживается гораздо более конструктивного взгляда на страдание, чем "Христианская наука". Для Новой мысли страдание, по крайней мере, дисциплинирует и поучает: оно заставляет размышлять: оно приводит нас к познанию закона. Следовательно,

оно, безусловно, справедливо и может быть добрым. Действительно, Новая Мысль иногда заходит так далеко, что говорит, что страдание - это еще и проявление любви, и поэтому его нужно принимать и принимать с удовольствием. Его общие выводы в этой области гораздо более надежны, чем его настойчивое упоминание вибрации и трения и обширные технические подробности.

Когда Дрессер говорит, что есть разница "между игнорированием проблемы, между пренебрежением надлежащей заботой о себе и тем мудрым направлением мысли, которое никоим образом не препятствует, а, несомненно, помогает излечить наши болезни", он находится на совершенно безопасной почве. Когда он добавляет, что есть веские основания полагать, что "существует простой, естественный выход из любой беды, что добрая природа, которая является другим именем всеведущего Бога, всегда готова сделать для нас все возможное", он говорит с мудрой и прямой готовностью помочь, хотя здесь, как правило, Новая Мысль склоняется к слишком большому упрощению. Из любой беды есть выход, но он не всегда прост, часто он трудоемок и бросает вызов. Мы совершили чудеса в области тропической санитарии, но выход оказался совсем не простым. Это были эксперименты, которые стоили жизней врачам, которые пожертвовали собой ради человечества так же благородно, как любой солдат на любом поле боя; это было связано с тяжелым трудом, вызванным рытьем дренажных канав, восстановлением фундаментов городов и тысячами забот и мер предосторожности. Если New Thought желает отвергнуть подобный процесс с помощью единственного прилагательного "простой", она может поступать как ей заблагорассудится, но это не простота, как ее определяет словарь.

Сфера его реальной полезности

Весь этот образ мышления, Новая мысль которого является лишь одним из аспектов, фатально открыт для критики именно здесь. Она игнорирует огромный труд человечества в его кропотливом паломничестве к лучшему и слишком охотно провозглашает короткие пути к великим целям, когда в жизни никогда не было и никогда не будет коротких путей. Тем не менее, доверие и спокойствие ума и души, а также полная открытость исцелению, спасительные силы являются огромными целебными средствами, и в связи с этим Новая Мысль напомнила нам о том, что в самом напряжении жизненных битв мы склонны забывать. И, вне всякого сомнения, в том неясном диапазоне заболеваний, которые возникают из—за отсутствия сбалансированной жизни - беспокойства, страха, погруженности в себя и перенапряжения, - методы Нового Мышления имеют особую ценность.

В целом, если проследить за историей и литературой "Новой мысли", то можно обнаружить, что, хотя все началось с группы, более заинтересованной в исцелении, чем во всем остальном, исцеление стало играть все менее важную роль в развитии движения, и большая часть его литературы посвящена тому, что, возможно, можно было бы назвать законами психической и духовной гигиены. Принципы, заложенные в New Thought как культе исцеления, имеют собственный вес в других регионах. Достаточно важно выздороветь — это само собой разумеется, — но еще важнее оставаться здоровым. Хорошее здоровье в целом - это своего рода побочный продукт. Мы страдаем от духовной и ментальной дезадаптации так же отчетливо, как и от физической. Мы страдаем также от чувства неадекватности, то есть от ощущения отягощающей диспропорции между нашими собственными силами и жизненным вызовом. Новая мысль все чаще обращается к таким состояниям и проблемам, как это. Здесь

это перестает быть культом или методом исцеления и приобретает наиболее значительное влияние, и здесь также это в целом принимает направление и отождествляется с тем, что является наиболее истинным в христианской религии, с тем, что является наиболее здоровым и ясным видением в современном мышлении. Типичные книги, представленные здесь, - "В гармонии с бесконечностью" Трина и подобная литература.

Это Евангелие успеха

Другое применение новой мысли - в направлении личной эффективности. В этой области имеется значительное количество литературы. Она специально не называет себя "Новой мыслью", но она пропитана основами новой Мысли и имеет отчетливо выраженный взгляд на Новую Мысль. Марден - самый популярный и плодовитый писатель в этой области, и названия его книг наводят на размышления: "Поддержание физической формы", "Продажа вещей", "Победоносный настрой", "Тренировка эффективности", "Продвижение вперед", "Инвестиции в себя", "Будь добр к себе", "Может тот, кто думает, что может", "Характер", "Возможность", "Железная воля". Нечто подобное, конечно, делалось и раньше, но современная литература по эффективности продвигается более широким фронтом, чем предыдущие книги, и более полно использует новую психологию. Вся эта литература сильно акцентирует внимание на движущей силе самоутверждающейся личности, сильно контролируемой волей, целеустремленной и владеющей своими собственными силами. Он предлагает подходы, с помощью которых можно преодолеть волю других людей, пробудить их интерес или обеспечить их сотрудничество.

Цитировать практически невозможно — материала так много, и большая его часть является банальной. Требуется много набивки, чтобы сделать полки с книгами из знакомых и общепринятых трюизмов, которыми являются "Нагорная проповедь" и "Заповеди Блаженства" этого евангелия личной эффективности. Поддерживайте форму, не сдавайтесь, самоутверждайтесь, никогда не допускайте возможности неудачи, изучайте свои собственные силы и слабости, а также силу и слабость вашего конкурента, и успех будет вашим. Постоянно смотрите на светлую сторону каждой ситуации, отказывайтесь заикливаться на темной стороне, не признайте никакой реальности, кроме гармонии, здоровья, красоты и успеха.

Справедливо будет сказать, что успех определяется щедро, и последователей этой Новой Мысли просят также жить в более тонких чувствах — то есть распознавать красоту, дружбу и добродетель, — но в целом идеальный персонаж, определенный таким образом, - жизнерадостный оптимист, который продает свои товары, преуспевает в своих планах и по-своему относится к миру. Это апофеоз того, что Джеймс назвал "Религией здорового мышления"; все это легко вписывается в господствующий настрой нашего времени и, кажется, примиряет служение двум господам, Богу, и Продвижение Вперед, которое одинокий учитель давным-давно считал совершенно невозможным.

Естественно, у такого движения много последователей - учеников, которые, несомненно, "получают свою награду". Столь заманчивое Евангелие, несомненно, имеет своих собственных пограничных пророков, и стоит только изучить рекламу в наиболее читаемых журналах, чтобы увидеть, до какой степени предлагаются всевозможные короткие пути к успеху любого рода, и насколько обычно вся эта реклама основывается на двух или трех принципах, которые вращаются вокруг самоутверждения как центра и продвижения как символа веры. Было бы напрасно недооценивать влияние всего этого или, более того, преуменьшать его полезность. Несомненно, в этом применении принципов Нового Мышления есть тонизирующее качество, в

котором очень нуждаются подавленные, колеблющиеся и ошибочно считающие себя застенчивыми люди.

Ограничения и опасности Его Позиций

Но во всем этом есть очень большая опасность свести к минимуму трудности, которые действительно стоят на пути успешного ведения жизни, трудности, которые не устраняются, потому что их отрицают. И прежде всего существует очень большая опасность слишком мало внимания уделять той терпеливой и кропотливой дисциплине, которая является единственным прочным фундаментом, на котором может быть установлена реальная власть. Здесь повсюду присутствует призыв к поверхностности, и, прежде всего, здесь повсюду прослеживается тенденция к созданию типа характера, который в действительности ни в коем случае не вызывает восхищения, как это кажется на ярких страницах этих пророков успеха. В конце концов, самоутверждение - это очень спорное кредо, поскольку самоутверждение с большой вероятностью приведет нас к довольно жестоким столкновениям с самоутверждениями других и, в конце концов, подарит нам мир эгоистов, чей эгоизм от этого не становится менее пагубным, хотя он и носит одеяние солнечной жизнерадостности и провозглашает непобедимый оптимизм. В конце концов, самоутверждение - это символ веры.

Но, во всяком случае, Новая Мысль, в той или иной форме, глубоко проникла во всю ткань современного взгляда на жизнь. Справедливая оценка этого нелегка и требует тщательного анализа и уравнивания тенденций и сил. Мы сразу же осознаем огромное расхождение с унаследованными нами формами религиозной веры. Новое мышление - это переплетение таких психологических тенденций, которые мы уже проследили с учетом выводов и аналогий современной науки. Бог новой Мысли - это имманентный Бог, которому никогда не давали четкого определения; действительно, на основании многих репрезентативных высказываний можно утверждать, что Бог Новой Мысли вовсе не является личностью, а скорее всепроникающей силой, движущей энергией, которую мы можем обнаружить как в самих себе, так и в окружающем нас мире и которой мы подчиняемся, без особых усилий с нашей стороны, как некоему сильному, непреодолимому приливу.

Следовательно, главное дело жизни состоит в том, чтобы обнаружить направление этих сил и законы их действия и, насколько это возможно, привести как характер, так и поведение, через подчинение таким законам, к триумфальному партнерству с такой главной силой — своего рода покоряющее самопожертвование силе, которая не является нашей собственной, и все же которую мы можем не знать отдельно от самих себя, которая в высшей степени способствует не праведности (праведность - слово, не часто встречающееся в литературе по новой мысли), а гармонии, счастью и успеху.

Это сильно изменяет православное богословие

Такое общее утверждение, как это, конечно, должно быть оговорено. Даже самые набожные люди, чья вера и характер были в равной степени сформированы унаследованной религией, в которой главным образом утверждается личность Бога, обнаруживают, что их собственные представления о Боге колеблются. Такая великая вещь, как вера в Бога, всегда должна иметь свои огни и тени и свои меняющиеся настроения. В моменты нашей более глубокой преданности и более верного прозрения чувство высшей личной реальности и жизненно важного единения с ней является наиболее ясным и сильным; тогда происходит некоторый спад

наших собственных способностей к восприятию, и мы, кажется, находимся во власти безличного закона и во власти сил, которым нет дела до наших собственных личных ценностей. Новая мысль естественным образом отражает все это и добавляет к этому свою собственную неопределенность. В литературе о Новой Мысли достаточно отрывков, в которых признается личность Бога, точно так же, как достаточно отрывков, которые, кажется, сводят Его к власти и принципу, и секрет таких расхождений, возможно, не в верованиях Новой Мысли, а в различиях в позициях ее священников и пророков. Таким образом, можно сказать, что Бог Новой Мысли всегда имманентен, всегда является силой и законом, а иногда интимным и личным. Как бы ни определялась эта сила, она ведет тех, кто посвящает себя ей, к определенным целям благополучия. Новая мысль наших дней отражает оптимистическую ноту научной эволюции поколения назад. Это не совсем "Бог на Своих небесах, с миром все в порядке", но это утверждение потоков стремлений, неизменное направление которых - к счастью и успеху.

Если элемент борьбы и подразумевается в том особом виде спасения, который проповедует Новая Мысль, то он, по крайней мере, не выражен ясно. В последнее время среди нас появилось новое и очень дорого купленное признание элемента борьбы, который, по-видимому, присутствует во всей жизни. Оптимистическая эволюционная философия, в которой коренится Новая мысль, в целом не оправдана ни историей, ни проницательностью тех, кто был наиболее богат духовным пониманием, ни, более того, результатами этой философии в наше время. Счастливая уверенность в том, что нам не нужно бороться, а скорее нужно посвятить себя силам, которые автоматически ведут к счастью и благополучию, только глубже вовлекла нас в борьбу, где в некотором смысле самодовольное счастье и благополучие репрезентативной литературы о новой мысли кажутся более отдаленными, чем когда-либо.

Это устранение элемента моральной борьбы и потребности в освобождении, которые так сильно окрашивали старые теологии, придает особый характер теологии новой мысли. В нем нет места плану искупления; в нем нет места искуплению, за исключением того, что искупление может быть понято как замещающее разделение страданий, сопутствующих любой борьбе за лучшее; в нем нет места старой антропологии христианского богословия. В целом, это мало что может сказать о грехе. Аллен говорит в очень вдумчивой короткой статье о новом мышлении в "Энциклопедии религии и этики" Гастингса: "Новое мышление исключает такие доктрины, как двойственность человека и Бога, чудеса в общепринятом смысле, прощение грехов и посредничество священников. Она стремится интерпретировать мир и природу так, как их зафиксировала наука, но также и донести их более тонкие и эзотерические значения до человеческого понимания. Фундаментальная цель религии и науки одна и та же, а именно, открытие истины". "Новая мысль не учит моральной порочности человека. Такие мысли деморализуют и ослабляют личность. Чудеса в общепринятом смысле Новая Мысль не считает возможными во вселенной закона. Единственные чудеса - это явления, которые не поняты, но, тем не менее, являются результатом действия закона. Он применяет прагматический критерий к любой религии и философии. Вы верите? Что вы даете человеку для выполнения его повседневной задачи?" "Новая мысль не признает никакого авторитета, кроме голоса души, обращенного к каждому индивидууму. Каждая душа может правильно истолковать оракулы истины".

Стремится стать Универсальной и неопределенной Религией

Таким образом, богослужение становится скорее созерцанием, чем обожанием, и значительная часть литургического материала, которым до сих пор специально снабжало христианство, становится бесполезной для этого культа. Христианская гимнология нуждалась бы в большом редактировании, прежде чем она могла бы служить новым мыслительным целям; вся концепция молитвы должна была бы быть изменена. Естественно, что в своем более отчетливом религиозном аспекте Новая Мысль одновременно неустойчива и неполна. Это провозглашение, по словам одного из его представителей, сильного индивидуализма, в котором разум человека является высшим. Правильное мышление - ключ к правильной жизни. Новая мысль утверждает безграничные возможности личности. Здесь, возможно, она более свободна в своем мышлении, чем в любой другой области. Он свободно использует слово "бесконечный" и окружает себя атмосферой безграничной надежды, столь же заманчивой, сколь и туманной.

Интерес Новой Мысли в основном заключается в настоящем времени жизни; ее будущее - в вечном прогрессе, который, конечно, должен подразумевать бессмертие. Новая мысль гостеприимна к истине, из какого бы источника она ни исходила. Оно особенно восприимчиво к предложениям восточных религий, и, поскольку оно сформировалось как отдельное религиозное движение, оно становится все более и более заметным видом синкретизма, объединения религиозных элементов, почерпнутых из широко распространенных источников, и оно явно стремится ни к чему иному, как к универсальному религиозному братству, в котором признаются ценности любой истинной веры и которое должно находиться под контролем того, что наука может сказать о внешнем мире и психология мира внутреннего. Одним словом, новая мысль - это выдающийся аспект неоспоримо религиозной природы человека, стремящийся подчинить своим целям и наполнить своим духом новый материал, который наука, психология и сравнительное религиоведение предоставили нам на службу за последние два поколения.

Если Новая мысль во многом расходится с общепринятой христианской теологией, в других регионах она проходит параллельно с тем, что неизменно верно в Евангелиях, а также с немалой частью тех усилий по теологической реконструкции, которые широко известны как Новая теология. Как правило, мы вынуждены перестраивать наши верования и приспособливать наше религиозное мышление к тому, что является правдой о нас в нашем понимании нашего мира, его истории, его механизма и законов нашей собственной жизни. Теология должна принимать во внимание творческую эволюцию и человечество, которое с самого начала боролось за возвышение на обширном фронте, а также открытия Науки и намеки психологии.

Потребуется немало новаторства, чтобы найти дороги в этих новых регионах, и такие предприимчивые души, которые ищут новые пути, с дерзким пренебрежением к древним ориентирам и истинной страстью находить религиозный смысл в новых фактах и силах, действительно служат всем нам. Однако существует опасность, что при всей свободе своих рассуждений они могут оказаться слишком нетерпеливыми к старому опыту и священным определенностям, поскольку сам этот старый опыт имеет глубокие корни и свидетельствует о реальности, которую мы можем быть вынуждены впустить через окно, после того как выставим за дверь.

IX

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОСТОКА На ЗАПАД

ТЕОСОФИЯ И РОДСТВЕННЫЕ КУЛЬТЫ

Исторические силы понесли раннее христианство на Запад, а не на Восток. Далеко идущие результаты этого процесса

Христианство в своем начале не принадлежало ни Востоку, ни Западу; оно зародилось там, где они встретились, и его последующее развитие в значительной степени определялось направлением доминирующих течений исторического развития. Но с начала христианской эры основные потоки человеческой деятельности текли на Запад, и они несли с собой христианство. Таким образом, это исключительно западное развитие. Это не делается для того, чтобы приуменьшить влияние Востока на ранних этапах становления христианства.

Несомненно, существовала определенная мера уступок, некоторое дуновение духовных ветров с меняющимися направлениями в обширных регионах и смутное время, которое переносило зародышевые силы из одной религии в другую. Но в основном христианство, по прекрасному выражению Гарднера, было крещено в формах и силах Запада. Я говорю в основном, потому что во времена святого Павла Малая Азия была местом встречи множества религий, и его первые обращенные язычники принесли с собой в свою новую веру очень многое из того, чем их сделали старые веры.

В апостольском мире, как правило, существовало очень сильное стремление к духовному освобождению и мистический темперамент, который легко перенял и трансформировал те элементы христианства, которые поддавались мистическим интерпретациям. Кое-что из этого мы обнаруживаем в самих Посланиях Павла; использование Павлом слова "тайна" показывает, как он приспособил свое учение к пониманию тех, к кому обращался сам. Цитируем Гарднера: "В росте и распространении народных суеверий, если мы можем назвать их таким грубым именем, мы вполне можем разглядеть постепенную подготовку к христианству.... Эти религии стоят по отношению к христианству, продолжая мое биологическое сравнение, как крылья пингвина стоят по отношению к крыльям орла, и, конечно, не будет пренебрежением к христианству сказать, что оно удовлетворило слепые стремления языческой нации и указало им путь, по которому они на протяжении долгих поколений пытались найти свой путь. Религиозные потребности, которые были весьма несовершенно удовлетворены посвящениями, церемониями и молитвами культов языческих божеств-спасителей, нашли полное удовлетворение в вере в возвышенного Христа".[63]

[63] "Рост христианства", Гарднер, стр. 136. Для более полной трактовки с наводящими на размышления подробностями смотрите "Золотую ветвь" Фрейзера, глава 37.

Христианство не могло бы совершить это действительно великое дело, не будучи в то же время затронуто тем, что оно, в какой-то мере, восприняло и завершило. Таким образом, влияние Азии на христианство является вполне реальным. Можно только гадать, что произошло бы, если бы курс империи был направлен на Восток, а не на Запад. Христианство могло бы тогда проникнуть в Индию и Китай и на протяжении долгих веков наполняться столь отчетливо восточным содержанием, что приобрело характер, радикально отличный от его западной формы. Но этого не произошло. Если следовать фигуре Гарднера еще дальше, то она была крещена в греческой философии, римском империализме и могуществе зарождающихся наций западной Европы, а

также в средневековом духе, и поэтому мы стали ее наследниками. Более того, Восток шел своим собственным путем, без влияния Запада, пока не развились два совершенно разных типа культуры, цивилизации, религии и подхода к реальности, столь же далеких друг от друга, как Восток от Запада, и каждый из них, почти до нашего времени, практически не подвергался влиянию другого.

Запад заново открывает Восток; Восток Возвращается к Западу

Учитывая контакты современного мира, эта массовая изоляция культур не могла продолжаться. Восток и Запад должны были встретиться, и их встреча неизбежно повлияла на религию. Западное христианство уже более ста лет посылает своих миссионеров на Восток, и восточные религии начинают посылать своих миссионеров на Запад. Более справедливо, что возвращение Востока на Запад заключается не столько в миссионерской пропаганде, хотя и в этом есть доля истины, сколько в более тонкой идеологической обработке западных спекуляций очарованием и тайной восточных культов. Невозможно проследить за этим процессом в деталях, но он длится уже достаточно долго, чтобы мы начали видеть его результат и оценивать его силу. Все началось с новой мысли. Восточные имена можно встретить в программах съездов "Новой мысли"; философия Веданты излагалась ораторами из Восточной Индии на конференции Greenacre в штате Мэн в конце девяностых; Б. Ф. Миллс читал лекции по восточным Писаниям в 1907 году; а лекция по философии Веданты включена в программу второго съезда Международной метафизической лиги, состоявшегося в Нью-Йорке в 1900 году. Движение новой мысли в Англии, естественно, отразило ту же тенденцию проливать свет на восточные спекуляции даже более заметно, чем американское движение.

Все это было достаточно естественно, потому что Новая Мысль, однажды оторвавшись от унаследованного христианства и посвятив себя чистым спекуляциям об источниках и смыслах жизни, наверняка обнаружила, что Восток занимался именно этим на протяжении тысячи лет. Произошли две вещи. Во-первых, "Новая мысль" приветствовала восточных учителей на своих собраниях в надежде получить таким образом некоторую долю просветления, а во-вторых, многие из этих искателей, обнаружив, что Восток богат спекуляциями, по сравнению с которыми Запад действительно беден, полностью переняли восточные культы, полностью посвятили себя их изучению и стали их горячими приверженцами и миссионерами.

Обобщения всегда опасны, и хотя Восток, пока Запад не начал их эксплуатировать, оставался практически неизменным, Запад менялся так часто, что все, что кто-либо может сказать о нем, должно быть немедленно оговорено. Но, в целом, восточная и западная жизнь организованы вокруг совершенно разных центров. Запад в его нынешней фазе преимущественно научный. Наши лаборатории, возможно, являются отличительной чертой нашей цивилизации. Мы всегда задаем вопросы внешнему миру; мы жаждем фактов; мы всегда стремимся открыть закон и направление физической силы; мы сравнительно мало учитываем наши собственные внутренние состояния, но мы уделяем огромное внимание вселенной, частью которой мы являемся, и силам, которые действуют вокруг нас. Наша реальность - это то, к чему мы прикасаемся и что видим. Мы значительно расширили возможности нашего зрения с помощью микроскопа и телескопа, но не спешим выходить за рамки того, что они нам открывают. Мы повысили чувствительность наших прикосновений с помощью инструментов наших лабораторий. У нас есть органы, способные чувствительно регистрировать вибрации эфирной

силы и даже взвешивать свет. Но мы не спешим распознавать любой диапазон реальности, не открытый нам таким образом.

Таким образом, мы достигли действительно просветляющего понимания физической вселенной; мы сформулировали ее законы, записали их последовательность и чудесным образом превратили ее в инструмент нашего материального благополучия. Если мы вообще размышляли, то скорее в направлении изначальной природы материи и силы, поскольку они предоставили нам материал для размышлений, чем в каком-либо другом направлении. Мы обычно и обоснованно подозрительно относились к выводам, которые не могут быть проверены научным методом, и поэтому выстроили вокруг себя ограничивающие рамки мышления, которые мы совершенно не желаем преодолевать. Мы нашли настоящую радость в действии, а не в медитации. Наши научные достижения дали материал для нашей неугомонной энергии, а наша неугомонная энергия подтолкнула нас к новым достижениям.

Действительно, в последнее время появились признаки перемены настроения. Мы начинаем обнаруживать, что наука имеет явные ограничения; существуют области реальности, о которых наши лаборатории не могут дать никакого возможного отчета, и мы начинаем принимать их во внимание. Но в значительной степени зрелый западный взгляд на жизнь был обусловлен научной интерпретацией вселенной.

"Два святых" Честертон

Восток пошел по совершенно иному пути; его лаборатории были лабораториями души. Восток мало заботился о внешних вещах; он был чрезвычайно озабочен своей собственной внутренней жизнью. Восток не предпринимал особых попыток овладеть внешними силами; в целом он довольствовался тем, что позволял им поступать по-своему, возможно, понимая, что, в конце концов, то, что внешний мир может сделать для внутренней жизни, ничтожно мало по сравнению с тем, что душа может сделать для себя сама. Раса, климат и последовательность истории - все это сговорилось, чтобы породить такой темперамент. История Востока представляет собой странное сочетание стремительности и покоя; у его более энергичных рас были свои периоды завоеваний и свирепого господства, но рано или поздно то, что они завоевали, завоевало их самих, и они приняли, со своего рода неизбежным фатализмом, давление сил, которые они были бессильны подчинить своим собственным ослабляющим целям. Они до предела заселили свои земли и смирились с нищетой, которую неизбежно порождает плотное население без научных ресурсов, на бедной почве и в суровом климате. Более беспомощные положились на судьбу и приняли с жалкой покорностью свое тяжелое положение, прося лишь об освобождении от этой скуки. "Лучше, - гласит восточная пословица, - сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше спать, чем лежать, и смерть лучше всего".

В такой интерпретации жизни есть безмерная усталость и разочарование, которые не нуждаются в комментариях. Но восточный ум утончен и спекулятивен, обладая особой проникающей способностью; и за неимением какой-либо другой области, в которой можно действовать, он замкнулся на себе.

Честертон в одном из своих блестящих абзацев одновременно затронул и упустил из виду огромную разницу между Востоком и Западом.^[64] "Нет двух идеалов более противоположных, чем христианский святой в готическом соборе и буддийский святой в китайском храме. Оппозиция существует в каждом пункте; но, возможно, самое короткое утверждение об этом

состоит в том, что у буддийского святого всегда закрыты глаза, в то время как у христианского святого они всегда очень широко открыты. У буддийского святого гладкое и гармоничное тело, но его глаза отяжелели и залеплены сном. Тело средневекового святого исхудало до костей, но его глаза пугающе живые. Не может быть никакой реальной духовной общности между силами, создавшими столь разные символы. Допустим, что оба образа являются экстравагантностью, извращением чистого вероучения, это должно быть реальное расхождение, которое могло бы породить такие противоположные экстравагантности. Буддист смотрит с особой сосредоточенностью вовнутрь; христианин смотрит с неистовой сосредоточенностью вовне. Если мы будем неуклонно следовать этой подсказке, то обнаружим кое-что интересное".

[64] "Ортодоксия", стр. 243.

Но, следуя собственному методу Честертона, святой с открытыми глазами все еще может быть слепым, в то время как святой с закрытыми глазами действительно может видеть очень многое, а Восток видел многое. Является ли то, что он видит, правдой или нет, это другой вопрос, но нельзя отрицать масштабность его гипотезы. Восточный святой стремился ответить сам и по-своему на те неотразимые вопросы, которые лежат в основе любой религии — откуда? и Куда? и почему? Он тоже стремился установить правильные отношения с силой, проявляющей себя во вселенной, и он стремился с интенсивностью усилий, непривычной для Запада, к реальному общению с силой, которую он открыл. И прежде всего, он искал избавления.

Почему Запад ставит под сомнение Восток

Он не так сильно осознавал необходимость прощения, поскольку прощение не играет большой роли в его понимании последовательности жизни, но он достаточно озабочен тем, чтобы освободиться от боли и усталости, и в своих лучших проявлениях он прослеживал связь моральных причин и следствий гораздо более аналитично, чем его западный брат. Он, действительно, привнес в свое уравнивание жизненных счетов в значительной степени спекулятивные элементы, но Запад сделал то же самое, поскольку жизненные счета упорно отказываются быть сбалансированными, если не принимать во внимание что-то выходящее за рамки обычного опыта. Однако стремление Востока к освобождению в целом было менее теологическим и более простым, чем стремление Запада. Запад был вынужден обратиться к Востоку за учением и освобождением благодаря объединению сил. Я уже заметил, каким прямым образом Новая Мысль, некогда посвященная свободным размышлениям о жизни и Боге, нашла близкое руководство в восточных культах, но в нее проникают и другие элементы. Запад начал в чем-то разделять разочарование Востока; так много вещей, которые обещали избавить нас, казалось бы, не оправдали наших ожиданий. Наши науки неизмеримо расширили наши знания и увеличили нашу мощь; они способствовали нашему материальному благополучию; они творили для нас свои чудеса; но они не принесли нам ни покоя, ни истинного счастья. Вместо этого они добавили свои собственные беспорядки к другим нашим затруднениям и, в конечном счете, просто расширили границы таинственного и придали нашим проблемам новое, более масштабное качество.

Наши демократии и наши гуманитарные движения показали нам, что ключи как к свободе, так и к прогрессу по-прежнему находятся в природе человека, а не в формах организации и правления. По мере того как наши цивилизации становились старше, и особенно по мере того,

как они растрачивали себя на войны, некоторая тень вековой усталости Востока начала падать на наш западный мир. Мы также решительно выступили против материализма в мышлении и жизни; мы начали понимать, как уже было сказано, что потребность и сила личности имеют право отстаивать себя против господства вещей. Мы начинаем признавать право религии и философии предлагать термины науке, и все эти тенденции объединились, чтобы произвести на свет значительную группу людей, которые, не найдя, по той или иной причине, реального удовлетворения в унаследованном ими христианстве, приветствовали восточное решение жизненных проблем или же положительно обратились к Востоку в надежде открыть то, что западное христианство не смогло им дать. Следует также добавить, что чистая любовь к спекуляции, которая является одной из фаз современной мысли, открыла Запад для Востока. Если неограниченные спекуляции - главное дело жизни, то Восток, безусловно, может предложить нам все, и как предупреждение, как мы сейчас увидим, так и руководство.

Пантеизм и его проблемы

Древние восточные религии, прежде всего, пантеистичны. Мы видели, как религия в целом в своем развитии черпает форму и содержание из своей господствующей концепции Бога. Мы также видели, что существуют три основные концепции Бога: Он понимается как Трансцендентный или Имманентный, или же Он просто отождествляется с масштабом и силой вселенной. Пантеизм, как правило, является порождением задумчивого удивления и некритичного мышления; пантеизм скорее чувствует, чем думает; он скорее принимает, чем стремится объяснить. Он может быть достаточно набожным, но его преданность скорее пассивна, чем активна. Пантеизм никогда не был научным в общепринятом смысле этого термина; его мало заботит закон; он объясняет, персонифицируя силы, с которыми ему приходится иметь дело; он сродни настроению, которое находит некий оживляющий дух во всех явлениях природы. Течение вод, рост вещей, движение облаков по небу - все это для пантеизма просто проявление действия того или иного внутреннего духа, без которого они не могли бы ни существовать, ни продолжаться.

В своем худшем проявлении пантеизм проявляется в гротескной мифологии и непостижимом умножении божественности; боги в индуистском пантеоне исчисляются тысячами. В лучшем своем проявлении пантеизм проявляется в своего рода мистической поэзии и создает преданного, чувствительного, как Тагор, к мимолетным проблескам красоты сквозь мрак вещей, выражающего свои молитвы и озарения редкими фразами, которые, в целом, резко контрастируют с окружающей его действительностью. Западная религиозность была захвачена мистическим и поэтическим характером пантеизма и, в целом, странно слепа к его действительному результату в жизни своих приверженцев.

Мы все чувствуем намерение на это в определенных проявлениях нашего характера. Если мы вычеркнем из большей части нашей лучшей поэзии предложения, родственные пантеизму в его лучших проявлениях, мы оставим даже западную поэзию странно бедной, и у нас есть, кроме того, особенно в созерцании редкой красоты природы, чувство родства с духом, который облачается в рассвет и сумерки, или говорит ритмичным биением морских волн, или возвышается на фоне горизонта в виде далеких голубых горных вершин, что помогает нам понять эту старую-престарую веру. И если бы современные культы не сделали ничего, кроме присвоения поэзии пантеизма, они лишь придали бы восточный колорит мрачности западной жизни.

Но теософия и родственные культы зашли дальше, поскольку сам пантеизм должен пойти дальше. Как только вы отождествите творение и созидательную силу так глубоко, как это делает пантеизм, тогда вы окажетесь в плену, если у вас вообще есть хоть капля любопытства или какой-либо умозрительной силы, чтобы попытаться объяснить, каким образом Бог, который только начинается со всего, что есть, сумел раскрыть Себя таким бесконечным количеством мельчайших, а иногда и нечестивых способов. Итак, у пантеизма есть своя собственная схема, но не творения, поскольку в пантеизме нет места творению, а скорее эманации. Восточная мысль заменяет космогонию Ветхого Завета, которая просто возвращает мир к творящему Богу и не стремится идти дальше, и методы западной науки, которые возвращают творение к высшей силе и не способны идти дальше, совершенно другой системой.

Как Единое Становится Многим

Здесь нам может помочь абзац из книги миссис Безант "Древняя мудрость" (стр. 41). "Выходя из глубин Единого Существования, из Единого за пределами всякой мысли и всякой речи, Логос, накладывая на Себя ограничение, добровольно ограничивая диапазон Своего собственного Существа, становится проявленным Богом и, очерчивая ограничивающую сферу Своей деятельности, таким образом очерчивает область Своей вселенной. Внутри этой сферы вселенная рождается, развивается и умирает; она живет, она движется, она имеет свое бытие в Нем; ее материя - Его эманация; ее силы и энергии - потоки Его жизни; Он имманентен каждому атому, всепроникающий, всеподдерживающий, всеразвивающийся; Он - ее источник и ее цель, ее причина и ее объект, ее центр и окружность; она построена на Нем как на своем надежном основании, она дышит в Нем как в окружающем ее пространстве; Он есть во всем и все в Нем. Так Мудрецы Древней Мудрости учили нас о начале проявленных миров".

Было бы, конечно, несправедливо говорить, что здесь присутствует нечто совершенно отличное от линии западной научной и философской мысли или совершенно чуждое элементам современного христианства. [65] Реальная проблема современного теизма заключается в том, чтобы связать то, что открывает наука, с тем, что предполагает вера. Более широкое обобщение науки сводит действие и существование к единству лежащей в основе самосохраняющейся силы, которая становится все более и более тонкой и разреженной по мере того, как мы следуем за ней от молекул к атомам, от атомов к зонам и электронам, и даже различаем за ними нечто более неосоздаемое, чем они сами, и должен быть какой-то способ, которым творческая сила, понимаемая верой в терминах личности, высвободила силы, которые встроились во вселенную. Разница, однако, в том, что христианский теизм полностью отказывается отождествлять Бога и Его вселенную.

[65] Действительно, это лучший комментарий к прологу к Евангелию от Иоанна и некоторым отрывкам из Послания к Колоссянам, чем большинство ортодоксальных богословий, а самоограничение Бога является ключом к моральной свободе личности.

В конце концов, существует глубокое различие между творчеством и становлением. Теософия берется объяснить нам, как "Единое за пределами всякой мысли и всякой речи" стало нами и нашей вселенной. Она также пытается найти способ, с помощью которого мы, запутавшиеся, к нашей боли и печали, в сплетенной таким образом паутине вещей, можем вырваться из нее и снова потерять себя в Едином. Он использует колесо в качестве своего символа во многих смыслах этого слова. Все вращается и возвращается, и мы сами привязаны к колесу, нас несет

вниз или вверх, и, наконец, мы можем освободиться, только приняв определенную жизненную дисциплину.

Таким образом, теософия является одновременно спекулятивной и практической. Его рассуждения неизбежно охватывают огромный диапазон; нелегко следовать за Единым из глубин Его скрытого существования к нашим земным жизням и силам, которые текут вокруг них. Только эксперт, глубоко разбирающийся в восточной литературе, мог бы сказать, верно ли миссис Безант следует своим восточным учителям в изложении их выводов, но она явно воспользовалась многими терминами и предложениями современной науки, чтобы интерпретировать их для нас. Если бы можно было использовать фигуру, заимствованную из электричества, то Она была бы "понижена" через ряд планов и проявлений. Теософия придает большое значение семеркам — бесполезно спрашивать почему — и наводит мост через пропасть между конечной и нынешней реальностями с помощью серии из семи планов, в которых то, что является самым грубым на верхнем плане, становится зародышем того, что является самым тонким на нижнем плане. Но даже в этом случае Единый напрямую не касается даже высшего из этих семи планов. (Теософия - это, прежде всего, изучение нисхождений, а не восхождений; восхождение приходит позже.) Между Единым и высшим планом находятся три эманации (но, возможно, нам лучше позволить миссис Безант поговорить с нами самой): "Самораскрытие Логоса в тройственной форме: первый Логос - корень всего сущего, из Него второй проявляет два аспекта жизни и формы, затем третий Логос, вселенский разум, то, в чем архетипически существует все, источник существ, источник формирующих энергий".[66]

[66] "Древняя мудрость", стр. 41.

Эволюция и инволюция

Непосвященному может показаться, что все это - своего рода дымовая завеса из слов, призванная скрыть наше истинное незнание того, чего мы никогда не сможем узнать и в действительности не нуждаемся знать. Очевидно, что это всего лишь попытка перекинуть мост через пропасть между нематериальным и материальным. Если Теософия желает перекинуть мост через эту пропасть с помощью догадок, хорошо, но ее догадки действительно оставляют нас в более глубоком замешательстве, чем мы были бы, если бы откровенно признали и приняли ограниченность нашего невежества. Оказавшись в пределах видимости самого верхнего из своих семи планов, миссис Безант продолжает несколько более определенно, хотя и признается: "о том, что происходит на двух высших планах вселенной, седьмом и шестом, мы можем составить лишь самое смутное представление". Каждый план имеет то, что она называет своей собственной "духовной материей"; эта духовная материя становится более грубой по мере нашего нисхождения; каждый план является эманацией с плана над ним, и духовная материя каждого плана наматывает еще одну завесу вокруг тех эманаций нематериального Единого, в котором или в котором весь процесс взял свое начало.

Теософия не говорит об эволюции, поскольку она пытается объяснить наш материальный мир, она говорит об инволюции. Здесь это переворачивает то, что является наиболее характерным в современной западной религиозной мысли, поскольку современная западная религиозная мысль приняла эволюцию. Для нас эволюция, если мы стремимся придать ей теистическое содержание, - это Бог, проявляющий в обширном восхождении формы и существования всегда более полное раскрытие Самого Себя. Наша знакомая фраза "самораскрытие Бога" предполагает силу, которая ни на мгновение не может быть заключена во всем, что есть, но

которая всегда может быть более ясно познана по мере того, как мы следуем за Его творческим послужным списком от ступени к восходящей ступени. Травинка - более богатое откровение, чем кристалл, птица - чем травинка; личность почти бесконечно богаче низших форм, некоторые личности являются более совершенными инструментами божественного самораскрытия, чем другие, и христианская вера принимает в Иисусе Христе высшее самораскрытие Бога с точки зрения человеческого опыта.

Теософия обязуется предложить Освобождение Запутавшейся Душе

Но Теософия переворачивает все это. По мере того как Единый нисходит от эманации к эманации и с плана на план, Он всегда все глубже запутывается в завесе вещей, пока на нашем последнем и низшем плане Он не будет семь раз окутан и задушен. Мы не должны, однако, путать этот последний и низший план с нашим маленьким миром или даже с нашей вселенной; это всего лишь его чувственные аспекты, и на самом деле они являются проявлением глубоко окутанного Божественного, пытающегося бороться снова и снова и таким образом выстраивающего нашу реальность вокруг нас и в конечном итоге приводящего нас, со всеми нашими сознательными силами, к бытию. (Здесь у теософа больше общего с эволюционистом, чем, казалось бы, следует из одного или двух предыдущих абзацев.) Если мы проследим за фигурой колеса, то наш нынешний план, последний и низший из всех, на самом деле является точкой поворота колеса; теперь оно начинает поворачиваться обратно к тому, с чего оно спустилось, и, согласно теософии, наша практическая человеческая задача состоит в том, чтобы воспользоваться его восходящим движением, чтобы вместе с ним вернуться к высшим планам совершенного бытия.

Теософия берется объяснять личность так же, как она объясняет нашу разумную вселенную, и во многом в том же русле спекуляций. Точно так же, как весь физический план, на котором существует наш мир, действительно где-то глубоко заключил в себе некую эманацию Единого, из которого все исходит, так и наши истинные "я", которые действительно спустились от Единого и должны оттуда вернуться, заключены так глубоко, что также почти потеряны и задушены, тем не менее, способностью раскрываться. Наши оболочки - это наши тела, но мы не начинаем понимать теософию, если думаем о теле в обычном смысле; наше физическое тело - всего лишь одно, и то самое грубое из семи покрывал, ибо здесь также есть семь, в которые заключена истинная душа. На самом деле у нас семь тел, и мы не являемся ни одним из них, хотя каждое из них полезно и каждое из них приводит нас в соприкосновение с определенным порядком существования. Некоторые из этих тел смертны, другие принадлежат к истинно вечному порядку.

Здесь мы заблудимся, если не осознали глубокую разницу между всеми нашими обычными способами мышления или разговора и мудростью теософии. Теософия начинается наверху и спускается вниз, по крайней мере, до тех пор, пока не достигнет нашего нынешнего мира; она также начинается изнутри и работает снаружи. Мы думаем о наших физических телах как об инструментах, по крайней мере, с одной стороны, через которые физический мир общается с нами, но для теософа они всего лишь инструменты, с помощью которых мы общаемся с миром. Однако это не совсем так, поскольку теософия признает отдачу от опыта. Душа может выскользнуть из физического тела во сне оно — наше физическое тело — в лучшем случае является глупой, сковывающей, вводящей в заблуждение оболочкой, которая имеет свое практическое применение, но ни в коем случае не должна восприниматься слишком

серьезно.[67] Его грубая материя может быть очищена дисциплиной и диетой, и, по-видимому, физическое тело вегетарианца является более тонким инструментом, чем физическое тело того, кто питается мясом животных.

[67] Для яркой современной формулировки этого смотрите вольный стих Эдварда Карпентера "Глупое старое тело".

Но Сам Глубоко Запутывается

Физическое тело также имеет эфирного двойника, который более тонким образом повторяет строение физического тела. Это проводник жизненной силы, что бы это ни значило. Физическое тело и его двойник в грубом смысле являются проводниками обмена в физическом существовании, но для переживания боли и удовольствия, а также для обитания страстей, желаний и эмоций у нас есть астральное тело. Здесь теософ широко использует вибрации и цвета, и, по-видимому, наша меняющаяся игра эмоций отражается в игре цвета, которая пристыжает хамелеона и делает нас в самый возбужденный момент соперниками самой радуги. Астральное тело иногда проявляет коричневые, темно-красные и зеленые тона и их комбинации, время от времени подсвечиваемые вспышками алого. Наши лучшие чувства проявляются в более тонких красках; роза указывает на любовь, синий - на религиозное чувство, желтый - на интеллект, а фиолетовый - на духовность. Теософ верит, что нас можно научить видеть все это, и иллюстрирует это на цветных табличках, которые для непосвященных не слишком убедительны. Помимо тела физического существования и астрального тела, мы обладаем также ментальным телом. Это средоточие мысли и ментальной деятельности. Возможно, в одном предложении теософ пытается сказать, что у нас есть тело для каждой фазы личности, через которое мы вступаем в контакт с более тонкими реальностями восходящих планов существования, и что материя этих тел становится более утонченной по мере того, как мы переходим от простых ощущений к более высоким духовным состояниям.

Итак, внутри астрального тела находится ментальное тело, которое, по словам миссис Безант, состоит из более тонкого материала, чем астральное, поскольку астральное более тонкое, чем физическое. Это тело, которое отвечает своими вибрациями на изменения наших мыслей. Ментальное тело может быть очищено соответствующими дисциплинами, поскольку оно огрублено злыми мыслями. Эти мысли могут стать "настоящими болезнями и увечьями ментального тела, неизлечимыми в течение всего периода его жизни". Эти тела мы отбрасываем в должное время, физическое - при смерти, а астральное - когда готовы войти в небесный мир. Что происходит с ментальным телом, миссис Безант не говорит.

За пределами этого находятся тела, принадлежащие вневременному существованию человека, с любопытными названиями и неясными определениями. Очевидно, что существует причинное тело, которое, возможно, является проводником воли, и, что еще более важно, сверхдуховное тело, которое является реальностью Бога глубоко внутри нас, а также носителем и проводником наших высших и непреходящих личных ценностей. Все это представляет собой довольно любопытную смесь психологии, тонкого материализма и безграничных спекуляций; это в равной степени не поддается доказательству или отрицанию, хотя в качестве доказательства теософ предлагает свидетельство тех, чьи чувства настолько утончены особыми дисциплинами, что они видят в физической форме и около нее игру света и красок, которые сами по себе являются проявлением ментальных и эмоциональных состояний. Согласно этому свидетельству, мы буквально ходим, "волоча за собой облака славы" или мрака. В то время как

для отрицания этого существует глубоко укоренившийся протест западного разума, эта личность, какой бы сложной она ни была, не может быть настолько ошеломляюще сложной, как эта.

Запад принимает Страдания как Вызов и надеется на Личное Бессмертие в качестве Победы

Следовательно, согласно теософам, мы являемся эманациями Божественного; глубоко скрытое внутри нас вневременное и неизменное "я", произошедшее от таинственного Всего, что лежит за всеми вещами, и находящееся под сильным принуждением снова искать, в каком-то обширном повороте колеса Бытия, то, из чего мы произошли. Теософия становится более понятной в ее практической реакции на жизнь, ибо это многослойное "я" глубоко вовлечено в силы и состояния, с которыми оно на самом деле не сродни, и поскольку оно сильно страдает от такой вовлеченности, цель существования - в дисциплине и восхождении освободиться от боли и усталости сознательного существования и погрузиться в неизменный покой той предельной реальности, из которой мы вышли и к которой нам суждено вернуться. Мы не можем быть нечувствительными к обширным масштабам подобных спекуляций, поскольку в той или иной форме во всех религиях и в более глубоких стремлениях жизни присутствуют элементы, сходные с ними.

Орден, частью которого мы являемся, тяжело давит на душу. Ни один человек, глубоко размышляющий о странностях человеческой судьбы, не может не признать захватывающего свойства чувствительной личности, опутанной законами и силами, которые движутся вперед, не обращая внимания на тех, кто попал под колеса или сбит с пути. Западная вера обычно видела в этой ситуации вызов личности, требующий утвердить свое собственное превосходство над безличным и подчинить всеохватывающий порядок высоким целям души. Если мы ранены в бою, мы принимаем свои раны как хорошие солдаты; если силы, стоящие перед нами, вызывающе сильны, мы прибегаем к нашим более глубоким ресурсам и, в конце концов, утверждаем наши собственные более обширные возможности.

Мы принимаем условия борьбы как часть жизненной дисциплины и в моменты нашей храбрости извлекаем из самой борьбы те элементы личной стойкости, которые, повзрослев в характере, придают моральный смысл нашим усилиям, и хотя мы ожидаем окончательного освобождения и благословенной компенсации за нынешние муки наших душ, мы находим это освобождение и эти компенсации в личном бессмертии, которое сопровождает окончание индивидуальной жизни при нынешнем порядке, и продолжает эту сознательную, свободную и победоносную жизнь при бессмертном порядке, и даже там мы не просим ни освободить нас от усилий, ни отказывать в прогрессе. Мы бросаем вызов судьбе Неизвестного, по выражению поэта, и стремимся "к другим высотам в других жизнях, если Бог даст".

Восток подводит итоги Жизни в Серии Перевоплощений

Но точно так же, как Восток набрасывает очарование своих спекуляций на процессы, посредством которых мы пришли к тому, где и что мы есть, точно так же он набрасывает очарование своих спекуляций на процесс нашего освобождения. Запад ставит все на карту в вопросе одной индивидуальной жизни, даже если смерть обрывает ее, или же он предполагает сознательную непрерывность жизни, богатой памятью и стойкой в индивидуальности, в любом прогрессе, ожидающем его за пределами могилы. Те, кого Данте видел восходящими с террасы

на террасу Горы Очищения, постоянно находились на всех стадиях и были по-настоящему самими собой. Они знали свои ошибки, за которые искупали вину, и с незамутненным взором оглядывались назад на все этапы, по которым они прошли. Восток мало что значит для непрерывности индивидуальной жизни и вообще для последовательности индивидуальных жизней. Он предлагает для решения нашей проблемы конечного предназначения, а также для решения проблемы боли и печали и явного неравенства в человеческих состояниях два простых и непреодолимых закона — закон моральных последствий и закон перевоплощения. И Восток, и Запад верят, что "что посеет человек, то и пожнет", но Запад верит, что он собирает свой урожай боли или наказания в непрерывности сознательного существования, большая часть которого прожита после смерти, без перерождения и без повторного путешествия светлыми или сумрачными путями земли и времени. Христианский Запад также верит в искупление, которое является как раз тем участием Бога в процессе, которое делает веру и покаяние определенными и спасительными элементами в борьбе души.

Восток верит в серию перевоплощений, причем каждое состояние перевоплощения зависит от качества предыдущей жизни. Тот факт, что двери воспоминания закрыты и заперты между каждым воплощенным существованием, не имеет никакого значения для Востока. Если человек жил хорошо и справедливо и следовал своему свету, он впоследствии родится выше; если он возлюбил тьму, потому что его дела злы, он родится в каком-нибудь низком положении; он может опуститься до зверя или вознестись до святого. Он заплатит за нынешнюю несправедливость будущими страданиями —

"Или протянуть руку сквозь время, чтобы уловить
Отдаленный интерес к слезам"

даже если у него нет сознательного воспоминания о проступках, которые он искупает, или о горе, за которое он получает компенсацию. Если он непоколебим в бесчисленных перерождениях, медленно вращающееся колесо будет нести его все выше и выше, пока он не начнет подниматься по последовательным планам, открывая на каждом плане, для которого он приспособил себя, новое богатство и реальность существования, пока, наконец, он не затеряется в Бесконечном Существовании и его борьба не закончится.

Возможно, слово "борьба" в том виде, в каком оно используется здесь, неверно. Освобождение для Востока - это не столько борьба, сколько молчаливое согласие. Для теософа желание - главный провокатор. Желание ведет нас в неправильном направлении, усложняет наши духовные проблемы и толкает нас против поворота колеса. Согласно теософу, мы скорее должны свести желание к его простейшим проявлениям, тем самым освободив себя от беспокойства, прежде всего заботясь о том, чтобы не причинять вреда или озлобления другим.

Теософия Порождает Особый Тип характера

Нельзя отрицать, что здесь присутствует вера, способная сформировать особый тип характера. В лучшем случае это приводит к крайней добросовестности и всегда чрезмерному самоанализу; это также создает огромное и задумчивое терпение. "В странах, где реинкарнация и карма [закон причины и следствия] воспринимаются как нечто само собой разумеющееся каждым крестьянином и рабочим, вера распространяет определенное спокойное принятие неизбежных неприятностей, что во многом способствует спокойствию и

удовлетворенности обычной жизнью. Человек, подавленный несчастьями, не обижается ни на Бога, ни на своих ближних, но рассматривает свои беды как результат своих собственных прошлых ошибок и злодеяний. Он принимает их безропотно и извлекает из них максимум пользы.... Он понимает, что его будущая жизнь зависит от его собственных усилий и что закон, который приносит ему боль, так же неизбежно принесет ему радость, если он посеет семя добра. Отсюда определенное терпение и философский взгляд на жизнь, непосредственно ведущий к социальной стабильности и общему удовлетворению".[68]

[68] "Древняя мудрость", Безант, стр. 273.

Если такая вера, как эта, будет наполнена гуманностью и глубоко подкреплена принципом жертвенности, она может привести и приводит к особому типу истинной доброты. Возможно, это добрая вера для беспомощных и более или менее отчаявшихся людей, хотя она, вероятно, создает многие из тех зол, от которых они хотят спастись. Сам размах, тонкость и даже великолепие его спекуляций будут сильно привлекать умы определенного типа.

Два элемента во всей системе, несомненно, объясняют то влияние, которое она оказывает на западный ум. Для начала она предлагает связное объяснение проблемы боли и печали. Как мы не раз видели в этом исследовании, западное христианство было несовершенным именно здесь. Общепринятые объяснения теневой стороны жизни недостаточно убедительны, чтобы соответствовать фактам. Практически каждый культ, который мы изучали, нашел свою возможность именно здесь. Христианская наука решает проблему, отрицая сущностную реальность боли и болезней. Новая мысль верит в основополагающее и любящее благо, на которое жизнь может быть настроена настолько, чтобы привести нас в целом в поток здоровья и счастья. Теософия принимает боль, печаль и все неблагоприятные силы и объясняет их как неизбежный результат неправильных действий либо в этом, либо в предыдущем существовании.

Теософия - "Демонстрация силы" воображения

Христианская наука спасает справедливость и утверждает любовь к Богу, делая Его просто Богом, который, по-видимому, не заботится о теневой стороне жизни и не участвует в ней. Новая мысль спасает любовь и справедливость Бога, обнаруживая в боли и несчастье наше отсутствие гармонии с Ним. Теософия встречает весь теневой порядок лицом к лицу и объясняет все в терминах компенсации. В этом есть многое, что отвечает нашему современному темпераменту. Как только мы осознаем, что весы, на которых взвешиваются последствия наших действий, настолько чувствительны, что ни одна мысль не может быть брошена на единую чашу весов, не нарушив равновесия, как только мы осознаем, что вовлечены в свалку законов, от последствий которой невозможно убежать, у нас есть, по крайней мере, последовательная схема, в которой нет места уклонению, и если мы уравновесим многообразное неравенство одной жизни тем, что было сделано или не сделано в какой-то предыдущей жизни, мы всегда сможем достаточно утяжелить чаши весов, чтобы они повисли ровно. Действительно, здесь нам нечем руководствоваться, кроме изобретательности воображения, но всегда можно представить себе какую-нибудь ошибку в предыдущем существовании, за которую мы расплачиваемся болью, потерей или разочарованием, или какое-нибудь доброе дело, совершенное в предыдущем существовании, которое объясняет нашу счастливую судьбу в этом. И таким образом, справедливость спасается хотя бы благодаря проявлению воображения.

(Миссис Безант, например, объясняет безвременную смерть ребенка наказанием, причитающимся родителям за недоброжелательность к ребенку в более раннем воплощении.)

Спекулятивные аспекты теософии также привлекательны для людей, которые любят мечтать, не принимая трудоемкую дисциплину истинно аргументированного рассуждения. Прочитируем фразу Маколея, процитированную, в свою очередь, Уильямом Джеймсом в одном из его писем: "Существует тип ума, которому "совершенно не хватает способности отличать доказанную истину от правдоподобного предположения", и в последнее время среди нас наблюдается заметный рост этого типа ума. До нашего времени на Западе не было такого большого количества подобных спекуляций, как эта. Это не свойственно западному темпераменту, и его держит под контролем наш научный подход к фактам нашего мира и нашему опыту в нем. Мы обычно требовали для наших рассуждений демонстрации фактов, и до сих пор это ограничивало нас довольно узким кругом, но то расширение границ возможного, которое сопровождало новую психологию с ее акцентом на подсознании, наряду с довольно непонятным характером психических явлений, открыло шлюзы и выпустило волну рассуждений, которые выходят далеко за рамки доказанных фактов и не признают никаких ограничений, кроме собственной изобретательной смелости. Мы уже видели, насколько очевидные недостатки в дисциплине современного образования и слишком распространенное среди нас распущенное состояние ума способствовали всему этому. Повсюду есть огромное количество сбивших с толку людей, которые хотят во что-то верить и считают, что гораздо легче верить в мечты, догадки и облачные системы, чем в сдерживающие факты или даже в довольно ясно продемонстрированные реальности морального порядка, и такие, как они, нашли богатый материал в восточных спекуляциях.

Облачный мост

Пытаясь оценить истинность теософии, мы должны разобраться в системе, а также в потребностях и стремлениях, которые приводят ее приверженцев к ее принятию. В конце концов, эти потребности и стремления близки и знакомы; это всего лишь наши старые вопросы "Откуда?" и Куда? и почему? Теософия - это, по крайней мере, попытка действительно ответить на некоторые из вопросов, которые западная наука либо удовлетворена, либо вынуждена оставить без ответа. Творческая точка соприкосновения личности с материей и силой глубоко окутана тайной. Ортодоксальное христианство довольствовалось утверждением фактов творения, не задавая вообще никаких вопросов относительно его методов. Это подтвердило всемогущество Творца и нашло в Его всемогуществе удовлетворительное пристанище. Бог достаточно велик, чтобы совершить то, что было сделано, и детали этого скорее дело Бога, чем человека. Научная спекуляция, как правило, зашла настолько далеко, насколько это было возможно, в разрешении своих сил и законов и признала свои собственные ограничения, предоставив остальное теологу и философу. Результатом стал разрыв, который так и не был преодолен. Теософия предприняла попытку преодолеть этот разрыв. Но при более тщательном рассмотрении становится ясно, что пропасть не была пересечена ничем более прочным, чем ткань туманных предположений. Действительно, эти предположения остроумны и наводят на размышления, но они странно бестелесны. В конце концов, они не делают абсолютно ничего, кроме нашего западного утверждения имманентности Бога жизни, силе и закону, и наша западная мысль имеет преимущество в простоте, научной основе и благоговейном самоограничении.

С таким же успехом мы могли бы признать и покончить с этим, что здесь есть вопросы, которые, по всей вероятности, неразрешимы для человека. В жизни и во вселенной есть элементы тайны, которые мы в настоящем и, вероятно, в будущем не в силах определенно разгадать. В конце концов, вера не может сделать ничего, кроме как уповать на Бога и принимать как аспект самой жизни необходимые ограничения нашего положения. Наше организованное знание слишком быстро приводит нас в регионы, где вера и только вера завершает исследование. Но, с другой стороны, вера, которая слишком сильно превосходит либо по охвату, либо по смелости своих предположений те элементы, которые обеспечивает организованное знание и подтверждает разум, теряется в тщете или же вообще вводит нас в заблуждение. Восточные рассуждения слишком далеко выходят за рамки упорядоченного знания или здравого смысла, чтобы иметь какую-либо практическую пользу в плодотворном образе жизни. Слишком большая вера наносит такой же вред, как и слишком малая.

Семь планов теософии, восходящие эманации, семичастные завесы и все остальное на самом деле ничего не объясняют. С другой стороны, они соблазняют своих верующих принимать догадки за реальность; они создают лежковерный и некритичный характер; они враждебны тому честному обращению с фактами, которое является лишь одним из условий того, чтобы вообще жить. Смелое признание в невежестве часто бывает болеепо-настоящему почтительным, чем знание слишком многих вещей, которые таковыми не являются. По мере того, как мы все ближе подходим к реальности вещей такими, какие они есть, мы обнаруживаем, что они всегда неожиданно просты. Бремя доказательства всегда лежит на темных и сложных вещах. Те, кто пытается избежать трудностей, в которые вовлекает нас наше более глубокое понимание мирового порядка и наших собственных личностей, принимая прибежище в восточном оккультизме, находятся на ложном пути.

Трудности перевоплощения

Та же критика справедлива и в отношении Реинкарнации. Она сопряжена с безнадежными трудностями. В жизни есть очевидные несправедливости и неравенство — многое не подлежит обсуждению, — но в целом, если мы достаточно честны, чтобы довести дело до конца, у нас есть ключ даже к ним. Все мы являемся частями борющегося и, как мы надеемся, восходящего порядка, порядка, который в целом заботится не столько об отдельных людях, сколько о нас самих. Нам мешает наше невежество, и мы глубоко вовлечены друг в друга. Ортодоксальное богословие, которое во всем винит грех как абстракцию, неубедительно, но грех как проекция неправильных желаний через своеволие на поле человеческой деятельности - это факт, с которым нужно постоянно считаться. Индивидуальные и социальные последствия этого огромны, и они не могут быть ограничены ни одним человеком, ни одним поколением. Наследственность сохраняет как слабость, так и силу. Большая часть нашей горькой жатвы приходится на то, что другие сеют неправильно или по глупости, хотя, к счастью, мы делимся как хорошим, так и плохим. Законы наследственности будут определять многое в любом одном поколении; законы социального действия и противодействия - многое в остальном, и, наконец, есть немало такого, за что мы сами несем ответственность. Ко многим нашим проблемам следует подходить с точки зрения благополучия человечества в целом, а не нашей собственной индивидуальной судьбы.

Мы можем смело доверить нашу личную судьбу смелой и бескорыстной жизни. Я не должен проверять то, что я делаю или оставляю незавершенным, по тому, как это повлияет на меня в

какой-то будущей реинкарнации; я должен проверять это по тому влиянию, которое это оказывает сейчас на мир, частью которого я являюсь, на поколение, которое последует за мной, и на качество моей собственной нынешней жизни. Действительно, теософ и я оказываемся здесь в существенном согласии относительно многих вещей, которые человек практически должен делать, чтобы обеспечить себе более счастливое будущее, но я утверждаю, что только что названные мотивы являются гораздо более основательными и достойными мотивами, чем замаскированный эгоизм теософии, и они, безусловно, находятся в гораздо более глубоком согласии с установленными фактами жизни. Если мы признаем, что более темная сторона жизни частично является результатом социального и индивидуального развития, обусловленного слабостью, невежеством и грехом, если мы признаем, что настоящее пожинает то, что посеяло прошлое, если мы признаем, что мы страдаем из-за ошибок других и что никто из нас не может надеяться подняться высоко, пока его сосед не поднимется вместе с ним, если мы признаем, что боль и страдание дисциплинируют, просветляют, воспитывают, и, наконец, если мы признаем, что мы действительно обладаем способностью воспринимать все более сложные элементы опыта и подчинять их возросшему богатству личности, у нас действительно есть все возможности. элементы в наших руках для решения проблемы боли и печали с точки зрения действия и понимания, и нам не нужна серия перевоплощений, чтобы помочь нам в этом.

Реинкарнация на самом деле не объясняет, как она утверждает, ни исключительную личность, ни явно незаслуженные страдания индивидуума, и у нее есть свои собственные неизбежные трудности. Оно должно сопоставлять ход человеческого существования с диапазоном небесного существования, для которого нет абсолютно никаких доказательств; оно должно численно уравнивать рождение и смерть — а они не равны при растущем населении земли — или же оно должно предполагать, как это, конечно, и происходит, что на других планах есть хранилище душ, из которого можно черпать. И более того, это связано с совершенным переплетением небесной бухгалтерии. Вот лучшее, что миссис Безант может сделать, чтобы объяснить трудности реинкарнации. "Мы видели, что человек во время своего перехода к физической смерти теряет одно за другим свои различные тела.... Все они распадаются, и их частицы вновь смешиваются с материалами своих нескольких планов.... Таким образом, на этой стадии остается только сам человек, работник, который принес свой урожай домой и жил им до тех пор, пока весь он не был переработан в него самого. Начинается рассвет новой жизни".[69]

[69] "Древняя мудрость", стр. 202—passim.

Чтобы уплотниться, он теперь приступает к созданию для себя нового тела для своей грядущей жизни на более низком ментальном уровне. Это снова в точности отражает его природу желания, точно воспроизводя качества, которые он развил в прошлом... таким образом, человек полностью подготовлен к своему следующему воплощению.... Тем временем предпринимаются внешние по отношению к нему действия, направленные на то, чтобы обеспечить его физическим телом, подходящим для выражения его качеств.... Все это делается определенными могущественными духовными Разумными Существами, о которых часто говорят как о владыках Кармы, потому что в их функцию входит наблюдение за устранением причин, постоянно приводимых в действие мыслями, желаниями и действиями. Они держат нити судьбы, которые соткал каждый человек, и направляют перевоплощающегося человека в среду, определяемую его прошлым. Таким образом, раса, нация, семья определили то, что можно назвать формой физического тела ... создается в утробе матери с помощью элемента,

движущей силой которого является мысль о Кармических владыках". Трудности, которых избегает это утверждение, огромны, его гипотезы еще более огромны.

Это низведение всех фактов биологии и наследственности до причудливой схемы, построенной только для того, чтобы ответить на несколько практических вопросов — почему мы отличаемся друг от друга? Почему мы страдаем? Почему мы счастливы? Несомненно, существуют гораздо более простые и разумные ответы на эти вопросы, чем ответы теософии, и готовность стольких людей полагаться на такой ответ, как этот, может доказывать только одну из двух вещей — способность ума к легковерию или поразительную неспособность тех, в чьи обязанности входит объяснять жизнь сбитым с толку людям, даже приступить к выполнению своей задачи.

Бессмертие - более благородный, Справедливый и простой баланс в Бухгалтерской книге Жизни

Если в нашем нынешнем существовании не хватает возможностей для истинного уравнивания весов справедливости, и если необходимо какое-то будущее существование, чтобы все исправить, тогда христианская доктрина бессмертия имеет огромное преимущество перед реинкарнациями теософии. Мы не имеем права недооценивать трудности разумной веры в бессмертие, но они сами по себе просты по сравнению с трудностями реинкарнации, поскольку реинкарнация должна отвечать на каждый вопрос, который возникает в связи с возможностью бессмертия, и отвечать на еще более сложные вопросы сама по себе. Гораздо проще поверить, что, пережив шок смерти, мы продолжаем жить с той же сущностной индивидуальностью, которая была у нас до смерти, чем поверить, что, выжив, мы снова возвращаемся через врата рождения и действительно перевоплощаемся в другую индивидуальность. Более того, христианская вера в бессмертие более этична. Действия и реакции в жизни имеют для меня реальное значение только тогда, когда я знаю и помню. Никакие теософские увертки не могут лишить этого силы.

Если я сознательно связываю сегодняшнюю боль со вчерашней болью, с глупостью или ошибкой предыдущего существования, о котором я на самом деле не подозреваю, цепь разорвана, и никакой спекулятивный вопрос не может заменить недостающее звено. Весьма вероятно, что общепринятое христианское учение о завершенности жизни после смерти дало теософии новые возможности на Западе. Протестантизм, в частности, не оставлял абсолютно никакого места после смерти для покаяния, не предлагал нового шанса ищущей приключений душе; его Ад и его Рай были конечными состояниями. Католицизм ослабил это напряжение с помощью чистилища - веры, полностью не имеющей под собой библейской основы, но, тем не менее, развившейся в ответ на великие жизненные потребности. Нам не нужны ни чистилище, ни реинкарнация; нам нужно только признание того, что является настолько важной частью любой концепции бессмертия, что заставляет задуматься, почему мы так сильно упустили это; разумная уверенность, то есть, что мы действительно продолжаем почти с того же момента, на котором остановились здесь.

Если в будущем существовании есть — а оно должно быть, если оно вообще есть, — место для покаяния, рожденного более ясным признанием вины, и для новых, более святых целей, рожденных более ясным пониманием истинных ценностей жизни, тогда мы продолжим по-настоящему нравственный процесс роста, всегда пользуясь учениями опыта и работая над истинным благополучием наших душ, и если милость и справедливость Божья не будут плодом нашего воображения, то тем, с кем здесь почти не имели дела, будут предоставлены новые

возможности, а неполноценные и обездоленные будут освобождены от того, что нам было нужно. отягощенные ими, они найдут новый выход, и судьи вечности завершат то, что началось временем. Все это будет достигнуто не в череде существований, отделенных одно от другого безднами забвения, но в запоминающейся непрерывности жизни, углубляющейся благодаря бесконечному росту. Если это всего лишь вера и умозрение, то, по крайней мере, это гораздо более разумные вера и умозрение, чем альтернатива, которую предлагает теософия. Теософия - это второстепенный вопрос в реальном решении жизненных проблем.

Пантеизм в его лучшем и худшем проявлении

Наконец, хотя это, возможно, и несправедливо, Восточный пантеизм в целом должен быть проверен его плодами. Мы не должны, если хотим справедливо относиться к нему, игнорировать его лучшую сторону. Восток в своих лучших проявлениях был силен в том типе жизни, которого не хватало Западу; Восток был богат терпением, мягкостью и вниманием ко всем видам жизни, даже к муравью в пыли или зверю в джунглях. Восток в своих лучших проявлениях взвешивал поведение на тонких весах и прослеживал причинно-следственную связь в характере далеко-далеко за пределами Запада; он довольствовался простыми вещами и находил свое истинное богатство во внутренней жизни. Оно добровольно, ради истины и добра, подвергло себя дисциплинам, некоторые из которых достойны восхищения, другие - отвращения. В своих лучших проявлениях она рисковала всем ради благополучия души, даже когда неправильно понимала это благополучие. В ней было мало того жесткого драйва, который присущ Западу. Многие в учении Иисуса лучше соответствуют характеру и набожности Востока, чем материализм соперничества Запада. Вполне возможно пропустить немалую часть Евангелий через интерпретацию восточного мистицизма и найти в них поразительные соответствия. Например, небольшая книга под названием "У ног Учителя", написанная молодым индийским студентом, содержит в себе богатую проницательность и понимание сбалансированного образа жизни, которого не хватает во многих западных интерпретациях жизни, но, тем не менее, о вещах следует судить по их общему результату, а общий результат Восточного пантеизма не заслуживает похвалы.

Большая часть религиозной литературы Востока находится на явно более низком уровне, чем те ее части, которые доводятся до нас ее приверженцами, и когда пантеизм — а основа всех восточных спекуляций пантеистична — спускается со своих высот и начинает практически выражать себя в богослужении и поведении толпы, тогда это заставляет нас задуматься. То, что Киплинг называет "скульптурными ужасами" резных фасадов храмов в Бенаресе, не случайно; это просто логический результат веры, которая поднимает целое на уровень божественного и не имеет ничего, кроме исправления того, что есть, посредством того, что должно или не должно быть. Почти неизбежно, что пантеистические религии чрезмерно превозносят те силы, которые способствуют плодородию полей и увеличению продолжительности жизни. Делая это, они привлекают на свою сторону стихийные силы человеческой природы. Когда мы начинаем делать богов из того, что, в конце концов, должно быть строго подчинено высшим вещам, и Восток сделал это вопреки своим мистикам и мечтателям, тогда мы подвергаемся опасности не только создавать символические ужасы на фасадах наших храмов, но и устанавливать в них странные алтари странным богам, которым лучше всего поклоняться с помощью странных обрядов. Все это, достаточно неизбежно, придало восточному богослужению более чем земной характер и с санкции религии наделило силами, подчинять и контролировать которые всегда должно быть делом религии.

Наряду со всем этим возникла гротескная мифология и непостижимое умножение божественности. Поскольку никто, кроме эксперта, не может надеяться понять сложности подобной веры, на Востоке сформировался класс священников, который суровее относится к своим приверженцам и в то же время более презрительно отделяет себя от них, чем, возможно, любой класс священников в мире. Если Восток хочет вернуться к Западу, заменив более строгие формы западной веры утонченным и более или менее мистическим пантеизмом, мы должны, по крайней мере, понять, что это такое, со всеми вытекающими отсюда последствиями, начинает воздвигать свои алтари среди нас. Никто не может следовать теософской религии Запада, не признавая, насколько широко западная теософия использует западную науку и информирует себя о том, что христианство дало Западу. Если бы они были изъяты из него, это было бы безнадежно. Следовательно, поскольку ее рассуждения уводят нас за пределы разума или науки, поскольку ее решение жизненных проблем слишком сложно, поскольку все хорошее в ней можно найти более богато и просто в том, чем мы уже обладаем, и поскольку практическим результатом этого на самом Востоке является остановленная цивилизация, в которой много глубин, но мало высот, неизбежно следует заключить, что теософия не имеет реального значения для тех, кто уже обладает знаниями, которые мы с таким трудом приобрели, и верой и проницательностью, которые принесло нам христианство.

Х

СПИРИТИЗМ

Практически все новые культы - это квесты в одном общем направлении, но по более или менее конкретным дорогам. Христианская наука и Новая мысль - это стремление к здоровью и благополучию, а также стремление примирить более темные жизненные переживания с любовью и благодатью Бога. Теософия и родственные ей культы - это поиски просветления и духовного освобождения, отличные от общепринятых путей христианского "искупления". Спиритуализм - это практически поиск демонстрации бессмертия с помощью таких физических явлений, которые доказывают, по крайней мере для тех, кого они убедили, выживание развоплощенной личности.

Все эти движения в той или иной степени связаны с ненормальным или сверхнормальным. Как правило, они подразумевают для личности иную среду, отличную от той, которую обеспечивает упорядоченный мир науки, и иные законы, отличные от законов, которые она принимает во внимание. Они едины в утверждении господства психического над физическим. Они либо подтверждают, либо подразумевают способности, материал для которых не зависит от органов чувств; они предполагают диапазон личности, который, если факты, которые они предоставляют, достоверны, требует очень значительного пересмотра наших общепринятых представлений о самих себе.

Христианская наука и Новая мысль в значительной степени ограничиваются нынешним сроком жизни, хотя христианская наука достаточно убедительно утверждает, что смерть - это ошибка смертного разума. Новая мысль делает смещающийся акцент на бессмертии. Спиритуализм полностью сосредотачивается на явлениях развоплощенной жизни, на способности развоплощенных общаться с нами и на нашей способности принимать и интерпретировать их сообщения.

Спиритуализм, или спиритизм, название, которое предпочитают его приверженцы, однако, ни в коем случае не так прост, как это его определение. Это может быть что угодно, от доверчивости, которая без вопросов и анализа принимает уловку медиума, до глубоких размышлений Мейера или Хислопа или новых открытий в психологии Эмиля Буарака и его французских коллег. Это может быть культ, философия или исследование; это может организоваться в формы богослужения и полностью отделиться от церквей. Это может укрепить веру тех, кто остается в своих старых общинах. Спиритизм имеет длинную родословную. Вера в то, что дух может покидать тело и продолжать существовать, очень стара. Мистер Герберт Спенсер находит происхождение этой веры в снах. Поскольку первобытные люди верили, что в своих снах они способны бродить, пока тело остается неподвижным, и поскольку в своих снах они встречались и разговаривали со своими умершими, они представляли себе нематериальное существование. Дух умершего человека, покинув тело, все равно продолжал бы заниматься своими делами. Поэтому они ставили еду и питье на его могилу и приносили в жертву его собак, лошадей или жен, чтобы служить ему в его бестелесном состоянии. Все это достаточно знакомо, и, возможно, все началось так, как предположил мистер Спенсер, хотя на этом все ни в коем случае не заканчивается.

Анимизм, выросший из этой веры, характеризует значительную часть ранней религии, проникает в значительную часть раннего мышления. Первобытный человек жил в мире, постоянно находящемся под контролем либо дружественных, либо враждебных духов, и действительно массовый результат его веры зарегистрирован в таких отдаленных регионах, как капризные роды французских существительных и величественные строфы еврейских псалмов, поскольку роды - это призрачные пережитки того времени, когда все вещи имели своих духов, мужчин или женщин, и Псалмы выражают веру, для которой гром был гласом Бога, а град хранился в Его арсенале. Проследивание этой линии во всех ее наводящих на размышления разветвлениях вывело бы нас далеко за рамки нашего настоящего исследования. Анимизм, средневековое колдовство и запутанные явления стука, постукивания, ломания и швыряния мебели и тому подобного, о которых сообщалось во всех цивилизованных странах за последние два-три столетия, составляют общий фон для современного спиритуализма. (Вся тема полностью рассмотрена в первой и второй главах Подмора.)

Генезис современного спиритуализма

Современный спиритуализм, однако, не претендует на столь древнюю родословную. В 1848 году в семье Джона Д. Фокса в Хайдсвилле, штат Нью-Йорк, были слышны таинственные стуки. За ними, по-видимому, стояла какая-то цель; дочери семьи, наконец, выработали код: три стука означают "да", один - "нет", два - "сомнение", и вот, непрерывная деятельность была налажена. Интересно отметить, что таинственные звуки были слышны примерно за столетие до этого в семье Уэсли в приходском доме Эпворт, Англия. Эти звуки стали восприниматься довольно спокойно как аспект интересной семейной жизни Уэсли. Обычно предполагалось, что Хэтти Уэсли знала об этом больше, чем хотела рассказать, и что касается прославленных основателей методизма, то на этом вопрос и закончился.

Но сестры Фокс стали профессиональными медиумами, и на этих простых началах была построена огромная надстройка. Таким образом, современный интерес к спиритуализму зародился с его физической стороны, и в целом физические явления спиритуализма стали более причудливыми и сложными по мере роста культа. Постукивания, наклоны столов,

перемещения предметов мебели, игра на музыкальных инструментах, запись на грифельной доске, автоматическое письмо, в последнее время спиритическая доска, материализация, левитация, кажущееся удлинение тела медиума - все это связано со спиритизмом. Естественно, что голос также должен был стать средством общения, хотя транс-медиумизм принадлежит, как мы увидим, более поздней стадии развития.

Между прочим, это движение породило своего рода заразную истерию, которая, естественно, умножила явления и неоправданно затруднила беспристрастное и критическое отношение. По уже затронутым причинам Америка была сильно предрасположена к фазам общественного мнения, которые по своей интенсивности и неуравновешенности имеют общепринятые характеристики истерии. Некоторые из них были религиозными, великими пробуждениями, ревивализмами и тому подобное. Они в своей более экстремальной форме были отмечены трансами, криками и каталепсией и, что более обычно, общественным интересом, сильно эмоциональным, который может обладать реальной религиозной ценностью. Другие религиозные движения были сосредоточены на втором пришествии Христа и конце света. Многие из этих своеобразных волнений носили политический характер. Целое предлагает психологам увлекательную область деятельности и ждет своего историка.^[70] Однако результат всегда один и тот же. Критический дар на время ослабевает; общественное мнение нетерпимо к противоречиям; обман становится легким делом, а шарлатаны и самозванные пророки находят доверчивых последователей. Движения, имеющие такой генезис и историю, сами по себе вызывают подозрения.

^[70] У Сидиса есть резюме социальных эпидемий в третьей части его работы "Психология внушения".

Он пересекает Англию и Континент

Интерес американцев к спиритизму с 1848 по 1852 год определенно принадлежит этому региону. Сестры Фокс были в целом дискредитированы, но то, что они начали, продолжалось. В 1852 году миссис Хейден, а чуть позже миссис Робертс ввели в Англии постукивание и переворачивание столов. Там, и особенно на Континенте, спиритуализм встретился и слился со второй линией развития, которая, в свою очередь, оказала влияние на американский спиритуализм и в Америке выпустила на поверхность движения, совершенно не связанные со спиритизмом. Во Франции в определенной степени и в Германии месмеризм в значительной степени поддавался спиритическим интерпретациям. Я цитирую Подмора, который комментирует трансовые высказывания миссис Линдквист: "Следует отметить, что приписать эти сомнамбулические высказывания духовным разумами было в данных обстоятельствах не просто легко, но почти неизбежно. Находящаяся в трансе особа находилась в состоянии, очевидно, очень сильно отличающемся либо от нормального сна, либо от нормального бодрствования; в бодрствующем состоянии она сама не сохранила воспоминаний о том, что происходило в трансе; в трансе она обычно говорила о своем бодрствующем "я" в третьем лице, как о ком-то другом; интеллект, проявившийся в трансе, очевидно, обладал силой выражения и интеллектуальными ресурсами в некоторых направлениях, намного превосходящих те, которые демонстрировал бодрствующий субъект. Добавьте к этому, что разум в состоянии транса обычно отражал идеи в целом и особенно религиозную ортодоксальность ее собеседников; что иногда она демонстрировала знание их мыслей и

намерений, которое, очевидно, не могло быть приобретено обычными средствами; что она, в частности, была необычайно искусна в диагностике, назначении лекарств и иногда предсказании течения болезней у себя и других — доказательство должно было показаться сторонним наблюдателям полным".[71]

[71] "Современный спиритуализм", Подмор, том. I, стр. 77.

Зачатки трансового медиумизма

Здесь мы достаточно ясно видим зачатки трансового медиумизма. Нужны были только неуравновешенные личности, способные к самоиндуцируемым состояниям транса, чтобы расширить все это настолько, чтобы обеспечить основы спиритической веры и материал для чрезвычайно трудоемкого исследования Общества психических исследований. В основном, однако, интерес Франции к месмеризму и животному магнетизму принял более научный оборот и вылился в блестящие французские исследования гипноза. Спиритуализм мало продвинулся вперед в католических странах. Авторитет Церкви настолько сильно направлен против этого, что запрещает интересоваться легковерными, а проницательные умы южноевропейских ученых были больше озабочены проблемами аномальной личности, чем продолжающимся существованием развоплощенных.

Интерес к Германии принял другое направление. Там было меньше научных исследований гипноза и трансовых состояний как аномальных модификаций личности и гораздо больше интереса к ясновидению и духовному существованию. Люди, чьи имена имели вес, принимали спиритическое объяснение различных явлений, от разбитых цветочных горшков до призраков. Весьма вероятно, что это объясняется склонностью немцев к мистицизму и спекуляциям. Юнг следовал Сведенборгу и мистикам в целом в утверждении о психическом теле, но был пионером в связывании его со светоносным эфиром в ряде спекуляций, которые в наше время обеспечивают гипотетическую научную основу для окружающей среды развоплощенного. (Итак, сэр Оливер Лодж.) Подмор приходит к выводу, что основы современного спиритуализма были заложены немецкими магнетистами первой половины девятнадцатого века.

Движение развивалось в этом направлении до 1875 года. Оказавшись в широком действии, оно в тот или иной момент затрагивает всю область оккультизма. Многие спиритуалисты находили в теософии, для которой существование - это бесконечное вращение колеса, цикл смерти и возрождения, псевдофилософскую поддержку своей вере. Спиритуализм, естественно, привлекал любителей мистики и необычного и в какой-то степени ассоциировался с крайним либерализмом в общем развитии религии. (В целом, однако, что касается религии, спиритуализм создал свою собственную религию.) Его сторонники, вероятно, интересовались френологией, передовыми социальными экспериментами или изменением законов о браке. Сами спиритические явления стали более разнообразными и сложными; транс-медиумизм превратился в профессию с большим количеством исполнителей; было введено письмо на грифельной доске, и, наконец, была достигнута материализация. Все это могло означать, что духи становились все более искусными в "прохождении", медиумы - все более искусными в технике, или же, что более вероятно, что скрытые аномальные аспекты личности выявлялись посредством внушения, имитации и упражнений. Но обученные и беспристрастные наблюдатели не предприняли никаких согласованных усилий по пресечению мошенничества, сбору данных и выводу достоверных выводов. Это, наконец, было предпринято Обществом

психических исследований, и результаты их кропотливых изысканий теперь к услугам изучающих оккультизм.

Общество психических исследований начинает Свою работу

Значение, которое придается именам многих английских и некоторых американских членов Общества, тщательно скрываемое признание некоторыми из них того, что во всем регионе, возможно, сохранились явления, указывающие на связь между живыми и развоплощенными, и глубоко тревожащее влияние войны, действительно объясняют возрождение интереса к спиритуализму в наше время. В 1875 году несколько англичан, один из которых был известным медиумом — Стейнтон Мозес — основали Психологическое общество по исследованию сверхъестественных явлений. (В целом, весь этот рассказ об истории спиритуализма в значительной степени сжат Подмором и Хиллом, и читателя отсылают к их работам без конкретных ссылок.)

Эта первая группа распалась после смерти одного из ее членов — хотя это, по-видимому, было веской причиной для ее продолжения — и в 1882 году профессор (впоследствии сэр) Уильям Барретт, который уже провел некоторые эксперименты и довел гипноз и телепатию до сведения британской ассоциации содействия развитию науки, проконсультировался со Стейнтоном Мозесом с целью основания общества под лучшей эгидой, и было организовано Общество психических исследований с профессором Генри Сиджвиком в качестве первого президента. Согласно своему собственному заявлению, Общество обязалось:

1. Изучение природы и степени любого влияния, которое может быть оказано одним разумом на другой, иначе, чем через признанные сенсорные каналы.
2. Изучение гипноза и месмеризма и исследование предполагаемых феноменов ясновидения.
3. Тщательное расследование любых сообщений, основанных на достаточно веских и не слишком отдаленных свидетельствах о явлениях, совпадающих с каким-либо внешним событием (например, смертью) или дающих информацию, ранее неизвестную воспринимающему, или наблюдаемых двумя или более лицами независимо друг от друга.
4. Исследование различных предполагаемых явлений, по-видимому, необъяснимых известными законами природы и обычно относимых спиритуалистами к деятельности нечеловеческих разумных существ.
5. Сбор и сопоставление существующих материалов, имеющих отношение к истории этих предметов.^[72]

^[72] "Спиритуализм", Хилл, стр. 100.

Они стремились также "подойти к этим различным проблемам без каких-либо предубеждений и в том же духе точного и беспристрастного исследования, который позволил науке решить так много проблем, когда-то не менее неясных и горячо обсуждавшихся".

На самом деле этот регион является самым малоизвестным, в который когда-либо пытались проникнуть исследователи. Благородная рациональность пронизывает весь нормальный материальный порядок, причины можно контролировать, следствия можно предвидеть, законы формулировать, и, прежде всего, научные гипотезы, если они верны, всегда способны к яркой и

великолепной проверке. Дисциплинированный интеллект проходит через все это с чувством "домашнего уюта", что само по себе является свидетельством глубокого соответствия между человеческим разумом и порядком, с которым на протяжении своего долгого-долгого развития он был связан в интимности действия и реакции, слишком тесной, чтобы ее можно было адекватно выразить словами. Но ум нелегко находит покой в той области, которую спиритизм считает своей.

Трудности, С которыми он Сталкивается

Конечно, это напрашивается само собой. Более научно мыслящие спиритуалисты могли бы вполне справедливо ответить, что они пытаются открыть законы оккультизма и привести анархическую систему к порядку, что наше чувство странности в этих регионах возникает только из-за того, что мы мало контактируем с ними. Они утверждают, что существуют неразвитые аспекты личности, которые у нас пока было мало возможностей использовать, но которые, как только они будут полностью приведены в действие, дадут нам то же чувство взаимопонимания со сверхчувственным порядком, которое мы сейчас имеем при нашем контакте с разумным порядком. Суть всего спора, вероятно, именно в этом, и ввиду того, что до сих пор было достигнуто в открытии и формулировании законов физической вселенной и в приведении в порядок огромного количества, казалось бы, не связанных между собой фактов, несомненно, возможна очень большая систематизация психических явлений, даже самых неясных. Мы также не можем легко устанавливать границы для измерения уровня человеческого развития. Но в любом случае утверждение, с которого начинается этот абзац, верно. Область, которую Общество психических исследований намеревалось исследовать, неясна и пока еще настолько далека от того, чтобы поддаваться исследованию, что исследователи даже не пришли к согласию относительно имеющихся у них фактов, не говоря уже о выводах, из которых следует сделать.

Труды Общества буквально заполняют тридцать два тома; потребовался бы специалист, чтобы проследить за ними до конца, а анализ здесь невозможен, чтобы правильно оценить их. Когда такие тщательные исследователи, как Хилл и Подмор, имея дело с одним и тем же массивом фактов, постоянно и диаметрально расходятся в своих выводах, становится очевидным, что собранные к настоящему времени факты не обладают достаточной совокупной силой, чтобы утвердить в широких кругах дисциплинированных умов существенное единодушие убеждений. Существует слишком много альтернатив в интерпретации фактов, и, в целом, личные предпочтения исследователя влияют на сделанные выводы. Конечно, в какой-то мере это верно в любой области исследований, но в высшей степени верно и в психических исследованиях.

Уильям Джеймс выходит на поле боя

В течение нескольких лет Общество в основном занималось гипнозом и передачей мыслей, время от времени появлялись сообщения о "привидениях, домах с привидениями, предчувствиях, автоматическом письме, кристальном зрении и раздвоении личности". Эксперимент профессора Уильяма Джеймса с миссис Пайпер перенес Общество в область трансового медиумизма. Джеймс проявлял обоснованный научный интерес ко всем аспектам игры человеческого сознания и раньше, чем кто-либо из его современников, осознал психологическую ценность аномальных психических состояний. Он также любил честную игру. Свой первый репортаж о миссис Пайпер он сделал в 1886 году. По его словам, он был не в состоянии "сопротивляться убеждению, что в ее трансе появлялось знание, которого она

никогда не получала при обычном использовании своих глаз, ушей и сообразительности в бодрствующем состоянии.... Каков может быть источник этого знания, я не знаю, и у меня нет ни малейшего объяснения, которое можно было бы сделать, но от признания факта такого знания я не вижу выхода".

В письме Флурни от 9 августа 1908 года Джеймс говорит о более поздних расследованиях: "Мне кажется, что эти отчеты открывают новую главу в истории автоматизма.... Очевидно, автоматизм - это слово, которое охватывает необычайное разнообразие фактов". Отчеты о сеансах миссис Пайпер занимают большое место в отчетах Общества. Доктор Ричард Ходжсон и профессор Хислоп в конце концов были вынуждены принять ее трансовые высказывания и записи как спиритические откровения. Подмор после самого тщательного анализа приходит к выводу, что "Трансовые высказывания миссис Пайпер указывают на обладание некой сверхъестественной способностью восприятия, по крайней мере, способностью читать невысказанные и даже бессознательные мысли и эмоции других разумов".^[73] Он готов признать, что если какой-либо случай во всей истории спиритуализма указывает на общение с духами умерших, то это ее случай, но он добавляет: "другим исследователям записей, включая настоящего автора, свидетельства, тем не менее, в настоящее время кажутся недостаточными для обоснования спиритуалистического взгляда даже в качестве рабочей гипотезы". "Я не могу указать ни на один случай, когда была предоставлена точная и недвусмысленная информация такого рода, которая не могла исходить из собственного разума медиума, работающего над материалами, представленными в подсказках, оброненных сидящим".^[74]

^[73] "Современный спиритуализм", Подмор, том. II, стр. 342-343.

^[74] "Современный спиритуализм", Подмор, том. II, стр. 345.

Ограничения ученого в психических исследованиях

В данном исследовании невозможно проследить за отчетами Общества. Репрезентативная группа его членов, некоторые из которых являются мужчинами, чьи имена имеют вес в других регионах, в результате своих исследований пришли к принятию спиритической гипотезы. Примечательно, однако, что, как правило, именно ученый, а не психолог, наиболее сильно посвящает себя спиритизму. На него, как и на сэра Уильяма Крукса, сильное впечатление производят явления того или иного рода, которые не подпадают под его законы, и он приписывает им причины, которые совершенно лежат вне его поля зрения. Действительно, характер и подготовка ученого препятствуют ему во всех психических исследованиях. У него есть только одна из двух альтернатив: объяснить то, что он видит, в терминах того, что сообщили ему его лаборатории, или же в терминах сил, с которыми он не знаком. Его подготовка к тщательному экспериментированию может позволить ему проверять и изолировать физические явления, но если они не могут быть объяснены в терминах сил и законов, с которыми он знаком, его выводы не более авторитетны, чем выводы любого другого достаточно разумного человека. Следовательно, он может придавать весомость великому имени выводам — или догадкам — совершенно за пределами своей компетенции. Элемент обмана в обычном профессиональном сеансе печально известен.^[75] Обычные физические явления спиритизма почти без исключения были воспроизведены фокусниками — у многих из которых есть свои собственные мистические трюки, которые не может воспроизвести ни один медиум, и даже самые необычные явления, такие как очевидная способность Хоума обращаться с огнем незажженным и его левитация, могут быть сопоставлены с дикарскими ритуалами или выступлениями

индийских факиров, с которыми никто не сравнится. откровенно спиритическое объяснение прилагается. Во многих случаях опытный фокусник был бы гораздо более склонен обнаружить мошенничество, чем опытный ученый. Он, по крайней мере, знал бы, где искать вероятное объяснение.

[75] Кэррингтон, "Психические феномены спиритуализма", стр. 6 и 7.

Общество психических исследований придает Интеллектуальный статус Своим исследованиям

Если объяснение всей группы явлений кроется не в известных окружающих нас силах, то, по-видимому, в силах или аспектах личности, которые еще не полностью известны. Здесь психолог является лучшим свидетелем, чем ученый, и важно, что психологи медленнее принимали спиритическую гипотезу, чем ученый. Хислоп - исключение, но степень, до которой Хислоп в последнее время дошел в некоторых из своих опубликованных высказываний, по-видимому, указывает на то, что он вышел далеко за пределы научных рамок. И действительно, вся тенденция тех, кто сильно поддается спиритическому приливу, направлена именно в этом направлении. Следует, однако, сказать, что даже те члены СПП, которые стали спиритистами, в целом были спасительно консервативны в своих выводах.

Во всяком случае, работа Общества психических исследований придала интеллектуальный статус тому, что раньше было своего рода тайным делом, дважды находившимся под подозрением: во-первых, из-за характера вовлеченных лиц, во-вторых, из-за характера того, что они раскрыли. Человеку, не предрасположенному к оккультизму и даже сильно предубежденному против него, трудно отрицать в предполагаемых спиритических явлениях вызывающий осадок, который в конце концов может вынудить к далеко идущим изменениям в выводах как науки, так и психологии. Согласно одному набору тестов, этот остаток неожиданно невелик. Один из канонов SPR - отклонять работу любого медиума, признанного виновным или сильно подозреваемого в мошенничестве. В этом регионе существует обширная литература, в выдающихся произведениях которой писатель уже довольно долгое время пытается найти свой путь, достаточно часто готовый процитировать Папу Римского на Ринге и в Книге.

"Я пережил этот мрачный зимний день
С зимой в душе ...
Над этими самыми мрачными документами"

Отчеты о заседаниях покрывают утомительные страницы мрачных утверждений; описания развоплощенной жизни монотонно однообразны и почти без исключения регулируются старыми-престарыми представлениями о планах и сферах. Всегда преобладает тривиальное, хотя сторонники спиритизма утверждают, и справедливость этого утверждения должна быть признана, что это неизбежно и что только через достоверный характер несущественного может быть установлено следствие. Более того, беспристрастный исследователь, работающий с записями, должен, по крайней мере, признать то трогательное значение, которое те, кто считает, что находится в контакте со своими умершими, естественно придают даже самым тривиальным случаям. Это чувство реального соприкосновения, само по себе полностью субъективное, вероятно, охватывает девяносто девять человек из каждых ста, которые в конце концов становятся спиритистами. Было бы глупо игнорировать способствующую силу этого

чувства. В той или иной форме это последний элемент нашего признания наших друзей, и о нем никогда нельзя судить извне. Но, с другой стороны, осознание того, до чего неоправданно далеко — с тоской одиночества за спиной — это может завести даже самые уравновешенные умы, должно заставить нас задуматься о принятии любого сделанного таким образом вывода.

Очень небольшое количество надежных Носителей

Спиритическая литература бесконечно разрознена, но, с другой стороны, более беспристрастные исследователи основывают свои доводы на неожиданно небольшом количестве неопровержимых свидетельств. Миссис Пайпер, Хоум и Стейнтон Мозес - медиумы, благодаря которым дело S.P.R. действительно стоит или проваливается. Хоум никогда не был уличен в мошенничестве и не был профессионалом. Эксперименты сэра Уильяма Крукса по изучению этих физических явлений проводились с ним в качестве медиума. Однако его работа, как правило, выполнялась для небольшой группы уже убежденных последователей, и их свидетельства, хотя и были искренними и в целом последовательными, часто могли подвергаться влиянию, о котором они сами не подозревали. Подмор считает, что они были чрезмерно внушаемы, и предлагает галлюцинации в качестве альтернативной гипотезы. Стейнтон Мозеса уважали в личной жизни: он был учителем, священнослужителем и частным репетитором. Его специализацией было введение большого разнообразия статей — аппортов, как их еще называют, — во время сидений, левитация, переворачивание стола, автоматическое письмо и прямой голос. Его подчиненный был известен как "Император", и этот призрачный командир занимает большое место в литературе S.P.R. "Император" обладал сильным гомилетическим чутьем (вспомните, что Моисей был священнослужителем) и в первую очередь сообщал посредством автоматического письма значительное изложение спиритуалистического вероучения, большая часть которого могла быть проповедана с любой либеральной кафедры без какого—либо другого эффекта на слушателей, кроме как добиться их согласия с безупречными общими местами - или, возможно, усыпить их.

Миссис Пайпер представляет собой сильнейшее доказательство того, что Подмор называет "Некой сверхъестественной способностью восприятия" за всю историю трансового медиумизма. В течение многих лет она находилась под постоянным наблюдением группы способных людей, отнюдь не единодушно симпатизирующих спиритической гипотезе, и никогда не была уличена в мошенничестве. Она поделилась со своими натурщиками очень большим объемом информации, которую, по-видимому, не могла получить из известных источников. В ее работе нет никаких физических явлений. Записи о ее спиритических сеансах занимают большое место в материалах S.P.R., и дело о спиритизме можно было бы доверить ей в большей безопасности, чем любому другому медиуму.

Но суть здесь в том, что эти трое — Хоум, Мозес и миссис Пайпер - предоставляют большую часть материала, который действительно подготовленные исследователи последних сорока лет вообще готовы воспринимать всерьез. Если за сорок лет было только три медиума, которые пользовались общим доверием — а Подмор не чувствует себя абсолютно уверенным в Себе — в группе, от суждения которой всем нам приходится зависеть, мы имеем ситуацию, в которой средний необученный искатель, имеющий дело со средним медиумом, может вообще не иметь твердой уверенности. Весь регион насквозь пропитан неопределенностью, обманом и альтернативными гипотезами.

Спиритизм - вопрос свидетельства и интерпретации

В основе своей все это вопрос свидетельских показаний. У нас есть или нет совокупность фактов, которыми мы обязаны наблюдению. Наблюдение может быть сделано из первых рук — как на заседаниях сэра Оливера Лоджа, где он рассказывает о том, что видел и слышал. Это может быть из вторых рук, как случаи, описанные в большей части авторитетной литературы по психическим явлениям. (Из вторых рук, то есть для авторов и тех, кто от них зависит.) Достоверное наблюдение, вероятно, здесь сложнее, чем в любой другой области исследования. Ситуация в целом неблагоприятна; слабый свет и сильные эмоции, инстинктивная тенденция находить в фактах желаемое содержание даже при наблюдении за ними, возможность галлюцинаций и форм гипноза — все это в совокупности делает человеческие показания ненадежными и приводит к ошибкам наблюдения. Нигде мы не можем быть менее уверены в наших фактах, и даже когда факты признаются, их интерпретация все еще остается неизменной, и здесь пространство для различий столь же велико. В лучшем случае мы имеем дело с силами, еще не подчиненными закону, с явлениями, которым обычный опыт не может найти параллели. Все это область намеков и возможных разрешений, но ни на мгновение не неизбежных выводов. Нужно идти достаточно медленно, высказывая вообще какое-либо мнение. Автор признает и принимает, для начала, преобладание надежных свидетельств в пользу физических явлений, которые не могут быть объяснены в терминах какой-либо силы, с которой наука сейчас знакома.

В этом он выходит за рамки Подмора, который исключил бы все физические явления из проблемы, и полностью доходит до Кэррингтона. Но сэр Уильям Крукс никогда не признавал всей ошибки в этой области, [76] и выводы Джели (хотя он частично цитирует Эвзапию Палладино, которая более или менее дискредитирована) указывают в том же направлении. Его исследования материализации настолько ярки, что кажутся сверхъестественными, а его фотографии представляют собой серию документов, которые все еще ждут объяснения. [77] По-видимому, возможно применение личной силы, не зависящее от мышечного напряжения или давления, движений тела, действующих вопреки известным законам, и даже превращения этой таинственной силы в законченные или фрагментарные формы, подобные телу.

[76] См. Кэррингтон, "Физические явления спиритуализма", стр. 377.

[77] Гели, "От бессознательного к сознательному".

С психической стороны имеются надежные свидетельства передачи информации сверхъестественными средствами через значительные пространства — возможно, на большие расстояния, а также способность сохранять и сообщать информацию, не полученную каким-либо обычным способом. Это голые утверждения, способные сильно преувеличить. Но они отражают суть дела.

Три возможных объяснения так называемых Спиритических феноменов

Признавая факты, есть три возможных объяснения. Первое, даймонистское. Согласно этой теории, в невидимом мире — где бы и чем бы он ни был — существует категория существ, сходных с нами, либо менее, либо более высокоразвитых, озорных или доброжелательных. Это старое-престарое верование; оно проникло в анимистические религии, породило колдовство, сохранило веру в демонический контроль, обогатило народные предания, наполнило дружелюбную тишину ночи ужасом и преследовало человечество. Теперь она обрела свой ренессанс в полном расцвете Науки двадцатого века.

"Не кажется невероятным, - говорит сэр Уильям Барретт, — что многие из *физических* проявлений, наблюдаемых на спиритическом сеансе, являются продуктом человекоподобного, но не совсем человеческого разума - хорошими или плохими даймониями они могут быть, некоторые называют их *элементами*, которые собираются вокруг медиума; взяты с того особого плана умственного и морального развития в невидимом, который соответствует ментальному и моральному плану медиума". [78] Это, с достаточно небольшими изменениями, та самая точка, с которой мы исходили на далекой заре наших попыток истолковать тайну окружающего нас мира. Единственная разница в том, что у сэра Уильяма даймон был вместо стола для чаевых, а у дикаря - вместо текущего источника. Сэр Уильям, возможно, прав, но первобытный человек ошибался. Вся тенденция науки до сих пор заключалась в устранении капризных и изолированных элементов из наблюдаемых явлений и включении их в свод законов, для действия которых, как считается, достаточно действующих сил во Вселенной и человеческой личности. До сих пор всегда доказывалось, что даймонистическая гипотеза не только не нужна, но и вводит в заблуждение. Это относится к области, где доказательство и опровержение одинаково невозможны, но вес опыта и особенно все наше более истинное понимание самих себя и нашего мира, дорого приобретенное интеллектуальным трудом нашей расы, говорят против этого. Принять это на самом деле означает повернуть время вспять и снова наполнить невидимое порождением наших страхов или фантазий. В лучшем случае это слишком простое решение сложной проблемы, в худшем - аспект того возрождения суеверий, которое является одной из самых странных характеристик нашего времени.

[78] "На пороге невидимого", стр. 113.

Второе объяснение - спиритическое. Существуют невидимые присутствия, но это развоплощенные существа, которые стремятся в более тривиальных явлениях привлечь к себе наше внимание, а в более важных - заверить нас в своем продолжающемся существовании и удовлетворить свое и наше стремление к возобновлению личных контактов. Учитывая веру в бессмертие, это объяснение достаточно естественно - даже неизбежно. Если развоплощенные все еще живы, они должны помнить и желать. Смерть не прекращает привязанности с нашей стороны. Это не должно приводить к прекращению привязанности с их стороны. Более того, должно существовать то, что можно назвать развоплощенным статусом — порядок отношений и действий, в которых развоплощенная личность реализует и выражает себя. Наше расовое любопытство по поводу состояния мертвых неугасимо. У каждой религии есть свои вероучения, свои мечты, свои заверения. От Нирваны буддиста до пылкого рая мусульманина вера и страстное желание построили свою структуру и населили ее своими умершими. Обширные области литературы окрашены подобными рассуждениями. Христианская гимнология присуща им инстинктивно, как и немалая часть нашей благороднейшей поэзии. Мы противопоставили наш ад нашим небесам и противопоставили их ужас небесному великолепию. Современный спиритуализм должен возглавить весь поток подобных спекуляций. Ибо, если большинство довольствовалось предоставлением решения очень больших трудностей, которые сопряжены с любой верой в бессмертие, демонстрациям возможного опыта и покоилось на том, что действительно является поэзией их веры, другие, более любопытные или более доверчивые, ищут свидетельства чувств. Такие, как они, естественно, находят то, что ищут, в феноменах трансового медиумизма. Они верят, что развоплощенные постоянно стремятся проникнуть за завесу между их орденом и нашим и пользуются любой возможностью, чтобы обратиться к памяти воплощенных.

Теория медиумизма Майерса

Ф.У.Х. Майерс берется описать, как это можно сделать с точки зрения духа. "Затем, ища какой-нибудь открытый путь, оно различает нечто, соответствующее свету — проблеск прозрачности в запутанной тьме нашего материального мира. Этот "свет" указывает на *сенситива* — человеческий организм, устроенный таким образом, что дух может временно *информировать* или *контролировать* его, не обязательно прерывая поток обычного сознания сенситива; возможно, используя только руку, или, возможно, как в случае миссис Пайпер, используя не только руку, но и голос, и занимая все каналы самопроявления сенситива".

Естественно, во всем этом есть неизбежные элементы спекуляции. Фактически, все, что мы можем вообразить о развоплощенной жизни, может быть почти невероятно неточным. Память больше, чем что-либо другое, является связующей силой личности. Мы знаем, что утром мы такие же, какими были, когда ложились спать предыдущей ночью, просто потому, что память немедленно восстанавливает продолжающиеся элементы нашего индивидуального существования. Более того, нам очень помогает наше окружение; все, что встречается нам утром, вызывает ассоциации, с помощью которых работает память, и, следовательно, благодаря почти автоматическому процессу объединения воедино того, что мы помним, и подчинения подсказкам того, что мы видим и встречаем, мы находим свое место в бодрствующем, работающем мире и занимаемся своими делами.

Если бы мы проснулись в совершенно незнакомом мире, где ничто ни в малейшей степени не было похоже на мир, в котором мы заснули, мы могли бы оказаться настолько прискорбно озадаченными, что усомнились бы в собственной идентичности, даже несмотря на то, что память настойчиво предлагала нам идентификацию. И если в дополнение к этому мы окажемся без вклада физических ощущений, к которым мы всегда привыкли, — слепыми, беззвучными, бесконтактными, — то можно легко представить себе шок, перед лицом которого уступит даже самая сильно центрированная личность. И все же такие изменения, как это, вероятно, лишь слабо указывают на те приспособления, которым призваны соответствовать развоплощенные. Это как если бы нас попросили поспорить или представить себе переход из одного измерения в другое.

Конечно, это трудности, которые сопровождают любую концепцию бессмертия, но мы обычно избегаем их, отказываясь следовать тому, что они подразумевают, и находя убежище в свободном поэтическом воображении, поддерживаемом верой и обогащенном традицией. Перед лицом всего этого предположение Майерса, каким бы остроумным оно ни было, может лишь повторить более прозаическое предположение, лежащее в основе спиритизма, а именно, что развоплощенные естественным образом желают общаться с теми, кого они покинули, что едва ли кто-то осмелится сказать за ними, ибо даже это простое слово вводит предположения, которые могут вообще не иметь смысла и, естественно, воспользовались бы любой возможной возможностью. Весь процесс, если это вообще процесс, должен лежать в области внушения. Если между живыми существует телепатия, то не исключено, что должна существовать телепатия между живыми и развоплощенными.

Телепатия: Между Живым или между Живым и Развоплощенным?

Таким образом, могло бы иметь место своего рода нетерпеливое прижатие ушедших к дверям, которые были закрыты и не совсем заперты за ними, принимая форму более или менее неясного

внушения, к которому медиум был бы чувствителен и поэтому воссоздал бы способами, о которых мы можем только догадываться, некоторый намек на голос или присутствие развоплощенного. Внушение пришло бы с другой стороны. Форма, в которой оно было бы дано нашему миру, была бы вкладом медиума. Насколько возможно объяснить факты трансового медиумизма как откровения от мертвых, так это где-то здесь.

Телепатия между живыми установлена достаточно хорошо, чтобы сделать эту гипотезу не такой уж невозможной, и даже материализацию можно объяснить таким же образом. Сэр Оливер Лодж склонен открывать в светоносном эфире среду, в которой могла бы функционировать развоплощенная личность. Но это чистое предположение, хотя другие его приняли. Уокер, например, в своей чрезвычайно наводящей на размышления работе о монизме и христианском теизме. Но он предлагает эфир только как помощь воображению в преодолении трудностей бессмертного существования — старые Небеса и Ад были сделаны астрономически и геологически невозможными. Но если бы Эйнштейн опроверг гипотезу эфира, все пошло бы по пути Рая и Ада Данте.

Однако в таком расплывчатом предположении мы не можем исключить сопутствующие элементы, предоставленные самими друзьями, которым, как предполагается, адресовано сообщение и которые, безусловно, интерпретируют его, поскольку, если медиум в состоянии транса открыт для внушения со стороны развоплощенного, медиум должен быть в равной степени открыт для внушения со стороны живых, внушение, вероятно, будет намного более сильным, более отчетливым, более убедительным.

Настоящая суть всей проблемы заключается в распутывании этих возможных линий внушения и отнесении их к их истинным источникам. Автор полагает, что мы можем исключить все физические явления в том, что касается их доказательной ценности. При этом нам не обязательно отрицать реальность некоторых физических явлений, но большая часть информации, которая, возможно, останется после устранения мошенничества со стороны медиума и непреднамеренного введения в заблуждение свидетелей, настолько бессмысленна, что не имеет никакой ценности вообще. Единственные физические явления, которые могут иметь какое-либо прямое отношение к духовному общению, - это постукивания по столу, которые при некоторой изобретательности могут быть использованы для изложения сообщения или ответа на вопросы "да" или "нет". Здесь возникает тот же вопрос, что и об источнике предложения. Даже если мы признаем, что прикосновения помогают сформулировать сообщение, нам все равно нужно решить, от кого исходит сообщение, и сообщения, предположительно переданные через голос, настолько более полны и понятны, что оставляют весь вопрос в силе или отпадают сами собой в зависимости от достоверности медиумизма в голосовом трансе.

Элементы управления

Обычный механизм сеанса вызывает подозрение. У большинства медиумов есть средства контроля. Нет ничего более капризного, чем эти средства контроля. Это могут быть люди, которых на самом деле никогда не существовало. Происхождение контроля миссис Пайпер, доктор Финуит, наводит на размышления. "Похоже, что миссис Пайпер в 1884 году обратилась за советом к профессиональной ясновидящей, чьим ведущим куратором, по утверждению, был француз по имени Финне, или Финнетт".^[79] Когда миссис Пайпер позже осмотрел Уильям Джеймс, французскому врачу удалось получить почти исключительный контроль, и, как

сообщалось, его звали Финуит. Вне всяких споров, что касается названия, то это своего рода преобразованное предложение. Финнетт французской ясновидящей, которая, возможно, действительно жила, а возможно, и нет, становится Финуитом миссис Пайпер, о существовании которой, по-видимому, вообще нет свидетельств.

[79] "Современный спиритуализм" Подмора, том. II, стр. 333.

В роли контролеров иногда выступали индейцы, и действительно, в роли контролера мог выступать практически любой — например, Лонгфелло, или миссис Сиддонс, или Бах, или Вандербильт. В регионе, где опровержение и доказывание одинаково невозможны, этот элемент капризного контроля вызывает подозрение. Гораздо более вероятно, что это какое-то неясное проявление разума медиума, посредством линий ассоциаций, о которых медиум совершенно не подозревает, чем представление названных таким образом личностей. В "Раймонде" контроль осуществляет Лунный камень или маленькая индианка по имени Фреда или Феда, которая говорит о себе в третьем лице и сообщает множество глупостей в очень глупой форме.

Можно, конечно, сказать, что названные таким образом духовные медиумы настолько же необходимы для передачи внушения из развоплощенного порядка, насколько медиумы, по-видимому, необходимы в воплощенном порядке, и что ненормальные личности так же необходимы с одной стороны, как и с другой, из-за ненормальности всего процесса. Но это явно напрашивается само собой. Во всем процессе есть место для тривиального, даже несущественного. Как настаивали защитники спиритизма, отождествление очень часто затрагивает, казалось бы, тривиальные вещи, но трудно оправдать тот огромный элемент капризного и по-настоящему глупого, который так часто присутствует в записях всех сеансов. Может показаться, что смерть лишила серьезных личностей их серьезности, сильных - их силы, а мудрых - их мудрости, и в это так трудно поверить, что мы задаемся вопросом, не имеем ли мы на самом деле дело с чем-то, что относится к совершенно другой области и поддается совершенно иному объяснению.

Но помимо подобных соображений, которые могут иметь силу, а могут и не иметь, остается еще более серьезный вопрос — вопрос идентификации источников, из которых получены понятные остатки сообщений. Если мы прибегаем к внушению, то всегда есть два общих источника внушения — воплощенный и развоплощенный, и среди самих воплощенных существуют разнообразные источники внушения. Натурщик может бессознательно передавать материал, который получает медиум, перерабатывать и возвращать обратно, или медиум может сообщать о том, что получено из других воплощенных источников, помимо натурщика. (Это, конечно, после того, как мы исключим все, что могло бы быть внесено медиумом.)

Дилемма спиритизма

Таким образом, все, что известно живым, может быть источником информации медиума. Следовательно, только те вещи, которые совершенно неизвестны живым где бы то ни было, которые никак не могли быть известны самому медиуму, могут быть окончательным свидетельством сообщений от умерших. Но до тех пор, пока полученная таким образом информация не станет известна живым, ее истинность или ложность никогда не может быть доказана или опровергнута. Это дилемма, с которой спиритизм в конце концов сталкивается, и от этой дилеммы абсолютно нет спасения. Это не запрещает выводов, которые могут быть

сделаны на основе кажущегося перевеса доказательств, но это запрещает абсолютную уверенность, поскольку, повторяю, если информация должна быть проверена, она должна быть проверена живыми, что доказывает, что кто-то действительно обладает ею и, возможно, передал ее - если мы предполагаем, что такое сообщение возможно — медиуму. С другой стороны, если этой информацией вообще никто не владеет, то мы никогда не можем быть уверены, что это реальная информация или что-то иное, чем плод возбужденного воображения.

Здесь есть один тест, который, если бы он действительно проводился в абсолютно надежных условиях, то есть условиях, никоим образом не вызывающих подозрений или недопонимания, мог бы быть окончательным. Если бы послание, написанное перед смертью и запечатанное так, чтобы о нем никто не знал, кроме того, кто его написал, могло быть передано правильно, оно имело бы, при прочих равных условиях, огромную силу. (Хотя даже здесь ясновидение, для которого, в целом, имеются довольно надежные свидетельства, могло бы дать истинное объяснение.) Ф.У.Х. Майерс оставил вот такое сообщение. В январе 1891 года он отправил сэру Оливеру Лоджу "запечатанный конверт" в надежде, что после его смерти сообщение, содержащееся в конверте, можно будет передать с помощью медиума. Множество различных сообщений, полученных хорошо известным медиумом мадам Верралл и исходящих предположительно от Фредерика Майерса, заставили их поверить, что они представляют собой это сообщение. Конверт был вскрыт в декабре 1904 года, и "было обнаружено, что между его фактическим содержимым и тем, что, как утверждалось в сценарии, содержалось в нем, не было никакого сходства".^[80] Если и существует какой-либо достоверный случай успешного проведения этого заключительного теста, автор об этом не знает. Есть случаи обнаружения спрятанных предметов, но эти тесты ни в коем случае не обладают такой же силой свидетельствования.

^[80] Буарак, "Психология будущего", стр. 278.

Таким образом, мы можем предположить, что у нас нет абсолютного доказательства общения с духами. У нас есть только очень сложная группа явлений, поддающихся различным объяснениям. Любой непредвзятый исследователь всего предмета должен признать, что люди, у которых было достаточно возможностей для исследования из первых рук, не поспешные в своих выводах и в некоторых случаях обладающие очень большой интеллектуальной силой, придерживались противоположной точки зрения. Они сочли свидетельство убедительным и достаточным. Здесь присутствует неизбежное личное противоречие, которое, вероятно, в конечном итоге определяет расхождения во взглядах. Как было сказано ранее, те, кто, как правило, принимал спиритическое объяснение, приходили к этому благодаря общению, в котором они обнаруживали какую-то личную нотку или прикосновение, к которым они сами были бы гостеприимно восприимчивы и которые имели бы гораздо меньший вес для тех, чьи привязанности и предыдущие связи не были таким образом задействованы. Это не обязательно доказывает, что их выводы были ложными. Возможно, именно этот личный элемент необходим, чтобы придать окончательный смысл тому, что в противном случае было бы таким запутанным и даже противоречивым. Догматизм, который закрывает дверь прямо перед лицом спиритизма, так же неразумен, как и ненаучность, как и легковерие, которое широко открывает дверь и принимает все, что приходит.

Влияние спиритизма на его приверженцев

Есть и другие соображения, которые более или менее косвенно касаются этого сложного вопроса, но которые имеют свой вес. Как правило, те, кто всем сердцем принял спиритизм, впоследствии были неспособны сохранять уравновешенную отстраненность, к которой они призывают других. Они склонны становиться излишне доверчивыми; они заставляют свои объяснения выходить за необходимые рамки; они склонны становиться личностями типа *idée fixe*; они становятся спонсорами экстравагантных историй и, в общем, уводят тех, на кого влияет их положение или имя, далеко за пределы, которые пока оправдало беспристрастное расследование, даже со стороны сочувствующих. Более того, те описания развоплощенного состояния, которые доходят до нас через медиумов, ненадежны.

Существует механизм планов, сфер, эманаций и перевоплощений, который вовсе не характерен для спиритизма, но принадлежит к окраинам оккультизма в каждом его проявлении, который постоянно повторяется в современной спиритуалистической литературе. Мы находимся на границе региона, где разум, который укрепляет нас в практическом поведении в жизни и направляет нас в порядке, с которым мы знакомы по многовековому наследию, не имеет никакой ценности вообще. Сама наша терминология перестает иметь какое-либо значение. Щедрое творческое воображение может построить для себя какие угодно города обитания, обставить их так, как оно пожелает, и попытаться постичь, насколько это в его силах, опыт и прогресс развоплощенных, но наделить это воображение доказательной точностью - значит разрушить все границы между надежным и ненадежным.

И, наконец, хотя это скорее обычное наблюдение, чем аспект нашего исследования, такое переплетение двух миров, которое несет с собой спиритизм, мало что даст в необходимом деле полноценной жизни. Совершенно очевидно, что одна жизнь за раз - это все, на что мы равны. Те, кто предаются таким выводам и исследованиям, подвергаются очень большой опасности оказаться настолько оторванными от реалий нынешнего порядка, что сами станут странствующими и эксцентричными духами, находящими свои истинные интересы в бесконечных сеансах и исследованиях, которые не имеют практического отношения к жизни, какой она является сейчас.

Реальная альтернатива спиритизму

Наблюдение автора о влиянии частого обращения к медиумам на тех, кого он лично знал, приводит его к недоверию ко всему этому делу и, возможно, к слишком резкой реакции против него. Проницательный критик сказал, что спиритуализм - это вовсе не спиритуализм, а тонкий материализм, поскольку это попытка проверить реальность духовного с точки зрения материального. Таким образом, это всего лишь еще один неожиданный аспект жесткого скептицизма того времени, которое не доверяет ничему, что не может услышать, увидеть или потрогать. Вера, которая не основана прочно на разуме, которая не продолжает и не завершает в своих собственных областях то, что мы знаем и понимаем, - это вера, построенная на облаках, но вера, с другой стороны, которая отказывается выходить за пределы чувств, - это вера, в значительной степени лишенная какого-либо благородного содержания.

Таким образом, если рассматриваемые явления не могут быть объяснены в терминах анимизма и если спиритическая гипотеза подвергается серьезному сомнению, какое объяснение остается? В дальнейшем на автора оказали большое влияние предположения исследователей аномальной личности в целом и частично работы некоторых французов, которые с французской логикой и блестящей проницательностью работают над далеко идущими психологическими

переформулировками и даже над переработкой общепринятых научных представлений о материи и силе. Метерлинк где-то по существу говорит, что наша вселенная так же плотно закрыта, как стальная сфера, и что все, что происходит внутри, должно быть объяснено с точки зрения ее собственных обитающих сил, и, в общем, вся наука и вес опыта на стороне Метерлинка. Конечно, это предполагает, что с самого начала в эту сферу было вложено очень много вещей. Говоря с точки зрения религии, это не исключает Бога из мира, но приводит жизнь и опыт в соответствие с их собственными законами и вынуждает их объяснять свои явления с точки зрения их собственного содержания.

Одним словом, точно так же, как постоянных сил внешнего мира до сих пор было достаточно, в той мере, в какой мы были в состоянии обнаружить их, для объяснения всех явлений внешнего мира, разумно полагать, что содержания личности достаточно для объяснения всех личных феноменов, будь то нормальных или ненормальных, и что объяснение феноменов предполагаемого спиритизма мы должны искать у самих себя, а не у развоплощенных.

Расследования Эмиля Буарака

Люди, работающие в этом направлении, особенно Гели и Эмиль Буарак, ни в коем случае не отрицают этот феномен, но они предлагают другое решение. Буарак, в частности, находит свою отправную точку в гипнозе и внушаемости. Теперь вот продолжение линии подхода и интерпретации, которая прояснила весь запутанный вопрос месмеризма. Мы уже видели, как французские исследователи нашли объяснение тому, чего Месмер и те, кто последовал за ним, смогли достичь, не в магнетическом влиянии или чем-либо подобном, а в замечательных изменениях, произведенных в личности внешним воздействием или самовнушением, и точно так же, как это было ключом к феноменам месмеризма, оно, скорее всего, чем что-либо другое, окажется ключом к объяснению феноменов спиритизма, поскольку на самом деле это не более чем просто аспекты состояния транса, каким бы индуцированным оно ни было.

В этой связи нет необходимости следовать анализу явлений, сопровождающих состояние транса, проведенному Буараком, или рассматривать его теории относительно самого гипноза. Он верит, что в наших личностях есть скрытые силы, которые при обычном образе жизни не приводятся в действие. Они не являются необходимой частью нашего приспособления к рабочей среде; в целом они скорее усложняют, чем упрощают жизнь, и лучше всего — хотя это не его утверждение, а вывод автора из всего этого вопроса — их лучше не пробуждать. То, чем мы обычно являемся, является результатом приспособления личности к тем творческим и формирующим силам, в ответ на которые жизнь протекает наиболее счастливо и с пользой. Но когда бодрствующее "я" и нормальное "я" на мгновение приостанавливается и новые силы пробуждаются из "необъятных глубин" наших душ, мы способны к совершенно иному набору проявлений. Прежде всего, те, которые обычно ассоциируются с гипнотическим состоянием и которые здесь не нуждаются в дальнейшем рассмотрении — большая податливость внушению, бессознательность к боли и тому подобное. У нас также есть возможность возникновения сил, которые Буарак называет магнитоидальными. "Они, по-видимому, связаны с вмешательством еще неизвестных сил, отличных от тех, которые наука до сих пор обнаруживала и изучала, но имеющих физическую природу и более или менее аналогичных излучающим силам физики: свету, теплу, электричеству, магнетизму и т.д." [81]

[81] Буарак, "Психология будущего", стр. 24. Некоторые недавние французские исследования, по-видимому, указывают на то, что эта сила — Телекинез Майерса — действующая через барьеры, изменяет магнитные свойства того, через что она проходит. Кэррингтон, самый скептически настроенный исследователь в этой области, склонен признать его существование. См. "Физические явления спиритуализма", стр. 359.

Под этим общим названием он рассматривает животный магнетизм, то, что обычно известно как месмеризм, способность создавать гипнотические состояния у других; феномены телепатии, "включающие многочисленные разновидности, такие как передача или проникновение мысли, экстериоризация чувствительности, психометрия, телепатия, ясновидение или ясновидящая и т.д.", и, наконец, утверждает, "когда физическая материя, по-видимому, оказывает на живые существа, особенно на людей, действие, которое, по-видимому, не поддается объяснению какими-либо физическими или химическими свойствами, которые уже известны". Он также верит, что у людей есть излучающее влияние, которое можно оказывать на расстоянии на других живых существ или же на неодушевленные предметы. Он обнаруживает в трансомедиумизме все элементы, которые входят в любое гипнотическое состояние. "Транс вызывается и развивается спонтанно, без вмешательства какого-либо видимого оператора, исключительно под влиянием нервных и психических состояний, в которые помещен медиум, и среди которых, по-видимому, значительную роль играют *вера в духов* и ожидание их вмешательства". [82] Выделенные курсивом слова "вера в духов" чрезвычайно важны. У личности в состоянии транса есть предположение, уже прочно обоснованное, что все, что испытывается во время транса, будет вызвано вмешательством духа или откровением. Это вводит элемент выжидательного внимания. Мы знаем физическую сторону того, на что способно выжидательное внимание. Это становится реальным фактором любого исцеления верой; это может привести, к лучшему или к худшему, к далеко идущим изменениям в физических состояниях, и такое выжидательное внимание, будучи полностью задействованным в состоянии транса, вполне возможно - при условии, конечно, для начала, отношения и интересов медиума в бодрствующем состоянии — создать весь механизм контроля, откровения и тому подобного, которые характеризуют транс—медиумизм.

[82] Буарак, "Психология будущего", стр. 271.

Таким образом, Буарак находит в спиритизме комплекс, определяемый определенными особыми нервными и психическими состояниями, в которые входят, в той или иной форме, почти все факты ненормальной психологии, и он считает, что наука, верная принципу экономии, должна рассматривать предполагаемые явления спиритизма, пока не будет доказано обратное, сводимыми к фактам предыдущего порядка. Он не называет спиритическую гипотезу невозможной; он считает, что к ней не следует прибегать до тех пор, пока все остальные объяснения не будут рассмотрены и признаны неадекватными, и он не склонен полагать, что мы еще не исчерпали другие возможные объяснения.

Авторитет одного человека здесь ни в коем случае не является окончательным. Ф.У.Х. Майерс принял во внимание многие факты, на которых останавливается Буарак, и в целом пришел к иному выводу. Но, в целом, чем глубже мы продвигаемся в область аномальной личности и феноменов гипнотических и связанных с ними состояний, тем больше, по-видимому, появляется оснований полагать, что в человеческой личности присутствуют силы, которых, если

их сразу вызвать и высвободить, достаточно для объяснения всех медиумических откровений, не предполагая, что они исходят от развоплощенного.

Выводы Джели

В некоторых направлениях Джели продвинулся гораздо дальше, чем кто-либо другой. Его больше интересуют физические явления. У него есть поразительная серия фотографий материализации, в подлинности которых трудно усомниться. Он находит восходящий ряд в аномальной психологии от невропатических состояний к медиумизму с градациями, которые усиливают аномальное или сверхнормальное, но при которых непрерывность развития никогда не нарушается. Его анализ здесь острый и наводящий на размышления и, как правило, подтверждает выводы других исследователей о том, что в человеческой личности присутствуют элементы, адекватные объяснению любых явлений, которые были до сих пор представлены.

Что касается физических явлений, он ссылается на эксперименты, которые, по-видимому, выявляют "нити вещества и жесткие стержни, иногда видимые, иногда невидимые, исходящие из пальцев медиума" и служащие реальным механизмом для перемещения удаленных, а иногда и довольно тяжелых предметов. Исходя из этого, он утверждает, что возможна экстериоризация власти, которая сама по себе может управляться идеями, и считает также, что подобные факты, в конечном итоге, вынудят нас пересмотреть наши концепции материи и силы и глубоко повлияют на биологию и все эволюционные теории. Весь этот вопрос по необходимости неясен, но такие исследования действительно придают новое направление и большее значение всему нашему предмету.

По сути, спиритическая гипотеза неадекватна; она слишком проста, чересчур облегченна. Очевидно, что мы находимся только на пороге изучения всего предмета. Все выводы неизбежно неубедительны; нет такой области, в которой человек имел бы меньше прав быть догматичным. Автору кажется, что все это имеет отношение к бессмертию совсем не там, где это предполагают спиритисты. Если человеческая личность обладает в себе такими скрытыми способностями, если существуют эти расширения таинственной силы, которые действуют за пределами нашего обычного механизма, если существуют контакты сознания глубже, чем само сознание, при которых информация передается и принимается вне обычных методов коммуникации, мы приходим к выводу, что то, что за неимением лучшего названия мы называем духом, обладает неожиданным диапазоном и силой. Мы ни в коем случае не настолько замкнуты в стенах материального и чувственного, как мы предполагали до сих пор. Существует превосходство духа над материей и материально навязанные условия, которые должны заставить нас задуматься. Если темными путями, которые были привлечены к нашему вниманию, дух может превзойти материю, у нас есть по крайней мере еще одна причина утверждать его превосходство и еще одно предположение о силе или реальности, которые могут быть способны пережить даже распад самой материи. Другими словами, вот ряд свидетельств, наводящих на размышления, хотя и ни в коем случае не ясных, о способности души создавать свои собственные условия, и что такое бессмертие, как не только это?

Явления так называемого спиритизма, хотя пока и не оправдывают спиритуализм, безусловно, все больше отличают догматический материализм. Те из нас, кто, возможно, так же стремится к поддержанию веры в бессмертие, как и любой из наших товарищей по великому поиску, но кто пока не желает принимать их выводы, могут, тем не менее, найти в этом предмете, который является общим как для нас, так и для них, разрешение верить, что то, что наиболее отчетливо

представляет нас самих, обладает непреходящими возможностями. Если оно может время от времени странным образом прорываться сквозь стены, которые сейчас его окружают, не может ли оно каким-то вполне реальным образом пройти через врата, которые открывает Смерть, и по-прежнему оставаться в таком богатстве сознания и идентичности, чтобы организовать для себя другую загробную жизнь?

Значение спиритизма для веры

Вера может находить свои разрешения и свидетелей во многих регионах. Автор считает, что вера в бессмертие находит дополнительное разрешение и в этом регионе. Вне всяких споров, существуют законы, которые мы сейчас лишь смутно различаем, и возможные силы, которые лишь время от времени касаются берегов нашего нынешнего опыта, подобно приливам, набегаящим из далеких и таинственных морей. Вне всяких споров, мы не можем ограничивать взаимодействие разума с разумом чисто физическими каналами, и при исключительных обстоятельствах могут быть вызваны эффекты, причины которых мы пока не в состоянии определить. Корни нашей сознательной жизни глубже, чем мы мечтаем. Они простираются в направлениях, которых мы сами не знаем. Следовательно, вполне может быть, что они поднимаются на высоты, вершин которых мы не видим, и обладают постоянством, независимым от тела, в котором они обитают, или от кажущихся осмысленными вещей, которые их окружают, и может быть также, что то, что сейчас является оккультным, запутанным и капризным, может в будущем стать такой же по-настоящему организованной наукой, как алхимия и астрология средневековья стали химией и астрономией нашего времени. Помимо этого, можно утверждать здравую банальность, что главное дело жизни находится в области известного и нормального. Именно ради нашего собственного благополучия темная завеса висит между этим миром и следующим. Порядок, в котором происходили бы постоянные переходы и перестановки, был бы невозможен. Это было бы либо одно, либо другое. Постоянный поиск секретов невидимого деморализует нас. Разве это не деморализует тех, кто прошел через завесу, постоянно пытаясь вернуться? Несомненно, наиболее подходящей подготовкой к тому, что ожидает нас в будущей жизни, является смелое ведение жизни в соответствии с теми законами и условиями, которые являются откровением всего солидного опыта нашей расы. За пределы этого трудно выйти, и за пределы этого выходить не обязательно.

XI

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ КУЛЬТЫ: ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТОВ ДЛЯ ЦЕРКВИ

Культы пограничных земель

Культы, которые мы до сих пор рассматривали, являются выдающимися формами современных свободных религиозных движений, но они и близко не исчерпывают предмет исследования. Даже у выдающихся культов есть свои собственные пограничные земли. Новая мысль особенно богата вариантами, и во всех американских городах существуют спорадические, отдаленно связанные и постоянно меняющиеся движения — группы, которые собираются вокруг того или иного лидера, некоторое время сохраняются, а затем распадаются, чтобы быть воссозданными в других центрах, возможно, со сменой персонала. Говорят, что масонский храм в Чикаго по воскресеньям в течение всего дня занят большими или меньшими группами, которые могут быть

обществами этической культуры, или с какой-то социальной программой, или другими, или для изучения восточных религий. Человеку нужно было бы посетить их все и погрузиться в них гораздо глубже, чем это возможно для любого отдельного исследователя их вероучений или их утверждений, чтобы справедливо оценить их. Их истинное значение заключается не в их организации, поскольку у них мало организованности, и не в их вероучении, а в их характере. Они представляют реакцию, беспокойство и духовное смятение того времени. Их можно объяснить — по крайней мере частично — в терминах того социального упадка, о котором уже говорилось. Они также представляют собой избыток индивидуализма в области религии и на ее окраинах.

Изучение страниц церковной рекламы в газетах Нью-Йорка, Детройта, Чикаго или Сан-Франциско показывает их масштаб, разнообразие и изобретательность в поиске названий для самих себя. В воскресенье, 25 февраля, газеты Детройта опубликовали рекламу Веданты, спиритистских и спиритуалистических групп (спиритическая группа называет себя "Духовный храм Света и Истины"), Общества Высшей мысли, Первой Вселенской духовной церкви, Церкви психических исследований, Философской церкви естественного права, Центра единства, Культуры Изолан, Теософии, Центра Божественной науки и Лекций по Божественной метафизике. Их лидеры рекламируют такие темы, как: Богатое Сознание, Закон непривязанности, Экстрасенсорные чувства и Духовность, Непрерывность Жизни, Спиритуализм Шекспира, Безмолвный Кодекс Космоса, Богоподобие Божественной Метафизики в бизнесе. Их темы, надо признать, не более причудливы, чем некоторые из тем, объявленных для православных церквей. (Действительно, страница церковной рекламы в городах, церкви которых щедро размещают медийную рекламу, не вызывает особого оптимизма при чтении.) Но, в целом, этот список, который может быть продублирован практически в любом крупном городе, является достаточным свидетельством смещения культов и путаницы в мышлении. Насколько их можно классифицировать, согласно схеме данного исследования, это варианты Новой Мысли, теософии и спиритуализма. Если бы их классифицировали в соответствии с "Разновидностями религиозного опыта" Уильяма Джеймса, они рассматривались бы скорее как мистические, чем рациональные, скорее умозрительные, чем практические.

Форт Ньютон, который говорит о них, возможно, более неуважительно, чем они того заслуживают, как о "бутлегерах в религии", находит в этих меньших движениях в целом протест против чрезмерно внешнего в жизни Церкви сегодня и свидетельство неутолимого стремления души к религии, которую можно познать и прожить в терминах внутреннего опыта. Но это, конечно, относится не ко всем из них.

Бахаизм

Однако существует еще один более крупный и последовательный культ, который трудно классифицировать и который заслуживает более подробного упоминания. Это бахаизм, который в том виде, в каком он сейчас обретает форму, является скорее закваской, чем культом. Это попытка достичь духовного единства и свести религию к очень простым и всеобъемлющим формам, а также вызов последователям религий, внешне разделенных, быть более верными тому, что является глубочайшим в их вере. Он имеет долгую и волнующую историю и, как ни странно, почерпнут из мусульманских источников. Его основная литература - арабская и персидская, "настолько многочисленные и в некоторых случаях настолько объемные, что едва

ли самый прилежный студент смог бы прочитать полностью даже те, которые доступны, полдюжины самых известных сборников в Европе".

Исторически мы находим его происхождение в определенных ожиданиях, которых долгое время придерживались персидские мусульмане, сродни еврейским мессианским ожиданиям, которые были до и во времена Христа. Мы знаем, что со времени смерти пророка в мусульманстве существовала традиция оспаривания престолонаследия. Персидские мусульмане верили, что истинный преемник Мухаммеда был несправедливо лишен своего временного господства, и они прослеживают длинную линию истинных преемников, божественное право которых когда-нибудь будет признано и восстановлено. Возможно, мы могли бы найти здесь параллель среди тех англичан, которые верят, что истинное наследование английского престола должно осуществляться в доме Стюартов, или тех роялистов во Франции, которые защищают потомков того или иного бывшего царствующего дома. Но правоверные персы пошли еще дальше. Они верят, что последний истинный преемник Мухаммеда, исчезнувший в десятом веке, никогда не умирал, но все еще живет в таинственном городе, окруженный группой верных учеников, и "что в конце времен он выйдет и "наполнит землю справедливостью после того, как она наполнилась беззаконием". Параллелью здесь могли бы служить старые истории о Фридрихе Барбароссе, который ждет в своей пещере подходящего времени, чтобы выйти и восстановить свою имперскую власть. Это любопытное персидское верование сформировалось по временной схеме, очень похожей на временные схемы других апокалиптических верований, детализировать которые достаточно сложно.

Но, по сути, у этого скрытого и истинного преемника пророка время от времени были те, через кого он открывал себя верующим и объявлял свою волю, и они известны как Бабс, или врата; "то есть врата, посредством которых возобновлялось общение между скрытым и его верными последователями". Практическим результатом этого было бы то, что любой, кто смог бы убедить персидских мусульман в том, что он Баб, или "врата", обладал бы мистическим мессианским авторитетом. Такое доверие, действительно установившееся, дало бы ему огромную власть над верующими и сделало бы его силой, с которой мусульманский мир должен считаться.

Баб и его преемники

Что касается нашего нынешнего интереса, то движение восходит к 1844 году, когда молодой персидский купец объявил себя Бабом. Если мы хотим найти параллель в христианстве, то он был чем-то вроде Иоанна Крестителя, готовящего путь для более великого, который должен прийти после него, но параллель быстро заканчивается, ибо, поскольку мусульманский Мессия не явился, его вестник был наделен немалой долей власти и святости, которые принадлежали самому скрытому. Карьера первого Баба была короткой — с 1844 по 1850 год. Ему было всего двадцать четыре года на момент его проявления, тридцать, когда он принял мученическую смерть и находился в плену большую часть своей короткой карьеры. Практическим результатом его пропаганды стала кровавая борьба между антагонистическими мусульманскими группировками. Движение рано получило то крещение кровью, которое придает постоянную интенсивность любому преследуемому движению. Его последователи стали считать его божественным существом. После казни его тело было найдено, скрывалось в течение семнадцати лет и, наконец, помещено в специально построенное для этой цели святилище в Сен-Жан д'Акр. Это святилище стало святым местом бахаизма.

В течение одного периода своего заключения у него была возможность продолжать свои труды, переписываться со своими последователями и получать их. Таким образом, он смог донести до мира свое послание, и мы находим в его учении зародыш евангелия бахаизма. Перед смертью он назвал своего преемника — молодого человека, которого очень тянуло к нему и который, казалось, благодаря своей молодости, рвению и преданности был выделен для продолжения его работы. Этому молодому человеку Баб послал свои кольца и другие личные вещи, уполномочил его дополнять свои труды и в целом унаследовать его влияние и продолжить его работу. Баби практически единодушно признали этого молодого человека своим духовным главой. Из-за его молодости и уединенного образа жизни, который он избрал, практическое руководство делами бабийской общины было возложено главным образом на его старшего сводного брата Бахаулла. Далее следует запутанная история раскола, соперничающих претендентов и преследований, но секта выросла в результате преследований, и контроль над ней перешел в 1868 году в руки Бахауллы.

Большую часть своей жизни Бахаулла был либо изгнанником, либо узником. С 1868 года до своей смерти в 1892 году он вместе с семьюдесятью своими последователями содержался в исправительной колонии Акка на побережье Средиземного моря. Тем временем вера, которая была сосредоточена вокруг него, изменила характер; он больше не был вратами или вестником, он сам был "проявлением Бога", наделенным властью изменять все предыдущие учения. Он действительно сделал движение универсальным. Под его воздействием религия становится практичной, этичной, менее мистической, более универсальной. Им овладела страсть к всеобщему миру и братству. Он адресовал письма коронованным особам Европы с просьбой сотрудничать в движениях за мир. Было высказано предположение, что российский царь находился под таким влиянием и что таким образом мы можем проследить до Бахауллы движение за мир, предшествовавшее войне.

Паломники приходили и уходили, и благодаря их энтузиазму движение распространялось. После его смерти возобновились споры относительно надлежащей преемственности и последовавших за ними расколов. Власть, наконец, перешла в руки Абдул-Баха, который находился под наблюдением турецкого правительства до 1908 года. Он был освобожден провозглашением Новой Конституции и после этого с реальной силой продолжил всемирную пропаганду. Он обладал необычной и обаятельной личностью, бегло говорил по-персидски, арабски и по-турецки и больше, чем кто-либо другой из людей его времени, соответствовал идеальной роли восточного пророка. Он умер в ноябре 1921 года и был похоронен на горе Кармель — с ее воспоминаниями об Илии и тысячелетней истории — его восхваления буквально воспеваются самой католической группой мусульман, евреев и восточных христиан.

Храм единства

Бахаизм в том виде, в каком он исповедуется в Америке сегодня, основан на писаниях и учениях Бахауллы и Абдул-Баха. Вполне естественно, что при популяризации ит его противоречия были примирены, а тонкости проигнорированы. То, что осталось, вписывается в различные формы и соответствует широкому спектру идеализма. Двенадцатью основными принципами бахаизма, провозглашенными в его популярной литературе, являются:

Единство человечества.

Независимые исследования истины.

Основа всех религий одна.

Религия должна быть причиной единства.
Религия должна быть в согласии с наукой и разумом.
Равенство между мужчинами и женщинами.
Предвззсудки всех видов должны быть забыты.
Всеобщий мир.
Всеобщее образование.
Решение экономической проблемы.
Международный вспомогательный язык.
Международный трибунал.

Программа, достаточно всеобъемлющая для любого почтенного возраста. Эти принципы подтверждаются цитатами из трудов Абдул-Баха и учения Бахауллы. Многое в совокупности придает ему силу притягательности — мужество его мучеников, его простор и в то же время притягательность его притягательности и намека на духовное братство. Поскольку движение несет в себе своего рода мессиианские ожидания, оно легко приспосабливается к унаследованным христианским надеждам. Существуют реальные соответствия между ожидаемым им тысячелетием и тысячелетием христиан.

Насколько его лидеры в своей страсти к миру, в своей доктрине непротивления и превознесении жизни духа в долгу перед внушениями самого христианства или насколько это новое выражение характера, которому Восток всегда симпатизировал больше, чем Запад, сказать трудно, но в некотором смысле бахаизм действительно выражает — или, возможно, воспроизводит — основной дух Евангелий более верно, чем значительная часть западного христианства в том виде, в каком оно организовано сейчас. Те члены христианских общин, которых привлекает бахаизм, находят в нем настоящее гостеприимство по отношению к унаследованной вере, которую они перенимают. Следовательно, возможно принадлежать к культу и в то же время продолжать свою установившуюся религиозную жизнь без какого-либо очень большого насилия и даже с возможной интенсификацией этой жизни.

Поэтому трудно отличить бахаизм в том виде, в каком его придерживаются религиозные группы в Америке, в том, что касается этики и идеалов, от многого, что является отличительным в христианском духе, хотя влияние бахаизма в целом должно было бы стереть различия и особенно лишить силы христианские верования.

Чикаго, или, скорее, Уилметт, сейчас является центром движения в Америке, и там строится амбициозный храм, идея архитектуры которого взята из храма в Эскабаде, Россия. Это должен быть храм универсальной религии, символизирующий в своей архитектуре единство веры и человечества. "Храм с его девятью дверями будет установлен в центре круглого сада, символизирующего всеобъемлющий круг Божьего единства; девять путей будут вести к девяти дверям, и каждый, идущий по пути своей собственной секты, религии или направления мысли, оставит у двери догмы, которые разделяют, и под куполом Божьего единства все станут одним целым.... Ночью он будет ярко освещен, и свет будет пробиваться сквозь ажурный купол - маяк мира и единства, возвышающийся высоко над озером Мичиган".

Это исследование привело нас во многие любопытные области и показало, к каким неожиданным выводам могут прийти силы веры или надежды, однажды высвободившись, но, несомненно, оно не выявило ничего более любопытного, чем то, что старый-престарый спор об

истинном преемнике пророка Мухаммеда должен был, наконец, вылиться во всеобщую религию и побудить верующих к строительству храма единства на берегах озера Мичиган.

Если бы эта работа была завершена, она должна была бы включать в себя некоторое исследование ритуалов культов. Они постепенно создают собственные гимны; их общественный порядок служения включает в себя чуткие чтения с размышлениями об имманентности Бога, превосходстве духовного и связанных с этим темах. Как правило, они обходятся без таинств; у них нет церковных орденов и вряд ли есть что-либо, соответствующее католическому священству или протестантскому служению, хотя журнал "Христианская наука" имеет признанное официальное место. Они встречаются на конференциях; они во многом зависят от выступлений своих лидеров. Спиритические движения организуются вокруг спиритических сеансов. Они пользуются арендованными залами, отелями, собственными домами; как правило, у них нет собственных зданий, за исключением храмов христианской науки, которые отличаются достоинством архитектуры и красотой назначения почти в каждом крупном городе.

Общие выводы; ограничения метода писателя

Остается только в самых общих чертах резюмировать выводы, к которым может привести это исследование. На протяжении всей книги шел процесс критики и оценки, но в конце должно быть место для некоторых общих утверждений.

Автор признает ограниченность своего метода; он добросовестно изучал литературу культов, но любая религия всегда представляет собой гораздо больше, чем свою литературу. История культов не раскрывает полностью их историю, и никакое простое наблюдение за их богослужением не позволяет наблюдателю проникнуть во внутреннюю религиозную жизнь верующих. Жизнь всегда подчиняет свои материалы своим собственным целям, воспроизводит их в терминах своих собственных реальностей; существуют бесконечные индивидуальные вариации, но результат в целом одинаков. Религия делает то же самое. Его материалами являются вера, послушание, убеждение в истине и ожидания более счастливых состояний, но его конечными творениями являются характер и опыт, и результаты в жизни представителей самых разных религий неожиданно схожи. Как теоретически, так и практически более истинное понимание или более тонкая вера и, в частности, более высокие этические стандарты должны способствовать обогащению жизни, и это действительно так. Но настоящая доброта везде почти одинакова; для каждой веры есть свои святые в календаре.

В литературе о культах есть множество свидетельств о редкой доброте и безграничной преданности, и наблюдения подтверждают эти свидетельства. Отчасти это, несомненно, связано с их окружением. Сами западные культы и восточные культы на Западе содержатся во всем исходе исторического христианства и находятся под его влиянием, и они, естественно, разделяют его дух. Если церквям нужно помнить об этом при оценке культов, то культам также нужно помнить об этом при оценке церквей. Множество католиков и протестантов защищаются от религии, которую, по мнению культов, они либо исправили, либо переросли именно то, что они защищают, — и даже больше. Такие, как они, доверяют Богу, сохраняют здоровье, с радостью занимаются своими делами и доказывают свою веру в благодатную жизнь. Есть место для взаимного уважения и рабочей меры уступок с обеих сторон.

Автор склонен думать, что церкви в настоящее время более поддаются обучению, чем более поздние религиозные движения. На протяжении долгого поколения церкви подвергались жесткой критике почти со всех сторон. Ученый, социолог, философ, публицист, недовольный вещами такими, какие они есть, и главный герой вещей такими, какими они должны быть, - все они сменяли друг друга, и Церковь в целом, с некоторым естественным протестом против того, чтобы ее сделали козлом отпущения за грехи общества, крайне неохотно делающего Евангелие Церкви законом своей жизни, приняла во внимание свои собственные недостатки и попыталась их исправить. Культи пока еще менее склонны испытывать себя тем, против чего они отреагировали. Но это к делу не относится. Движения, которые мы изучали, могут быть справедливо оценены только после того, как человек проследит за их результатом в жизни, а это невозможно ни в деталях, ни полностью. Но из их литературы можно почерпнуть разумное понимание их принципов и взаимосвязей, и писатель стремился к этому.

Культи являются аспектами Творческого религиозного сознания Эпохи

Таким образом, становятся очевидными определенные выводы. Эти движения являются порождением религиозного сознания того времени. Они являются аспектами настоящего времени религии. Поскольку религия - это, помимо всего прочего, действенное желание вступить в правильные отношения с силой, проявляющей себя во вселенной, есть два варианта ее содержания: во-первых, наше меняющееся понимание самой силы и, во-вторых, наше меняющееся использование ее. Первое зависит от наших знаний и проницательности, второе - от нашего собственного меняющегося ощущения личных потребностей. Хотя Бог вчера, сегодня и вовеки тот же, наше понимание Его не может и не должно быть таким же вчера, сегодня и вовеки. Нашу веру изменяют, например, наши научные открытия. Когда небесный свод еврейской космогонии уступает место межзвездным пространствам, а телескоп и спектроскоп проникают в глубины Вселенной, превращая туманности в звездные потоки, вера обязана отражать перемены. Сила, проявляющая себя во Вселенной, становится, таким образом, более обширной силой, действующей посредством более широкого распространения закона. Наше изменившееся понимание самих себя также должно отразиться на нашей вере и наших этических взглядах. И поскольку этим меняющимся пониманиям нет и не должно быть конца, сама религия, которая является одним из их результатов, должна быть пластичной и изменяющейся.

То, чего мы просим у Бога, в равной степени подвержено изменениям. Действительно, старые вопросы — Откуда? Куда? и почему? постоянны. Поскольку мы знаем, что живем в мире, который меньше пылинки в необъятности, где рождение и смерть солнц эфемерны, мы можем справедливо не доверять нашей собственной ценности для более обширного порядка. Поэтому мы будем более настойчиво спрашивать, откуда? и куда направляются? и почему? Но, тем не менее, акцент на религиозной потребности всегда смещается. В наше время явно больше заботятся о благополучии в нынешней жизни, чем о счастье в жизни грядущей. Темперамент также определяет опыт. Мистик ищет сознательного общения с Богом как самоцели; практичный характер требует проявления любви к Богу в счастливых материальных условиях. В целом, действие и противодействие управляют всей этой областью. Пуританин был в высшей степени озабочен своим собственным спасением и последующей за ним борьбой; его потомки были в основном заинтересованы в расширении знаний и покорении физического порядка, и мы реагируем на это новым возвращением к самим себе и возможностям личности.

Теперь эти меняющиеся представления о силе, проявляющей себя во вселенной, с одной стороны, и наши собственные меняющиеся чувства потребности - с другой, придают религии постоянно меняющийся характер, и то, что является наиболее отчетливо религиозным в любой период, должно быть результатом сочетания этих двух вариантов. То, чего требует эпоха от Бога, которого она знает, окрашивает всю ее религиозную жизнь. Конечно, эти культы и движения не полностью отражают творческое религиозное сознание нашего времени; значительная часть того же самого творческого религиозного сознания придавала новое качество организациям и ортодоксальности церквей. Но в границах исторического христианства это было скорее переработкой хранилища веры, чем реальным приключением в создании религии. Культы и движения не были таким ограниченным образом. Они бросили вызов старым договоренностям, оторвались от старых организаций и заняли свою собственную линию, используя такой материал, который кажется подходящим для их целей.

Они не совсем независимы от прошлого; некоторые из них взяли за отправную точку незапамятные рассуждения Востока, хотя и привнесли в них немало допущений или выводов современной науки и кое-что из духа самого христианства. Те, кто отходит от христианства, заявляют, что скорее переосмысливают и модернизируют его, чем вытесняют своими собственными творениями. И все же, когда все это признается, эти культы и движения являются, в частности, творением нашего времени. Принятые таким образом, они убедительно свидетельствуют о живучести религии. Все эти предположения, уверенности и проникновения сквозь тени - всего лишь свидетельство того, что немногие довольствуются тем, что обходятся без той или иной формы религии.

Все религии на той или иной стадии проходили во многом через один и тот же процесс. У каждой религии было время, когда она принимала новую форму из старых элементов, время, когда принятые религии проявляли недостаточно сочувствия и понимания того, что с ними происходило, в то время как те, кто был привержен новым поискам, ликовали от сознания духовного приключения и открытия и слышали, как утренние звезды поют вместе от радости. То, что начинается таким образом, всегда должно подчиняться свидетельству времени. В конце концов, религия постоянна, поскольку она удовлетворяет великие человеческие потребности и приспосабливается к их меняющимся фазам. Она имперская и универсальная, поскольку в высшей степени отвечает этим потребностям. Если вдобавок оно способно к организации, если внутри него есть место для расширения, и если в целом оно оправдывает себя результатами в жизни и обществе, оно будет сохраняться, и если оно сохраняется в течение длительного периода времени и создает для себя литературу, догмы и авторитеты, оно становится настолько фундаментальным, насколько что-либо может быть в этом мире. Она создает культуры, формирует цивилизации, окрашивает искусство, устанавливает идеалы и заполняет весь кругозор своих приверженцев.

Если религии суждено выстоять, она должна удовлетворять широкий спектр потребностей; она должна быть пластичной и в то же время облекать себя санкциями Истории. Для консерватора он должен обладать ноткой авторитета и в то же время обещать свободу либералу. Он должен убедить тех, кто смотрит в будущее, в том, что он обладает достаточной силой, чтобы соответствовать меняющимся условиям. Это должно приносить удовлетворение мистику и практично мыслящим людям и избавление отчаявшимся. Она должна быть способна встроить в свою структуру новые науки и философии, и в то же время она должна затрагивать всю жизнь с некоторым ощущением вневременности, и, прежде всего, она должна включать в себя всю

жизнь, а не зависеть от конкретных призывов или преходящих фаз мысли. Историческое христианство в большей степени, чем любая другая религия, справилось со всеми этими испытаниями, поскольку, хотя под давлением удовлетворения столь большого разнообразия потребностей и условий оно организовалось в такие разные формы, как латинский католицизм и Общество друзей, утратив таким образом католицизм организации, оно вместо этого обеспечило католицизм духа и огромную гибкость привлекательности, которые являются секретом его силы и гарантией его постоянного превосходства.

Их параллели в прошлом

Итак, с помощью подобных тестов, какое будущее можно ожидать для таких культов, которые мы изучали? Могут ли они вытеснить исторические формы христианства, существенно изменят ли они его или же они сойдут на нет и будут вновь поглощены? Очевидно, что должно произойти одно из этих трех событий. Это не первый случай в западном мире, когда историческому и авторитетному христианству бросают вызов. Возможно, нам следовало бы вернуться в четвертый век, чтобы найти точную параллель, и тогда мы обнаружили бы в обширном и запутанном движении гностицизма неожиданную параллель со многим из того, что происходит вокруг нас. Гностицизм был попыткой разума, чрезмерно склонного к спекуляциям, недисциплинированного и в значительной степени не сдерживаемого никаким чувством реальности, овладеть Церковью и преобразовать ее. Различные силы объединились, чтобы создать свою структуру из рожденных в воздухе спекуляций, и хотя на какое-то время святоотеческой церкви пришлось вести самую тяжелую борьбу за все время ее существования, церковная дисциплина была слишком сильна для этого. Его собственные слабости в конечном итоге привели к его гибели, и гностицизм остается лишь увлекательной областью изучения для специалиста, всего лишь названием, пусть даже в меньшей степени, для большинства из нас, и ценен главным образом тем, что показывает, что может сделать спекуляция, когда ей позволено по желанию управлять землей и небом, используя ложный рационализм в качестве пилота и воображение в качестве крыльев.

Кроме того, в истории Церкви было много других движений, обладавших огромной устойчивостью и продолжавшихся в некоторых случаях на протяжении поколений наряду с основным течением религиозного развития, пока они окончательно не исчезли со сменой столетий. Рассуждая на основе таких исторических прецедентов, как эти, можно легко предположить подобную судьбу гностицизма нашего времени, и все же здесь необходимо предостережение, поскольку существуют вызывающие разногласия религиозные движения, которые пока что не потерпели неудачу и не были поглощены тем, из чего они вышли. Ожидание Католической церкви, что протестантизм израсходует свою силу и снова затеряется в величественной ткани латино-католического христианства, поскольку оно продолжается среди нас, так же далеко от реализации сегодня, или даже дальше, чем когда-либо за последние 300 лет. Нам также нужно помнить, что условия меняются. Право на индивидуальную инициативу и суждение, однажды обеспеченное в области религии, вряд ли когда-либо будет утрачено. Немало расходящихся движений были буквально возвращены в строй или же потушены в огне и крови. Сейчас, скорее всего, ничего подобного не произойдет.

Ни один изучающий историю не должен быть слеп к последовательности действий и реакций. Период чрезмерной зависимости от авторитета может последовать за периодом чрезмерного самоутверждения, но маловероятно, что мы когда-либо обнаружим воссоздание в точности

условий прошлого или что религия в дальнейшем может поддерживаться, как это было до сих пор, относительно четко обозначенными каналами под давлением признанных авторитетов. Пророчество - опасное занятие, но можно с уверенностью предположить, что эти современные религиозные культы и движения представляют собой зачатки более свободной, более рассеянной, менее формальной религиозной веры. Сами особые культы могут достичь своего срока, но характер, породивший их, вероятно, сохранится, и с другими группировками сил в будущем произойдет нечто, что, по крайней мере, будет им параллельным.

Научная организация психотерапии, вероятно, окажет негативное влияние на культы исцеления

Что касается судьбы самих отличительных культов, то выводы могут быть менее предварительными. По большей части фундаменты, на которых они построены, недостаточно велики, чтобы нести вместительную и надежную конструкцию. Они стали возможными не только из-за заметных ограничений в самой исторической религии, но и из-за современных настроений, которые, можно искренне надеяться, являются самоограничивающимися, и это сказано не из-за чрезмерного предубеждения против самих культов, а просто потому, что не хочется верить, что недостаток критических способностей, который сделал возможными некоторые из этих культов, в конце концов не уступит место опыту и действительно более основательному образованию. Более того, поскольку некоторые из них — и Христианская наука в первую очередь — зависят от веры и ментального исцеления, все, что поможет нам лучше понять природу и пределы психотерапии, окажет большое влияние на их будущее. Все культы исцеления верой до сих пор очень сильно зависели от атмосферы таинственности, которой они были способны окружить себя. Тот факт, что они смогли добиться результатов, не имея очень четкого понимания того, каким образом эти результаты были достигнуты, вселил в них благоговейный трепет и удивление, столь необходимые для любой религии.

Но по мере того, как сама психотерапия становится организованной, вырабатывает свои законы, развивает свою собственную науку, и особенно по мере расширения и популяризации знаний обо всем этом, они теряют свою базу поддержки. По этой причине автор считает, что окончательное объяснение всей веры и ментального исцеления в терминах той или иной формы внушения, которая сейчас убедительно доказана, окажет неоценимую услугу всем нам.

Тесная связь религии и целительства, в целом, не принесла пользы ни религии, ни здоровью. Конечно, это утверждение, вероятно, будет подвергнуто резкому оспариванию, но оно сохраняется перед лицом возможного вызова. Что касается религии, то она отвела интерес верующих, находящихся под таким влиянием, от нормальных проявлений религиозной жизни к пограничным регионам; она сделала упор на исключительность, а не на размах закона, и на оккультное, а не на ярко обоснованное. Там, где в отдельных случаях она потерпела неудачу, а она обречена на неудачу, она оставила разочарованных таким образом людей без какой-либо прочной основы для их веры и, как правило, полностью оттолкнула их от религии. Это соблазняло религиозных учителей добиваться слушания с помощью знамений и чудес. Даже Основатель христианской религии устал от этого, как достаточно ясно показывают записи, поскольку Он видел, что Его истинной работе это не помогало, а препятствовало, и если это верно для Основателя, то тем более верно для Его последователей.

Со стороны науки этот темперамент препятствовал честному мышлению, кропотливому исследованию и той специализации, которая абсолютно необходима для продвижения любого

большого разделения человеческих усилий. Медицина почти не продвинулась вперед, пока не освободилась от Церкви. В частности, средний служитель ни по образованию, ни по темпераменту не приспособлен для целительской работы, а тем мирянам, которые занимали эту должность, как правило, не хватало уравновешенности и самоограничения. Это не означает отрицания реальности силы, которую не мы сами создаем для здоровья и благополучия в целом, или силы веры, или действенности молитвы. Меньше всего, при таком понимании, Бог должен быть исключен из жизни. Но сила не в нас самих, которая способствует вере и исцелению, лучше всего познается благодаря кропотливому исследованию, открытию методов и подчинению установленному закону. Когда мы ясно осознаем природу психотерапии, оккультный авторитет культов исцеления в конце концов уступит этому пониманию, а сами культы будут значительно ослаблены или вытеснены.

С другой стороны, следует признать непреходящую силу любой устоявшейся религиозной системы. Благодаря воспитанию и тому глубокому консерватизму, который более прочно держится в области религии, чем где-либо еще, возможно передавать из поколения в поколение неразумное или положительно неверное, и это сохраняется как в Церкви, так и за ее пределами. Тем не менее, наиболее слаженные системы должны считаться со своими собственными слабостями. Христианской науке, возможно, предстоит долгий период устойчивого развития или даже заметного роста, но ее философия в конце концов уступит более широкому размаху более истинной философской мысли. Её интерпретации исторического христианства будут возникать снова и снова для изучения, пока их ошибочность не станет очевидной, а его сила как системы психотерапии не будет модифицирована более простым и разумным применением той же силы.

Новая Мысль Станет Старой Мыслью

Новая мысль, вероятно, пойдет другим курсом, но ей также придется считаться с меняющимися науками и философиями. То, что является новой Мыслью сегодня, завтра станет старой мыслью; ей будут брошены вызовы новыми проявлениями духа, породившего ее. Следовательно, она сохранится только в том случае, если будет открытой, гибкой и обладает большой способностью приспособливаться. Но до тех пор, пока представления и идеалы изменчивы, до тех пор, пока религия находится под контролем, принимая во внимание все элементы, которые должны быть включены в нее, чтобы расширить и продолжить ее, короче говоря, до тех пор, пока человеческий дух перерастает фиксированные формы в любой области, в самой религии, вероятно, будет что-то соответствующее Новой Мысли наших дней, но это будет верно только в том случае, если Новая мысль — это вовсе не культ, а нечто большее - свободное и творческое движение человеческого духа.

Из всех этих культов он внес самый весомый вклад в религию в целом. Кроме того, он легче усваивается. Ее собственная сфера деятельности будет ограничена растущим вниманием христианской мысли к современной истине. Полностью непредубежденная церковь пройдет долгий путь к тому, чтобы извлечь смысл своего существования из Новой мысли. Следовательно, ее будущее в значительной степени зависит от непредубежденности старых и более прочно укоренившихся форм религии.

Будущее спиритуализма в значительной степени открыто для предположений. Мы уже видели альтернативы, с которыми спиритуализм призван столкнуться, и неопределенности, которые сопровождают его выводы. Более полное понимание возможностей аномальной личности и

достижение автоматизма, вероятно, сработают против спиритуализма. Если мы найдем выяснимые причины его явлений, заключенные в самой личности, то не будет необходимости обращаться в другой мир, чтобы объяснить, что происходит в этом. С другой стороны, если будет доказан растущий и проверенный массив фактов, которые могут быть объяснены только в терминах спиритического общения, спиритуализм естественным образом добьется успеха. Но мы, безусловно, стоим только на пороге научной интерпретации спиритических явлений, и до тех пор, пока вся область не будет проработана гораздо тщательнее и в руках не будет гораздо более надежных фактов, можно только сказать, что спиритизм - это гипотеза, которая может быть проверена, а может и не быть, и зависит от результата.

Трудно поверить, что теософия и родственные ей спекуляции когда-либо смогут прочно овладеть практическим западным умом. Той силой, которой она обладает, она обязана либо чрезмерной любви к спекулятивному со стороны немногих, либо тому особому темпераменту, который всегда хочет чего-то другого и чего-то нового, либо усталости и непониманию более темной стороны жизни. Теософия в значительной степени зависит от позитивного, практического склада ума; она всегда найдет преобладающего конкурента в христианской доктрине бессмертия. Более того, что бы ни объясняло очевидное неравенство в жизни в более простых и разумных терминах, это подорвет его корни. От движения к религиозному синкретизму, выражением которого бахаизм как раз сейчас и является, будет не так-то легко избавиться. Всегда будут люди, нетерпеливые к прошлому, стремящиеся к единству, стремящиеся к чему-то большому и взаимопроникающему. Исторически такой настрой время от времени проявлялся, особенно на последних этапах римского язычества, и в будущем, вероятно, произойдет большой обмен религиозной верой и пониманием, чем это было в прошлом.

В целом, это стремление к универсальной религии, простой и лишенной отличительных черт, следует за ослаблением убеждений, потерей страсти к принятым формам. Если что-то снова углубится среди нас в религии, что сейчас соответствует страсти к национальности, пострадают эти более общие религиозные поиски. Сильное чувство к церкви, вероучению или собственному движению вытеснило бы их. С другой стороны, в их пользу говорит общая тенденция всех религий к простоте, то есть сведение веры к нескольким широким и общепринятым элементам. Но нет никаких оснований ожидать скорого распада того, что можно назвать партикуляристской религией, и замены ее верой, построенной из множества разнообразных элементов и объединяющей людей с совершенно разными характерами.

Вероятно, произойдет некоторое поглощение Культов расширяющимся историческим христианством

Если прошлое дает аналогию или предположение, то у культов и движений будет некоторая тенденция к повторному поглощению доминирующими религиозными формами, от которых они откололись. Тщательный анализ этого утверждения включал бы рассмотрение окончательности христианства в том виде, в каком оно сейчас исповедуется в западном мире. В рамках исследования, подобного этому, это невозможно. Любое общее утверждение, конечно, окрашено характером того, кто его делает, и в определенной степени порождает весь этот великий вопрос. Но тщательное и беспристрастное изучение современных культов, по-видимому, указывает на то, что они действительно не могут предложить ничего такого, чего не было бы у господствующего христианства ни явно, ни неявно. За его формами и верованиями

скрывается солидный человеческий опыт, который нельзя так просто не учитывать. Они представляют собой тяжкий труд двадцати веков и имеют за собой гораздо более давние убеждения и надежды. Если бы христианство расширилось до полного предела своих возможностей, оно оставило бы мало места для того, что стремится вытеснить его, и удовлетворяло бы потребности, породившие культы, гораздо более богатыми и разумными способами.

Поскольку культы ошибочно различаются, поскольку они не выдерживают тщательного изучения, они представляют собой то, что должно быть исправлено и не может быть усвоено. Христианство может воспринять новую Мысль гораздо легче, чем христианская наука. Теософию в ее крайних формах оно вообще не может воспринять. Она более восприимчива к поискам универсальной религии, поскольку стремится сама стать универсальной религией и никогда не сможет достичь своего идеала, если не примет во внимание желание чего-то достаточно большого, чтобы охватить всю жизнь, как Восточную, так и Западную, и освободить место внутри себя для очень большого разнообразия религиозных настроений.

Но христианство находится под влиянием культов

Если христианство не хочет вновь поглотить культы в их нынешнем виде, оно должно, как говорилось снова и снова, учитывать их, и вряд ли оно останется без их влияния. В некоторых направлениях она уже уступила их утверждениям. Если оно чувствует, что они бросают ему вызов, оно должно ответить на этот вызов не столько нетерпимостью, сколько исправлением условий, которые сделали их возможными, и здесь его наиболее надежными инструментами являются образование и самоанализ. Во всех церквях существует потребность в гораздо большем количестве чистого учения. Необходимость в собраниях и традициях проповеди сговариваются, чтобы сделать послание Церкви гораздо менее важным, чем оно должно быть. Проповедь - это слишком много декламации и слишком большое следование узкими и глубоко протоптанными тропами.

Сами культы представляют собой жажду света, особенно в регионах боли и потерь. Историческое христианство проиграло, потому что сделало религию слишком эгоцентричной, не то чтобы культы были здесь исправлением, потому что они еще более эгоцентричны — это одна из их величайших ошибок. Индивид не является центром мира; он является частью более широкого порядка, стремящегося к достижению великих целей, которым его жизнь может только способствовать. Церковь и все культы вместе взятые слишком сильно забыли о том, что жизнь священна только тогда, когда мы ее теряем. В целом, нам нужны в церквях более смелые личные качества и гораздо большая бескорыстность.

Интересно отметить, что движение культов, за возможным исключением "Новой мысли", шло скорее в сторону от рационализма, чем в направлении к нему. Это обстоятельство следует принять во внимание. На первый взгляд это, казалось бы, указывает на то, что людям нужен в религии не столько разум, сколько мистицизм, и что для большинства религия наиболее верно понимается в терминах не известного, а неизвестного. Если христианская церковь должна ответить на вызов культов гораздо более четко определенной линией учения, она также должна ответить на вызов культов более теплой религиозной жизнью, с утверждением опыта, проверяемого не столько кризисами и обращениями, сколько постоянным проживанием жизни в смысле божественного — используя благородную фразу Джереми Тейлора: в практике Присутствия Бога. Слабость культов заключается в том, что они сузили практику присутствия

Бога до определенных регионов, находя доказательство Его силы в здоровье и благополучии. Если мы сможем заменить сознание Бога размахом закона, необъятностью силы, нормальным образом жизни, светом и пониманием, разумом, а также мистицизмом и наукой, а также благочестием, мы обеспечим основание, на котором можно построить достаточно много, чтобы приютить набожные и ищущие души, которые сейчас не в состоянии найти то, что они ищут в самих церквях, и все же ни на мгновение не расходятся с тем, что является самым истинным и пророческим в самом христианстве.

У сэра Генри Джонса в его "Вере, которая вопрошает" есть абзац, относящийся именно к этому месту. Второе соображение возникает из-за грандиозности перемен, которые последовали бы, если бы протестантские церкви и их лидеры заняли позицию науки и рассматривали статьи вероучения не как догмы, а как наиболее вероятное объяснение, наиболее здравый отчет, который они могут сформировать об отношении человека ко Вселенной и об окончательном смысле его жизни. Гипотеза о Боге, чья мудрость, могущество и благость совершенны, была бы тогда опробована как теоретически, так и практически, и, я полагаю, стала бы тем самым еще более убедительной. Символ веры был бы не просто записью старой веры, подлежащей авторитетному принятию, но вызовом скептикам и нерелигиозным. Церковь, вместо того чтобы быть местом, где излагаются и иллюстрируются решения древних религиозных авторитетов ссылкой на содержание одной книги и историю одной нации — как будто никакие другие книги не были богодухновенны и все нации, кроме одной, были оставлены Богом, - Церковь была бы местом, где обоснованность духовных убеждений обсуждается по существу и расширяется применение духовных принципов; где пытливая молодежь исправлялась бы, когда жизнь приносит им печаль, разочарование или неудачу, а несправедливость человека заставляет их сомневаться в том, есть ли Бог, а если есть, то добр ли он и обладает ли он силой, и выступает помощником человека. Обращение к своим дипломированным духовным наставникам, зная, что ко всем их трудностям будет применена полная справедливость, должно быть для них таким же естественным, как обращение в физическую лабораторию или мастерскую механика при поломке двигателя ".[\[83\]](#)

[\[83\]](#) "Вера, которая вопрошает", стр. 82.

Медицинской науке следует более серьезно отнестись к культам Исцеления

Не только церкви, но и школы, и особенно медицинская наука, должны принимать во внимание культы. Они представляют собой, пожалуй, одно из самых резких обвинений современному образованию. Многие из их приверженцев номинально имеют образование выше среднего. Они добились для того, за чем следуют, авторитета, который всегда придает в сознании американцев тому факту, что те, кто поддерживает любое движение, воспитаны в колледже, и все же отсутствие ясного видения, способности различать и анализировать, наряду с неожиданной доверчивостью, которая проявляется таким образом, кажется, указывают на бросающиеся в глаза недостатки в массовом образовании. Это сделало нас чрезмерно внушаемыми, во многом открытыми для массового движения, зависящими от милости меньших пророков и испытывающими недостаток в той стабильности и понимании, на которых должна быть построена здоровая культура. Когда мы рассматриваем, во что способны верить те, кто получил образование в колледже или университете, мы должны прийти к выводу, что либо современному образованию не хватает прочной ментальной дисциплины, либо мы обладаем

странной способностью жить в герметичных отсеках и полностью отделять нашу веру от нашего разума.

Культы, организованные вокруг веры и ментального исцеления, одновременно бросают вызов современной медицинской науке и в какой-то мере обвиняют ее. Во многих направлениях все эти движения являются реакцией против чрезмерного материализма; они утверждают силу личности по сравнению с ее окружением, свидетельствуют о том, что к центральным проблемам жизни можно подходить как с духовной, так и с физической и материальной стороны. Было бы несправедливо утверждать, что современная медицина игнорирует это. Вероятно, в любой мудрой медицинской практике всегда присутствовал значительный элемент ментального исцеления. Но в целом, поразительные успехи медицинской науки за последние тридцать лет и очень большой успех, сопутствовавший определению всех болезней с точки зрения физического расстройства, привели к тому, что врачи, как правило, неоправданно недооценивают или игнорируют несомненную силу веры и разума над телесными состояниями.

Даже в рамках научных исследований медицина в целом недостаточно серьезно относилась к этому направлению подхода. Обществу психических исследований есть чему научить медицинские факультеты именно здесь. Это Общество, как мы видели, стремилось самым строгим и научным из возможных способов выяснить, прежде всего, какие действительные факты стоят за запутанными феноменами спиритуализма. Они отдали много времени именно этому. Поскольку они, наконец, выделили определенные факты, они с большой осторожностью приступили к разработке гипотез для их объяснения, и таким образом, с помощью исследователей аномальных личностей, они постепенно наводят определенный порядок во всей области. Медицинская наука в целом не сделала этого в области веры и ментального исцеления. Поэтому мы слишком неуверенны в наших фактах. Многие из этого может быть исправлено. Если бы было организовано Общество психотерапевтических исследований, которое с тщательностью отслеживало бы каждое сообщение об исцелении, начиная с диагноза и заканчивая фактическим физическим состоянием пациента, насколько это можно установить с помощью имеющихся в их распоряжении тестов, они могли бы значительно прояснить общественное мнение, предотвратить огромное количество ненужных страданий, избавить больных от несбывшихся надежд и обеспечить своей профессии явное подкрепление и повышенную полезность.

Забывтая Сила

Если они таким образом обнаружат — что вполне вероятно, — что реальная сила психотерапии была в значительной степени переоценена, что воображение, неправильный диагноз и ошибочный отчет относительно фактического физического состояния - все это объединилось, чтобы породить уверенность, не подкрепленную фактами, мы должны начать выходить на свет. И если, с другой стороны, они найдут совокупность реальных фактов, подтверждающих психотерапию, им не мешало бы добавить курсы по ней в учебную дисциплину своих школ.^[84] Все это, несомненно, было бы вопросом специализации, поскольку почти каждое другое отделение медицины требует специализации. Каждый хороший врач в той или иной степени является ментальным целителем, но каждый врач не может стать специалистом в психотерапии, да ему это и не нужно.

^[84] Но это уже делается.

Элементы темперамента присутствуют здесь в значительной степени. Но мы могли бы, по крайней мере, вырвать все это дело из рук шарлатанов и полуинформированных людей и поставить его на прочную научную основу. Несомненно, существует реальное место для врача, который использует элементы внушения и направляет их. Во Франции и Швейцарии в целом в этом направлении продвинулись дальше, чем у нас в Америке. Очевидно, что мы стоим только на пороге заметного прогресса в этом направлении. Психотерапия никогда не сможет заменить медицинскую науку, которая имеет дело с телом как с машиной, которую нужно регулировать в ее процессах, защищать от враждебного вторжения или укреплять в ее слабостях, но есть и другая линия подхода к болезни. Католическая медицинская наука будет использовать все средства, которые в ее силах.

Культы должны быть оставлены на усмотрение Времени и Исправления Истины

Помимо таких общих соображений, как эти, мало что можно сказать. Христианские церкви ничего не выиграют, проявляя нетерпимость к проявлениям веры и духовным приключениям за пределами их собственных границ. Точно так же, как существует постоянный процесс отбора, в ответ на который исторические церкви поддерживают свое существование, процесс отбора, контролируемый ассоциацией и характером, поскольку некоторые из нас по природе католики, а некоторые протестанты, есть люди, которые не одобряют унаследованную организацию, авторитет или вероучение. Такие, как они, являются искателями, возможно, чрезмерными в своей индивидуальности, но тем не менее искренними в своем желании обрести веру и религиозный контакт, которые будут иметь свой особый смысл для их собственной жизни. И если кому-то из нас могут показаться элементы неправильного направления, каприза или неразумия в их поисках, то, возможно, именно такими путями, в конце концов, достигаются успехи и сохраняется то, что правильно.

Если нетерпимость вообще ничего не даст, то ничего не даст и несправедливая критика, и, в целом, все эти изменения должны быть оставлены на усмотрение времени и исправления истины.

Мы начали это исследование с определения религии как действенного желания быть в правильных отношениях с силой, проявляющей себя во вселенной. Насколько велика эта сила, мы только начинаем понимать. Насколько разнообразны наши темпераменты и какие неожиданные возможности таятся в глубинах личности, мы тоже только начинаем узнавать. Следовательно, возможны самые разнообразные контакты в этом стремлении быть в правильных отношениях с силой, которую вера знает и называет Богом. В начинании, продвигающемся по столь широкому фронту, естественно, есть место для самых разнообразных поисков. Когда мы попытались правильно понять и справедливо оценить наиболее экстремальные варианты этого поиска в наше время, мы, в конечном счете, можем сделать не больше, чем, благодаря полученным таким образом знаниям, терпеливо и фундаментально пытаться исправить то, что ложно, и признать то, что правильно, и посочувствовать ему, а остальное оставить на усмотрение беспрестанных движений человеческой души и тех проявлений Божественного, которые по своей Божественной стороне являются откровением, а по своей человеческой - прозрением, пониманием и послушанием.

Напечатано в Соединенных Штатах Америки

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ АДРЕСА

ДЖОН ГЕНРИ ДЖОУЭТТ, доктор медицинских наук

Бог Наш Современник

Серия полных адресов стоит 1,50 доллара.

Среди современных проповедников-гигантов доктору Джоуэтту было отведено высокое место. Каждый проповедник сразу же захочет этот новейший продукт своего плодотворного ума. Она состоит из серии полноценных проповедей, которые призваны показать, что только в Боге, открытом нам в Иисусе Христе, мы можем найти ресурсы для удовлетворения потребностей человеческой жизни.

СИДНИ БЕРРИ, магистр медицины

Разоблачающий свет - 1,50 доллара.

Сборник выступлений преемника доктора Джоуэтта в церкви Каррс-Лейн в Бирмингеме, основная цель которого - показать, что означает христианское откровение по отношению к великим историческим фактам Веры и какой отклик эти факты должны пробудить в сердцах людей наших дней. Каждое обращение является примером лучшей проповеди этого знаменитого "проповедника молодым мужчинам".

ФРЕДЕРИК К. СПЕРР

Последний служитель часовни в Риджентс-парке, Лондон.

Главный ключ

Исследование мировых проблем за 1.35 доллара.

Бесстрашное, четко аргументированное повторение положений христианского Евангелия и его связи с тяжелыми испытаниями, через которые проходит мир. Мистер Сперр - человек в авангарде религиозной мысли, но так же решительно, как и любой мыслитель старой школы, он настаивает на существовании единственного Врача, способного исцелить раны и горести человечества.

РАССЕЛ Х. КОНВЕЛЛ, доктор медицинских наук

Пастор баптистского храма, Филадельфия.

Неиспользованные возможности \$ 1.25.

К "Акрам алмазов", "Лилии Ангела", "Почему Линкольн смеялся", "Как жить жизнью Христа" и многим другим волнующим книгам доктор Конвелл только что добавил еще одну, составленную из его лучших выступлений. Доктор Конвелл говорит, как он говорил всегда, исходя из экспериментальных знаний и практической мудрости человека, который долгое время сталкивался с суровыми реалиями жизни и был этим возвышен.

ГАЙ ГЛЕНН АТКИНС, доктор медицинских наук

Служитель Первой конгрегационалистской церкви, Детройт, Мичиган.

Неоткрытая страна \$1.50.

Группа обращений, отмеченных отличием стиля и оригинальностью подхода. Заглавный дискурс раскрывает центральную тему, к которой имеют отношение следующие. Все работы доктора Аткинса отмечены ясностью изложения, отточенной дикцией и убедительными фразировками.

АКТУАЛЬНЫЕ ЭССЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ

НЬЮЭЛЛ ДУАЙТ ХИЛЛИС

Автор книги "Великие книги как учителя жизни".

Великие люди как пророки Новой эры \$1.50.

Последняя книга доктора Хиллиса задела за живое. В ней действительно чувствуется жизнь и человеческое сочувствие. Он хорошо разбирается в вещах и отношениях, обладает обширной культурой, цепкой памятью и великолепным воображением, и в наши дни мало найдется писателей, у которых заранее была бы обеспечена такая большая аудитория. Среди сюжетов: Данте; Савонарола; Уильям Молчаливый; Оливер Кромвель; Джон Уэсли; Джон Мильтон; Гарибальди; Джон Рескин и др.

ЭТО Р. МИТЧЕЛЛ, магистр медицины, Б.Д.

Драма жизни

Серия размышлений о "Семи веках" Шекспира. Введение Нелли Л. Маккланг. \$1.25.

Свежее, стимулирующее обсуждение старых тем. Мистер Митчелл обращается к своей теме с необычной прямоотой, привнося в обсуждение ясность мысли и доходчивость выражения, которые уже получили восторженное одобрение сэра Уильяма Робертсона Николла, Ч. У. Гордона, д.д.н., (Ральфа Коннора) архидиакона Коди и проф. Дж. Фрэнсис Г. Пибоди.

Д. МАКДУГАЛЛ КИНГ, М.Б.

Автор книги "Битва с туберкулезом".

Нервы и Личная Сила

Некоторые принципы психологии применительно к поведению и здоровью. С введением достопочтенного У.Л. Маккензи Кинга. \$2.00

Премьер Кинг говорит: "Я думаю, что мой брат помог укрепить христианское учение, показав, как недавние медицинские и научные исследования раскрывают основы христианской веры и верования в направлениях, доселе неизведанных.— Мир нуждается в уверенности, которую эта книга вряд ли сможет не дать".

ПРЕПОДОБНЫЙ Р.Э. СМИТ, Уэйко, Техас.

Христианство и расовая проблема \$1.25.

Разумное, тщательное исследование расовой проблемы на Юге, написанное урожденным южанином, сыном рабовладельца и солдата Конфедерации. Мистер Смит всю свою жизнь прожил среди негров и чувствует, что способен видеть обе стороны проблемы, которую он берется обсуждать.

ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

ДЖОРДЖ МАККРИДИ ПРАЙС, магистр медицины

Отравление Демократии

Исследование современного социализма. \$1.25

Профессор Прайс показывает, что условия, преобладающие сегодня, в значительной степени обусловлены принятием различных социалистических и эволюционных теорий, называемых "Новой" теологией. Более потрясающего морального и религиозного обвинения социализму никогда не предъявлялось.

АЛЬБЕРТ КЛАРК УАЙКОФФ

Бессмыслица Христианской науки \$1.75

Смертельная, уничтожающая атака на христианскую науку, охватывающая все ее позиции. Тщательный анализ мистером Уайкоффом претензий, ошибок, безумия и бессмыслицы так называемой христианской науки должен оказаться столь же убедительным, сколь и неопровержимым.

ALLEN W. JOHNSTON

Римско - католическая Библия и Римско - католическая церковь

Предисловие Дэвида Дж. Баррелла, доктора философии \$1.25

Книга, в которой рассматриваются основные доктрины, которым учит Римская церковь, такие как Призыв святых, Чистилище, Индульгенции, поклонение Марии, Святая Евхаристия и т.д. и т.п., и указывается на различие между этим сводом учений и Священным Писанием.

Новые издания.

I.M. HALDEMAN

Могут ли Мертвые общаться с Живыми? \$1.25

"Излишне говорить, что доктор Холдeman не имеет никакого отношения к спиритизму. Книга, которая пробуждает каждого к осознанию опасности "спиритуализма" среди христиан". — *Христианская работа.*

ДЖЕЙМС М. ГРЕЙ, доктор медицинских наук

Спиритизм и падшие ангелы

С библейской точки зрения. \$1.25

"Начиная с обзора современного возрождения спиритизма и способов борьбы с ним, доктор Грей возвращается к истокам, к пагубному влиянию культа с самых ранних лет истории человечества". *S.S. Times*.

СТАНДАРТНЫЕ СПРАВОЧНЫЕ РАБОТЫ

Г.Б.Ф. ХЭЛЛОК, редактор журнала "The Expositor".

Современная энциклопедия иллюстраций на все случаи жизни

Тысяча девятьсот Тридцать восемь иллюстраций. \$3.00.

Обширная коллекция иллюстративных случаев, анекдотов и других наводящих на размышления материалов о выдающихся днях и сезонах церковного года. Автор, хорошо известный читателям "*Толкователя*", представил действительно ценное пособие для проповедников, руководителей воскресных школ и всех христианских работников.

ДЖЕЙМС ИНГЛИС

Библейская текстовая Энциклопедия

Полная классификация текстов Священных Писаний. Новое издание. Большой 8-й экземпляр, 2,00 доллара

"Более разумно и удобно, и во всех отношениях более удовлетворительно, чем любая книга подобного рода, которую мы когда-либо знали. Мы не знаем никакой другой работы, сравнимой с ней, на этом факультете обучения ". — *Sunday School Times*.

АНГУС-ГРИН

Энциклопедический справочник по Библии

Джозеф Ангус. Переработано Сэмюэлем Г. Грином.

Новое издание. 832 страницы с указателем, 3,00 доллара.

"Лучшая вещь в своей линейке".—*Айра М. Прайс, Чикагский университет.*

"Занимает неоспоримое место среди вспомогательных средств для толкования Священных Писаний". —*Баптистское обозрение и толкователь.*

"За огромную услугу изучающим Библию". —*Methodist Times*.

Сокровищница знаний Священных Писаний *Введение Р.А. Торри*

Состоит из 500 000 ссылок на Священные Писания и параллельных отрывков. 788 страниц. 8vo. Ткань. \$3.00.

"Изучающие Библию, которые хотят сравнить места Писания с другими местами Писания, найдут "Сокровищницу" лучшим подспорьем, чем любую другую книгу, о которой я что—либо знаю". -Р.Р. Макберни, бывший генеральный секретарь YMCA, Нью-Йорк.

А.Р. БАКЛЕНД, редактор

Универсальный библейский словарь

511 стр. 8. Ткань. \$3.00.

Доктор Кэмпбелл Морган говорит: "Ясно, кратко, всеобъемлюще. Я без колебаний заявляю, что если бы любой студент взял Библию и с ее помощью прочитал ее, книгу за книгой, то выгода была бы огромной".

ЦЕРКОВНАЯ РАБОТА

РОДЖЕР В. БЭБСОН, автор книги "Основы процветания" и др.

Новые задачи для старых Церквей

Ткань, 1,00 доллара. Бумага, 60 центов.

Предложения по решению сегодняшних проблем, четкие и смелые. Бэбсон мало сочувствует аргументам деловых людей о личных интересах или устаревшим методам церкви в промышленных сообществах. Его единственный интерес заключается в физическом, социальном и духовном спасении мужчин, женщин и детей в наших промышленных центрах.

ПРЕЗИДЕНТ. УИЛЬЯМ АЛЛЕН ХАРПЕР

Автор книги "Новая церковь для нового времени" и др.

Церковь в условиях нынешнего кризиса - 1,75 доллара.

Достопочтенный. Джозефус Дэниелс говорит: "Доктор Харпер умело представил требование, чтобы церковь формировала мышление и жизнь будущего. Мир, перепробовав все остальное, приходит к убеждению, что никакое золотое правило само по себе не будет спасителем. Доктор Харпер мудро подчеркивает изучение Библии, христианскую закваску в образовании, обязанность смотреть трудным проблемам в лицо и решать их с помощью христианской религии. Это книга веры с мудрыми указаниями и наставлениями".

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЬБЕРТ Ф. МАКГАРРА

Автор книги "Современное церковное управление".

Деньги решают

Стимулирующее изучение христианского управления. \$1.25.

Служители и миряне, желающие убедительно представить принципы и практику, которыми должны руководствоваться христиане при получении и использовании денег, найдут здесь множество свежего материала, популярного по стилю, но глубоко вдохновляющего по тону.

Дополнительный том к "Современным церковным финансам" и "Современному церковному менеджменту".

ЛАЙМАН ЭДВИН ДЭВИС, доктор философии, LL.D.

Редактор журнала "Методист Рекордер".

Демократический методизм в Америке

Актуальный обзор методистской протестантской церкви. \$1.50.

История методистской протестантской церкви с момента ее основания в 1830 году, указывающая на различные звенья в цепи обстоятельств, приведших к организации Методистской протестантской церкви, и фундаментальные принципы, которые побудили и оправдали движение. Это энергичный и умело аргументированный призыв к методизму "взаимных прав".

ИЗУЧЕНИЕ БИБЛИИ

П. УАЙТВЕЛЛ УИЛСОН

Автор книги "Христос, которого мы забываем"

О Церкви Мы забываем.

Исследование жизни и слов первых христиан. 8vo, ткань, сетка

Автор книги "Христос, которого мы забываем" представляет здесь сопутствующую картину самой ранней христианской церкви — мужчин и женщин, испытывающих схожие с нами чувства, которые следовали за Христом и сражались в Его битвах в римском мире своего времени. "И здесь, - говорит мистер Уилсон, — моя коробка с красками - это Библия, и ничего больше, а мой холст - это страница, которую может прочитать тот, кто бежит".

К. АЛЬФОНСО СМИТ, доктор философии, доктор права

Заведующий кафедрой английского языка Военно-морской академии США, Аннаполис, штат Мэриленд.

Изучение ключевых нот в библейских книгах 12mo, ткань, сетка

Рассматриваются священные книги: Бытие, Есфирь, Иов, Осия, Евангелие от Иоанна, Послание к Римлянам, Филиппийцам, Откровение. "Ни одна серия лекций, прочитанных в этом знаменитом фонде, не была более интересной и стимулирующей, чем эти просветляющие исследования книг Священного Писания мирянином и библиотечным экспертом". —*Christian Observer*.

ДЖОРДЖ Д. УОТСОН, доктор медицинских наук

Первые Слова Бога

Исследования в Книге Бытия, исторические, пророческие и экспериментальные. 12то, ткань, сеть

Доктор Ватсон показывает, как Божьи замыслы и бесконечная мудрость, Его план и предназначение для человечества, Его неизменная любовь и верность впервые раскрываются в Книге Бытия и остаются неизменными на протяжении всего канона Священного Писания. Новая работа доктора Ватсона послужит необычным источником просвещения для каждого искателя знаний в области религии, который обнаружит, что "Первые слова Бога" обладают огромной ценностью и приносят пользу.

ЭВЕРЕТТ ПЕППЕРРЕЛЛ УИЛЕР, А.М.

Автор книг "Шестьдесят лет американской жизни" и др.

Изучение Библии юристом

Это ответ на вопросы сегодняшнего дня. 12то ткань, сетка

Главное утверждение мистера Уилера состоит в том, что Библия, если ее мудро изучить, правильно понять и внимательно следовать ее советам, оказывается бесценной как руководство к повседневной жизни и поведению. С этой целью мистер Уилер исследует ее учения, касающиеся социологии, труда и капитала, социализма, войны, фатализма, молитвы, бессмертия. Понятная, полезная книга.